

Региональная стипендиатская программа
Фонда им. Генриха Белля для ученых на Южном Кавказе

Город, Миграция, Рынок: Новый взгляд на социокультурные проблемы в исследованиях ученых Южного Кавказа

Сборник статей

- Урбанистика
- Социология
- Политология

 HEINRICH
BÖLL
STIFTUNG
SOUTH
CAUCASUS

2011

Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля

**Город, Миграция, Рынок: Новый взгляд на социокультурные проблемы
в исследованиях ученых Южного Кавказа**

Редакторы: София Хуцишвили,
Джон Хоран

Тбилиси, ФГБ, 2011 - 200 ст.

**City, Migration, Markets: New Studies in Social Science from the South
Caucasus**

Editors: Sophia Khutsishvili
John Horan

Tbilisi, HBS, 2011 - 200 p.

© Heinrich Böll Stiftung South Caucasus, 2011

ISBN 978-9941-9009-8-3

СОДЕРЖАНИЕ

Vorwort	4
Предисловие	6
Рецензия	8

УРБАНИСТИКА

Шушаник Епископосян

Семиотическая организация и трансформация городского пространства центра Еревана	13
--	----

Гамлет Мелкумян

Ереванский вернисаж: между выставкой и ярмаркой	48
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Шорена Габуня

Гомосексуальность в городской культуре Тбилиси	69
--	----

Екатерина Церетели

Жизнь в поселении для беженцев: опыт исследования	104
---	-----

Алина Погосян

Беседа трех женщин (некоторые аспекты адаптации мигрантов)	126
--	-----

Tamta Melashvili

What Makes Me Migrate? Socially and Culturally Constructed Motivations of Georgian Women's Migration	148
--	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Satenik Mkrtchyan

Armenia-Georgia Relations (1918-1921), as Reflected in School Textbooks: "Wars" or "Dialogues" of Memories	169
--	-----

АВТОРЫ	185
---------------------	-----

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА	191
---------------------------	-----

VORWORT

Der Südkaukasus bleibt ein Brennpunkt für Konflikte, politische und wirtschaftliche Transformation ebenso wie die Bildung von ethnischen Nationalstaaten. Daraus ergeben sich zahlreiche Fragen für die Gesellschaftswissenschaften. Gleichzeitig sind die Gesellschaftswissenschaften ebenfalls ein Gegenstand von Krise und Wandel. Ein Schwerpunkt der Heinrich Böll Stiftung im Südkaukasus ist es, junge Wissenschaftler aus der gesamten Region mit einem Stipendienprogramm bei der Erarbeitung von innovativen Forschungsprojekten und Bildung von Netzwerken zu unterstützen.

Die Auswahl der besten Forschungsarbeiten aus dem Jahr 2009 verdeutlichen das breite Feld wissenschaftlicher Ideen, Fragestellungen und Methoden des Forschungsprogrammes. Im Jahr 2009 wurden sieben Beiträge bis hin zur Publikation bearbeitet. In seinem Beitrag über die Vernissage in Jerewan untersucht Hamlet Melkumyan in welchen Umfang es sich bei dieser Touristenattraktion um eine Ausstellung oder um einen Jahrmarkt im gegenwärtigen Armenien handelt. Shushanik Yepiskoposyan analysiert die urbane Entwicklung in Jerewan. Die Arbeit kommt zu dem Schluss, dass die Stadt auf der Suche nach Identität ist und eine Mischung aus den Spuren der sowjetischen Vergangenheit und den Zeichen der Globalisierung geprägt von Fastfood Restaurants, Wolkenkratzern und Glasfassaden präsentiert. Homosexualität ist eines der gesellschaftlichen Tabus im Südkaukasus. In Ihrer Arbeit "Städtische Kultur der Homosexualität in Tiflis" analysiert Shorena Gabunia Homosexualität aus einer kulturellen und historischen Perspektive. Ekaterine Tsereteli und Alina Poghosyan untersuchen in ihren Arbeiten Fragestellungen über das Schicksal georgischer Binnenflüchtlinge des Russisch Georgischen Krieges im August 2008. Mit der Arbeit "What Makes Me Migrate? Socially and Culturally Constructed Motivations of Georgian Women's Migration" widmet sich Tamta Melashvili der weiblichen Arbeitsmigration oftmals basierend auf dem Interesse, das wirtschaftliche Überleben ihrer Familien zu sichern. Satenik Mkrtchyan untersucht mit einer vergleichenden Schulbuchanalyse die Darstellung des armenisch-georgischen Konfliktes von 1918 bis 1921. Die Schulbücher

spiegeln auch einen Krieg der Erinnerung wieder, der einen fundierten Dialog und Verständigung zwischen den beiden Nachbarstaaten erschwert.

Ziel des Forschungsprogrammes ist es die innovativen Eliten der Länder im Südkaukasus zu halten. Gleichzeitig sollen die Ergebnisse aber in den internationalen akademischen und öffentlichen Diskurs einfließen. Diese Publikationen soll eine Grundlage dazu leisten. Mit der sprachlichen Schwerpunktsetzung auf Russisch sollen sich die Ergebnisse auch den Lesern im postsowjetischen Raum erschließen. Zur Erstellung und Verbreitung der Arbeiten hat auch die vom Deutschen Akademischen Austauschdienst finanzierte und gemeinsam mit der Universität Duisburg durchgeführte Sommerschule zum Thema „Konflikt und Transformation im Südkaukasus. Staatsbildung zwischen nationaler Identität und Europäisierung“ beigetragen.

Den Autoren und deren Betreuern wünsche ich einen engagierten Kreis an Lesern, die einen Diskurs im Südkaukasus und darüber führen. Mögen die Ergebnisse zur Entwicklung der Sozialwissenschaften, Geisteswissenschaften und Urbanistik beitragen, ohne dass die Region ihre Experten verliert sondern das intellektuelle Kapital für die künftige Transformation der Länder nutzen kann.

Dr. Iris Kempe
Direktorin der Heinrich Böll Stiftung Südkaukasus

ПРЕДИСЛОВИЕ

Южный Кавказ остается горячей точкой с точки зрения существующих здесь конфликтов, политических и экономических перемен, а также образования этнических национальных государств. Все это порождает множество вопросов для общественных наук, что является, в свою очередь, предметом кризиса и перемен. Основным направлением Фонда им. Генриха Бёлля на Южном Кавказе является поддержка программ стипендий ученых из стран Южно-Кавказского региона при разработке инновационных научно-исследовательских и образовательных проектов.

Сборник лучших научных работ за 2009 год подчеркивает широкий спектр научных идей, постановки вопросов и методов научно-исследовательских программ. В 2009 году было разработано семь статей для публикации.

В своей статье о Вернисаже Гамлет Мелкумян исследует в каком объеме этот туристический аттракцион предоставляется в качестве выставки или ярмарки в современной Армении.

Шушаник Епископосян анализирует урбанистическое развитие Еревана. Работа заканчивается выводом о том, что город, будучи в поисках собственной идентичности, представляет собой определенную смесь советского прошлого и признаков глобализации в виде ресторанов быстрого питания, небоскребов и стеклянных фасадов.

Гомосексуализм является одной из табуированных тем на Южном Кавказе. В своей статье “Городская культура гомосексуализма в Тбилиси” Шорена Габуня исследует гомосексуализм с точки зрения культурно-исторической перспективы.

Екатерина Церетели и Алина Погосян в своих работах рассматривают постановку вопроса о судьбе внутренне вынужденно перемещенных лиц в результате Российско-грузинской войны 2008 года.

В своей работе “What Makes Me Migrate? Socially and Culturally Constructed Motivations of Georgian Women’s Migration” Тамта Мелашвили касается вопроса женской рабочей миграции, которая затрагивает проблему улучшения экономического состояния и обеспечения семьи.

Сатеник Мкртчян рассматривает Армяно-грузинский конфликт 1918-1921 годов на основании сопоставления школьных учебников. Учебники отражают, в свою очередь, еще и войну воспоминаний, что осложняет ведение диалога и взаимопонимание между двумя соседними государствами.

Целью научно-исследовательской программы является удержание инновационных элит в Южно-Кавказском регионе. Кроме того, результаты должны быть отображены на международных академических и публичных дискуссиях. И настоящая публикация должна послужить тому основой. Избрав русский язык в качестве языка публикаций, у нас появилась возможность ознакомить с результатами перечисленных выше работ читателей постсоветского пространства. Разработке и распространению работ содействовала также профинансированная Германской службой академических обменов (DAAD) и проведенная совместно с Университетом Дуйсбурга Летняя школа по теме “Конфликт и трансформация на Южном Кавказе. Образование государства между национальной идентичностью и европеизацией”.

Авторам и их руководителям желаю заинтересованных и активных читателей, ведущих дискуссии о Южном Кавказе. Программа стипендий и ее результаты должны поддерживать общественные и гуманитарные науки, а также урбанистику, и при этом содействовать развитию интеллектуального капитала, что имеет огромное значение для будущей трансформации стран Южного Кавказа.

Доктор Ирис Кемпе
Директор Фонда им. Генриха Бёлля на Южном Кавказе

РЕЦЕНЗИЯ

Настоящим сборником Южно-Кавказский региональный офис Фонда им. Генриха Бёлля продолжает серию публикаций исследовательских работ, выполненных на протяжении года. В данном сборнике представлено семь работ за 2009 год. Все они отвечают мандату общей деятельности Фонда и направлениям его стипендиатской программы. Читатель может сам убедиться в их актуальности и научной ценности. Уже из одного беглого ознакомления с заголовками статей можно сделать вывод, насколько увлекательной оказалась для молодых исследователей многогранная проблематика современной общественной, в том числе и городской, жизни стран Южного Кавказа.

В целом настоящий сборник отражает тенденцию, которая наблюдается в странах Южного Кавказа – повышение общественного и научного интереса к многогранной урбанистической проблематике. Если раньше этот срез городского развития в основном относился к технократической сфере, то сегодня на первый план выдвигаются широкие гуманитарные подходы к решению актуальных вопросов городского развития, формируется соответствующий научный инструментарий, использующий методологию и технику культурных исследований, социологии, социальной психологии и других дисциплин. Метафорически этот процесс можно охарактеризовать как переход от “hardware” к “software”. Совершенно естественно, что молодые исследователи не только чувствуют такую динамику, но и участвуют в ней, осваивая новые пласты современной реальности.

Сборник открывает статья Шушаник Епископосян – “Семиотическая организация и трансформация городского пространства центра Еревана”. Эта работа отражает тот пласт городской социально-пространственной среды, который раньше, в советский период развития наших городов, служил исключительно идейно-политическим задачам и был частью так называемой “монументальной пропаганды”. Ш. Епископосян прослеживает основные этапы развития Еревана, в частности, его центральной части, не только описательно, но и с помощью убедительного урбанистического анализа. При этом она выделяет принципиально отличные исторические этапы формирования городского пространства столицы Армении – средневековый, имперский, национальный, тоталитарный, технократический и, наконец, современный “потребитель-

ский”. Последнему, сегодняшнему этапу, уделяется особое внимание. Как и любое другое урбанистическое исследование, работа Ш. Епископосян, при проявлении соответствующего интереса со стороны городских властей, может иметь практическое приложение.

С упомянутой выше работой перекликается исследование Гамлета Мелкумяна – “Ереванский вернисаж: между выставкой и ярмаркой”. Выбранная исследователем тема вписывается в тот процесс, который в той или иной степени охватил все постсоветские города и который можно охарактеризовать как “фольклорное градоформирование”. Г. Мелкумян описывает новоявленные городские культурные пространства – средоточие социальной и культурной жизни городского сообщества и делает это в нескольких измерениях – таких, как локализация в пространстве города, собственная структурная организация, временная эволюция, внутренняя иерархия участников, сезонные особенности и т. д. В работе сделан справедливый вывод – подобные культурные пространства работают на бренд города и привлечение иностранных туристов не меньше, чем вся номенклатура учреждений “высокой культуры”. Можно отметить лишь то, что данную увлекательную статью оживило бы несколько жанровых фотоиллюстраций.

Исследование Шорены Габуния – “Гомосексуальность в городской культуре Тбилиси” – разрабатывает ранее табуированную в грузинском обществе тему. Использование исследователем разнообразного научного инструментария – от анализа исторической ретроспективы и городской географии до дневниковых записей информантов – придает работе особую ценность. Это даёт автору возможность выявить и очертить контуры латентной субкультуры городского сообщества Тбилиси. Интересно и то, что Ш. Габуния в контексте темы добавляет несколько существенных штрихов к социальному портрету знакового персонажа тифлисской городской жизни – кинто, который был в свое время блестяще и, казалось бы, исчерпывающе описан несравненным знатоком урбанистической культуры Тифлиса – Иосифом Гришашвили.

Тема, избранная Екатериной Церетели – “Жизнь в поселении для беженцев: опыт исследования” – остаётся актуальной и по сей день, несмотря на то, что постконфликтный период насчитывает уже годы. Более того, проблематика полноценной социальной, культурной и экономической адаптации беженцев выдвигает всё новые и новые задачи, осмыслить и решить которые невозможно без подобного рода исследований. Хотя исследуемое поселение не названо, представленные

в статье результаты можно с достаточной степенью достоверности отнести к большинству поселений вынужденно перемещённых лиц.

Алина Погосян придала своему исследованию камерный, “неформальный” характер, оно так и названо: “Беседа трёх женщин (некоторые аспекты адаптации мигрантов)”. Исследователь, следуя давней традиции и апробированному научному приёму, выступает здесь в роли одного из собеседников, и в конечном итоге, на примере жизненных историй двух мигранток раскрывает извечную оппозицию “свой – чужой”.

Сборник продолжает статья Тамты Мелашвили – “What Makes Me Migrate? Socially and Culturally Constructed Motivations of Georgian Woman Migration”. Как следует из заглавия, в работе исследуется гендерный аспект внешней миграции, при этом Т. Мелашвили классифицирует миграционную активность по разным признакам – возраст, место исхода и назначения миграции и т. д. Качественный подход к исследуемой проблеме позволил ей наполнить исследование жизненными обстоятельствами, подтолкнувшими в каждом конкретном случае респонденток к принятию решения выехать за рубеж.

Особняком стоит статья Сатеник Мкртчян – “Armenia – Georgia Relations (1918-1921) as Reflected in School Textbooks: “Wars” or “Dialogues” of Memories”. В статье исследуется кратковременный, но драматический период грузино-армянских отношений, эхо которого до сих пор является предметом научных споров и не всегда объективных интерпретаций. Тем более важно проследить как подаётся и преподаётся этот период в школьных учебниках истории Грузии и Армении. С. Мкртчян старается с максимально возможной беспристрастностью сопоставить учебники истории постсоветского периода этих двух стран. В этом ей помогает наряду с родным армянским знание грузинского языка и обширные библиографические источники. Статья, безусловно, может послужить формированию объективного подхода к написанию школьных учебников по истории и, таким образом, адекватной социализации молодёжи двух исторически взаимосвязанных стран Южного Кавказа.

В. Вардосанидзе

**Архитектор-урбанист, эксперт-консультант
Фонда им. Генриха Бёлля
Тбилиси, 19 августа 2011 года**

Шушаник Епископосян

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРА ЕРЕВАНА

Природные свойства быстрее всего утрачиваются в большом городе. Причину этого надо искать не в этике, а в геометрии. Прямые линии улиц и зданий, прямолинейность законов и обычаев, тротуары, никогда не отклоняющиеся от прямой линии, строгие, жесткие правила, не допускающие компромисса ни в чем, даже в отдыхе и развлечениях, – все это бросает холодный вызов кривой линии Природы.

О'Генри. Квадратура круга

За последние годы практически все общественные дисциплины обращались к проблеме трансформации армянского общества – трансформации советского в независимое демократическое. Однако, при всем разнообразии многочисленных исследований этих реалий, из поля зрения исследователей полностью выпала проблема трансформации городского пространства, в то время как невозможно не согласиться с тем, что, подвергая изменениям материальную среду или создавая новую, мы создаем нового человека, формируем новое индивидуальное или коллективное сознание.

Город населен людьми. Символы и знаки существуют в нем не сами по себе, а как часть живого процесса повседневной коммуникации. Важно понять, какие человеческие эмоции, желания, идеалы, ценности, надежды и чаяния передает символика, как символы и знаки воспринимаются людьми, как они влияют на психологическую атмосферу города. Окружающие нас витрины, плакаты, рекламные щиты, новостройки, шум машин, правила движения, загрязненность/чистота города, посторонние взгляды и реплики, инфраструктура мест досуга и их стратифицированность, культура праздников и пр. – именно эти элементы городской среды и создают некий пласт самоидентификации горожанина. Они формируют потребителя, носителя той или иной роли в определенном обществе, городе, инфраструктуре. Само городское пространство, с присущими ему инфраструктурами, создает “идеаль-

ные типы” современного горожанина и формирует соответствующие страты/группы. Так, например, определенные кафе, рестораны и другие места досуга предполагают определенный тип посетителя: по стилю одежды, манере говорить, атрибутике, курению/некурению, интересам, манерам, предпочтениям в блюдах, выпивке и т.п. В результате этой селекции, своего рода “искусственного отбора”, происходит постепенное зонирование города.

Концентрацией вышеназванных процессов становления и трансформации городского пространства является его сердцевина – городской центр. Эта статья является результатом исследования, целью которого было осмысление городского пространства Еревана, в частности – его центра, выделение и интерпретация семиотического пространства повседневной жизни горожан. Для получения наиболее полной и обоснованной картины я заостряла внимание, в частности, на сопоставлении старого и нового на “теле” города. Так, например, в первые годы независимости начальному этапу формирования национального государства было присуще стремление стереть нежелательные следы советской реальности. Переименование площадей, улиц, других мест и отдельных строений были также попыткой отразить на “теле” города его историческое прошлое через увековечивание значительных исторических событий и имен доблестных предков. Демонтаж советских памятников должен был пресечь “запланированную” долговечность смыслов и ценностей, которые они олицетворяли.

Концу 1990-х была присуща стихийная коммерциализация пространства: сначала посредством наводнения улиц и площадей рекламными щитами, позднее – ростом индустрии досуга и развлечений. Сегодня трансформация материального пространства города продолжается в виде массовой застройки центра с одновременным формированием потребительского отношения к городскому пространству.

Одной из отправных точек исследования являлась гипотеза о том, что городская ткань явно или имплицитно таит в себе господствующую идеологию, является местом обитания последней, ее разворачивания и процветания. Таким образом, моя позиция основывается на постмодернистской традиции: город рассматривается как текст, внимание сфокусировано на процессе приписывания смыслов городскому пространству. Архитектура подобна языку: как отмечает Р. Барт,¹ мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации, и что всякая классификация есть способ по-

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: “Прогресс”, “Универс”, 1994, с. 548.

давления. Город есть то пространство, в котором архитектура творит (читай, пишет) саму себя. Лишь невидимое насилие языка над говорящим² сродни насилию города над горожанином.

... Сэм Фолуэлл прибыл в Нью-Йорк поздно вечером. Все еще следуя свободным законам природы, движущейся по кругу, он сначала не заметил грозных, безжалостных, острых и жестких углов большого города, затавившегося во мраке и готового сомкнуться вокруг его сердца и мозга и отштамповать его наподобие остальных своих жертв.³

Кевин Линч выделяет качество четкости или понятности городского пространства, обозначая его словом *legibility* (в русских источниках встречается как «читаемость» по аналогии с текстом).⁴ Под этим понимается легкость, с которой можно распознать его части и организовать в связное содержание. “Как напечатанную страницу можно легко прочесть как связный паттерн распознаваемых символов, так и четкий город должен быть таким, чьи районы и ориентиры легко опознаются и группируются во всеобъемлющий паттерн <...> легко читаемое окружение не только несет с собой чувство безопасности, но и повышает потенциальную глубину, интенсивность человеческого опыта”. К. Линч, однако, обходит стороной феномен *подчинения* законам города, обозначая его *приспособляемостью*: “после некоторого опыта можно научиться находить дорогу в самом беспорядочном и бесформенном окружении”. И все же я настаиваю на позиции *подчинения* горожанина городскому пространству, которое, однако, не является способом сознательного, но, скорее, бессознательного самообмана. Именно в том и состоит функция идеологии, чтобы незаметно, и, стало быть безболезненно, подменить в сознании человека подлинные, но “неприглядные” мотивы его поведения иллюзорными, но зато нравственно приемлемыми.

Таким образом, настоящее исследование явилось попыткой замедленного семиотического прочтения городского текста с целью выявления диалектики вкрапления в него господствующей идеологии и порожденных ею коннотаций. Эта статья отражает процесс моих размышлений и всматриваний в пространство повседневной жизни городского жителя, направленных на осмысление того контекста, который не только является пространством смыслопорождения жизни, но и пере-

² Согласно Роману Якобсону, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать.

³ О. Генри. Квадратура круга. // Короли и Капуста; Новеллы. Л.: Лениздат, 1986, с. 357.

⁴ http://www.glazyshev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm

плетается с самой жизнью, создавая интертекстуальный альянс. Для приближения к поставленной цели я выбрала семиологический подход изучения, или, говоря бартовским языком, *разоблачения* коннотативного плана⁵ городского пространства в его трансформации.

Следует, однако, заметить, что результаты исследования, представленные здесь, это лишь один коллаж, стоп-кадр того калейдоскопа образов и смыслов, которые проявляются при всматривании в город. Будучи в непрерывном процессе ускользания, город представляет собой уникальный объект изучения, который никогда не дарует исследователю чувство удовлетворенности в своих поисках и нащупываниях. Статья, таким образом, является попыткой создать платформу для дальнейшего “серфинга” в смысловом пространстве города.

Трансформация семиотической организации городского пространства рассматривается, в частности, в следующих его планах:

- ✓ градостроительство,
- ✓ архитектура,
- ✓ урбанонимия,
- ✓ элементы городской среды,
- ✓ поведение в городской среде.

Архитектура и градостроительство: идеологические трансформации

В истории градостроительства Еревана 19-й век знаменует собой время интенсивной реконструкции, коренным образом изменившей всю ткань города. Общий облик города начала 19-го столетия определяют узкие улицы, на которые часто выходят глухие фасады домов и длинные заборы, прерываемые арочными проемами ворот. Как отмечает Мариетта Гаспарян⁶, для градостроительной системы Еревана характерна обусловленная топографической ситуацией нерегулярная застройка. Нестандартность размеров и конфигураций кварталов – основная причина того, что, несмотря на гегемонию прямых линий в рисунке плана, в идентичных частях города, в общей концепции структуры складывается иррегулярная сеть и сохраняется композиционная спонтанность построения. Доминантами композиций жилых

⁵ Следуя позиции Барта, автор рассматривает знаковое, семиотическое пространство как пласт проявления идеологии, которую, в свою очередь, связывает с феноменом коннотации. См. Барт Р., S/Z. Эдиториал УРСС, М., 2001, с. 8-12.

⁶ Гаспарян М. Архитектура Еревана XIX – начала XX века. Ереван: “Ушардзан”, 2008, с. 8.

массивов, а также акцентами силуэтной организации панорамы Еревана служат ансамбли конфессиональных центров, обособленные от остальной застройки в благоустроенных садах комплексы церквей и мечетей. В 1820-е годы, после присоединения Армении к Российской империи, большое количество армян переселилось из Западной в Восточную Армению. В связи с этим понятно стремление народа построить церкви, которых в Ереване было очень мало.

Во второй четверти 19-го века закладывается фундамент новой градостроительной системы Еревана. В Новом районе (Нор Таг) складывается прямоугольная модульная сеть кварталов, и утвержденные каноны планирования приводят к развитию периметральной застройки и вырисовке красной линии. Планировочная реконструкция города начинается в конце 1830-х гг. в северо-западной части Еревана, простирающейся восточнее Конда. В процессе освоения незастроенных земель происходит формирование Нового района. От подножия Кондской возвышенности в юго-восточном направлении трассируются три главные параллельные улицы – Назаровская (Амиряна), Бебутовская (Павстоса Бюзанда), Царская (Арама), дотянутые до дороги, позже выпрямленной в Астафьевскую (Абовяна). Поперечные улицы проложены под прямыми углами к первым, с осевой ориентацией северо-восток – юго-запад, согласно преобладающему ветровому режиму, – это Армянская (Маштоца) и Каравансарайская (Езника Когбац).

Во второй половине 19-го века, параллельно и в связи со статусным возвышением Еревана до уровня губернского города, деятельность государственных, губернских и городских властей направляется на планомерную реконструкцию регионального центра. Градостроительные мероприятия приобретают образ реальных действий после утверждения генерального плана в 1856 г., который стал важным градостроительным документом, направляющим дальнейшее развитие города. Он предусматривал радикальные меры по упорядочению городской застройки, предпринятой к началу 20-го столетия в центральных районах Еревана. Архитектура Еревана – губернского центра Российской империи – отражала вкусы и амбиции высоких чиновников и богатых людей. Архитектура этого периода отличается стремлением к вычурному, иногда помпезному фасаду, в то время как внутри здания не отвечали элементарным нормам комфорта и устойчивости. Именно в эти годы появились здания, известные каждому ереванцу, в которых вплоть до недавнего времени находились учебные, научные, просветительские учреждения. В наши дни большинство этих зданий

подверглось основательной реконструкции, при которой был сохранен лишь их внешний облик. Архитектура 19-го и начала 20-го веков, в частности, административных строений, была призвана отражать и выражать мощь Российской империи даже на окраинах государства. Огромными размерами и роскошным убранством своих домов богатые люди, преимущественно купечество, самовыражались в стремлении перещеголять друг друга.

С середины 19-го века картина движения людских потоков все усложняется: в нее включаются городские вокзалы, где сочетались и деловая, и подчеркнуто парадная части, городские музеи и картинные галереи, публичные библиотеки, театры. Медленно, но неуклонно “чистый” город богачей и город бедноты сближаются, их соединяет средняя прослойка горожан – мелкие служащие, студенты, лавочники. Рисунок движения потоков все усложняется, образуя в центральном ядре города плотный лабиринт, в который вовлекаются чуть ли не все улицы и переулки и все без исключения площади. Классовые границы не исчезают, но становятся почти невидимыми в публичных пространствах.

В структуре Еревана планировочно размечается ранее сложившееся функциональное зонирование с выделением торгового, социально-административного, промышленного, селитебного, зеленого районов. Входящие в плановую черту города участки дифференцируются по нескольким категориям: под застройку частными зданиями, для урегулирования улиц, “высочайше пожалованные” – отведенные городу правительством и т.п., в соответствии с ними местные власти проводят отводы и продажи городских земель.⁷

Фото 1. Панорама Еревана, 1900 г.

⁷ Гаспарян М. Архитектура Еревана XIX – начала XX века.

На рубеже XIX и XX веков произошла подлинная революция в градостроительстве, которая в корне преобразила не только облик города, но и самые основы того, что мы называем городским образом жизни. Строительство в центральных кварталах осуществляется в соответствии с требованиями генерального плана. Необходимость экономии земельных фондов определяет постановку здания не в глубине участков, а на красной линии улицы, повышается общая этажность застройки. Широкие прямые улицы обстраиваются двух-, трехэтажными каменными сооружениями, создаются ансамбли новых площадей, благоустраиваются парки и сады. Окончательно организуются приоритеты объемно-пространственной композиции города, чему способствует возведение в центральной части Еревана трех купольных церквей — Сурб Саркис, Сурб Григор Лусаворич и Николаевского собора.

К началу 20-го века самой большой эспланадой Еревана остается *Торговая площадь*⁸ — вытянутый по форме треугольник, сужающийся к северо-востоку. Территорию площади со всех сторон окружают магазины, лавки, ремесленные мастерские, промышленные заведения, которые развиваются в глубь северных и западных кварталов, куда вливается целая сеть улочек, функционально связывающая площадь с внутриквартальными комплексами и торговыми площадями Хлебной, Плотничной, Мечетской. Поставленные вплотную друг к другу и объединенные архитектурной трактовкой магазины представляют в совокупности гостиные дворы. Со стороны улиц — это одно- и двухэтажные здания, образующие по уровню первого этажа непрерывный стеклянный фронт разнообразных витрин торговых залов. Нарядные верхние жилые этажи перекликаются друг с другом ритмами консольных балконов и одинаково роскошно отделанных окон, прорезанных в скульптурных стенах фасадов. Крытые пешеходные зоны между кварталами, аркады галерей, протянувшиеся по всей длине улиц, модные вывески респектабельных магазинов вписываются в градостроительство целостным и художественно выразительным образом торгового центра, в котором каждый фрагмент, обусловленный функциональной организацией, привносит собственный колорит. Застройка Торговой площади сегодня полностью разрушена, на ее месте раскинут сад с детскими аттракционами между улицами Григора Лусаворича, Закаяна и Бейрута (бывшая Шаумяна). Последним в 1970-х гг. был разрушен комплекс Торговых рядов в связи с прокладкой бульвара и установлением памятника А. Мясникяну (1980).

⁸ См. Фото 1, Приложение 1.

Далее выделяется ось *Крепостная-Астафьевская*⁹ (Вазгена Саргсяна – Абовяна) – лучевая магистраль Еревана, проложенная в соответствии с генеральным планом 1856 г. Она начинается от северных ворот крепости (поэтому первоначально называлась Крепостной) и устремляется в северо-восточном направлении к окраинам, связывая крепость и Торговую площадь с центром и основное ядро города с дорогой в предместье Норк. Функциональной особенностью Астафьевской является преобладание здесь заведений культурно-просветительного назначения. В разных домах функционируют всевозможные частные заведения наподобие училища и детского сада княгини Павленовой, библиотеки-читальни И. Корганян и т.п. Заметим, что эта улица, в частности отрезок улицы им. Абовяна, сохранила свой “характер” и по сей день выделяется как “торговая” улица – с многочисленными магазинами и бутиками.

28 мая 1918 г., после распада Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР), образовалась Республика Армения. 28 мая 1919 г. правительство республики объявило Армению объединенной и независимой республикой и заказало председателю Совета Академии художеств А. Таманяну генплан Еревана. Именно с этой целью Таманян посетил в Армению в 1919 г. и в 1923 г.

Таманян не скрывал намерения разрушить старый персидско-туркско-царскорусский город и построить современную столицу. Он строил город современный по своей технологии и градостроительным канонам. В его проекте Ереван должен был стать выражением национального возрождения и средоточия нации, следовательно, генеральный план столицы должен был отражать основную идею нового государства.¹⁰ Для Армении с ее древней историей и культурой эта идея заключалась в возрождении утраченных традиций, на которых должно было происходить современное развитие страны. Независимость, демократия, национальные традиции, единение народа и целостность исторических территорий – вот основные аспекты, которые должны были найти выражение в генплане Еревана. Таманян направлял все движение Еревана на Арарат, к национальному полюсу, объединяя все силы нации и не давая им разойтись.¹¹ Постоянное движение к Арарату и есть выражение национальной идеи армян, писал армянский поэт Паруйр Севак.

⁹ См. Фото 2, Приложение 1.

¹⁰ См. Иллюстрация 1, Приложение 2.

¹¹ См. Балян К. Город, смотрящий на Арарат. М., 2009, с. 47.

Ни одна из идей Таманяна к концу его жизни не была осуществлена. В феврале 1936 г. Ереван хоронил своего великого реформатора. Народный дом, переделанный в Оперный театр и Филармонический зал, был завершён в 1953 г., Кольцевой бульвар был целиком раскрыт лишь в 1960-е годы, Главный проспект – примерно тогда же и то не полностью, Северный проспект начали прокладывать в 21-ом веке. Однако примечательно, что все, что строилось после, строилось не совсем так, а точнее совсем не так, как задумывал Таманян.

Одной из главных причин таких изменений стали репрессии, которым подверглась как сама национальная идея, заложенная в генплане, так и выражавшие ее решения. Вместо национальной идеи оставили национальную форму, прибавили к ней социалистическое содержание и получили архитектуру. Развитие национальных форм культуры целиком соответствовало коммунистической идеологии и выражало идею национального равенства. Однако жесткие функциональные каноны архитектуры делали весьма затруднительным ясное обозначение понятия социалистического содержания сооружения. С другой стороны, процесс создания современной социалистической национальной формы оказался задачей еще более трудно выполнимой.

Смерть Таманяна и утверждение в республике новой идеологии стали ключевыми моментами в изменении основной концепции архитектуры Еревана и проникновении в Армению тоталитарных принципов, определяемых термином “сталинский ампи́р”. По существу, после 1936 г. развитие Еревана происходило по двум наложенным один на другой генпланам – по таманяновскому национальному и по пост-таманяновскому тоталитарному. Фактически, развитие армянской архитектуры происходило без Таманяна, без идей Таманяна, но по формам Таманяна.

“Исправление” Таманяна осуществлялось на всех ключевых точках генплана: из композиции Дома правительства был изъят барабан центрального распределительного вестибюля, призванный доминировать на площади и направлять ось Северного проспекта от Оперы на Арарат. Диагональная ассиметричная композиция площади была приведена к симметрии по главным осям: на продольной оси визави Дому правительства появилось его зеркальное отображение, на поперечной встал памятник Ленину и Дом культуры. С пространства самой площади по Таманяну расходились несколько лучей, один из которых, естественно, был направлен на Арарат. Два объема, его фланкирующие, были перекрыты аркой, до минимума сузив обзор. Позже перспектива

на Арабат и вовсе была закрыта зданием Министерства транспорта и связи.¹² Арабат был выключен из ансамбля центральной площади.

Очевидно, что идея открытия Северного проспекта уже и не рассматривалась. Раскрытый в начале 21-го столетия Северный проспект получил несуразную ассиметричную башенную доминанту в том ключевом месте, где доминантой как раз должен был быть объем театра. На противоположном же направлении ось проспекта “промахивается”, т.к. ее ориентиром служит не отсутствующий барабан Дома правительства, а расположенный в несколько смещенном положении объем Картинной галереи.¹³

Наконец, завершающим шагом в процессе перестройки плана Таманяна стало строительство нового общественного центра Еревана: в стороне от всех таманяновских структур – по обе стороны вдоль оси проспекта Баграмяна были возведены здания ЦК КП Армении (ныне Национальное Собрание), Верховного совета (Президентский Дворец) и Академии наук. Здание ЦК, построенное на холме, демонстративно развернуто в сторону от Арабата. После строительства нового общественного комплекса роль центральной площади была сильно понижена.

Исправления таманяновских идей города были окончательно закреплены в генплане Еревана 1949 г. И несмотря на то, что в 1960-е годы и в начале нового столетия градостроители Еревана в той или иной форме стремились восстановить идеи Таманяна, отсутствие должного понимания и цельности предпринимаемых усилий лишь усугубили разрыв между идеями великого зодчего и их воплощением его потомками.

Вместе с тем, с приходом Хрущева в 1960-е годы, вместо задачи сооружения привлекательных и красивых фасадов была поставлена задача в кратчайшие сроки обеспечить каждую семью отдельной квартирой. Жилые дома этого периода, известные как “хрущевки”, представляли собой малогабаритные квартиры с низкими потолками. Можно сказать, что при хрущевском минимализме архитектуры как таковой не было.

Особо значительный процесс разрушения градостроительской ткани наблюдался в центральной части города, где в 1960-70-е годы были осуществлены без преувеличения выдающиеся средовые решения Кольцевого Бульвара и улицы им. Абовяна. Сегодня от них не

¹² См. Фото 3, Приложение 1.

¹³ См. Фото 4, Приложение 1.

осталось и следа. По словам К. Баляна, несколько ереванских архитекторов, стремясь противостоять бедам технократизма 1980-х, пытались обратить внимание общественности и властей на проблему сохранения старых ереванских построек конца 19-го – начала 20-го веков (так называемые черные дома – по цвету их туфовых фасадов) и включения их в контекст развивающегося города. Сегодня вопрос сохранения наследия решается просто: эти дома предлагается “сгрести” в квартал-резервацию.¹⁴

Урбанонимика центра Еревана

Среди пластов городского семиотического текста, равно как и довлеющего идеологического нарратива, выделяется его урбанонимия. Переименование улиц и площадей сродни дезинсталляции памятников, что, по сути, является очевидным выражением стремления стирать следы – следы той или иной эпохи, идеологии. В рамках этой статьи, в частности, представлены топонимы улиц и площадей центрального округа Еревана. Поскольку одним из ярко выраженных переломных моментов в истории Армении стал распад Советского Союза и приобретение независимости, был проанализирован список измененных названий улиц и площадей после 1990-го года. Такое пристальное внимание к урбанонимии отсылает к фоноцентрической традиции, заключающейся в привилегии слышимого и истолкованного звука. Учитывая то, что название, становясь привычным, теряет свою денотативную силу и, наоборот, активизирует коннотативную, становится очевидным, что борьба ведется не только и не столько с конкретными личностями, сколько с той идеологией и тем пластом тезауруса, который активизируют их имена.

Изучение списка измененных наименований улиц и площадей центра Еревана после 1990-го года, представленного на сайте мэрии города,¹⁵ дает возможность проследить логику таких трансформаций.¹⁶ Даже при поверхностном сопоставлении прежних и новых названий становится ясно, что в основе этой трансформации лежит единый принцип – стремление стереть с городского полотна все знаки и следы советского прошлого. Из 19 наименований, представленных в таб-

¹⁴ См. Балян К. Город, смотрящий на Арапат. М., 2009.

¹⁵ http://www.yerevan.am/main.php?lang=1&page_id=158

¹⁶ См. Таблица 1, Приложение 3.

лице, 16 напрямую связаны с именами основателей марксистского учения, революционных деятелей, руководителей Советского государства и Советской Армении, участников и героев Гражданской и Второй мировой войны, основных атрибутов и символов советской идеологии (Октябрьская, Красной Армии, Пионерская, Колхозников). Исключением в ряду имен является лишь Богдан Хмельницкий, который уступил свое место Ростому – одному из основателей партии Дашнакцутюн. Изменения произошли и в названиях ул. Джрашат (Полноводье) и Театральной площади, не несущих политической окраски. Первая из них переименована в честь известного армянского поэта (Сармена), а площадь получила новое название (Свободы) в попытке мемуаризировать многотысячные митинги 1988 г., проходившие именно здесь.

Таким образом, **имперская** идеология города, замененная **национальной**, а затем **тоталитарной**, впоследствии уступила место **технократической**. И все это, как мы увидели, не в последнюю очередь проявляется в архитектуре города, в его атмосфере и практически во всех элементах городской среды (памятники, площади, названия улиц, витрины, названия магазинов и т.д.).¹⁷ Господствующую сегодня идеологию города можно обозначить как **потребительскую**. Именно так характеризуется общество, возникшее в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как: рост доходов, существенно изменяющий структуру потребления; снижение продолжительности рабочего дня и рост свободного времени; размывание классовой структуры; индивидуализация потребления – оно характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок и представляет собой совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Вместе с тем, из фокуса внимания не исключается и состояние постмодерна современного общества, что, в свою очередь, имеет свое непосредственное выражение в семиотическом пространстве города.

Замедлим шаг и попытаемся внимательней всмотреться в городской текст с позиции этих феноменов и характеристик города.

¹⁷ Проявления этих трансформаций в элементах городской среды рассматриваются в последующих параграфах статьи.

Гламурный тоталитаризм vs “староереванскость”

Согласно Энтони Гидденсу,¹⁸ современность характеризуется отсутствием целостности и единства, а также беспрецедентными по своим темпам и масштабу изменениями, что, в частности, нашло отражение в самой природе современных институций. Как следствие, отмечает Гидденс, в сознании современного человека традиционные понятия места временного круговорота оказались окончательно вытесненными абстрактными категориями времени и пространства. Все аспекты жизни, включая досуг, институционализируются, бюрократизируются и превращаются в товар. Более того, товаром становится сама личность! Город покупает и перепродает своего горожанина благодаря той самой идеологии, которой так искусно пропитывается и подменяется сознание человека. Он покупает его, предлагая всевозможные эликсиры счастья, молодости и красоты, и перепродает очередной новинке, веянию моды и культовому образу. И все это происходит так быстро, что человек не успевает даже оглянуться и вникнуть в ситуацию. Сам город способствует рождению чувства потерянности и необходимости перманентного поиска ориентиров. Таким образом, на данном этапе тоталитаризм принимает характер имплицитности, скрытости, в противовес эпохи тоталитарной идеологии, которая во всю выражалась в элементах городского пространства.

Город привносит некий элемент шизофрении (Джеймисон),¹⁹ т.к. не позволяет привыкнуть к себе. Исчезает чувство привычности и “стоптанности” пути. Мы идем в магазин, а вместо него натываемся на новый клуб либо развалины, или же табличку “сдается в аренду”. Город становится письмом (Деррида) с присущими ему возможностями и привилегиями: записки на полях, маркировка того или иного элемента, обрамление текста, стирание и написание заново, произвольное определение пространства и, следовательно, процесса опространствования.

Постоянная реконструкция города, которая сродни пластическим

¹⁸ Прочитировано в Уилсон Э. Городская мода. // Теория моды. Одежда, тело, культура. Международный журнал. Выпуск 1. Новое литературное обозрение, 2006, с. 211.

¹⁹ Одна из составляющих джеймисоновской концепции постмодернизма (эссе Фредерика Джеймисона “Постмодернизм и общество потребления”) – шизофрения, приводящая к утрате смысла, утрате чувства непрерывности. Джеймисон описывает шизофренический опыт как тот, который “обречен не переживать повторяющееся настоящее, с которым разнообразные моменты его прошлого не обнаруживают ни малейшей связи, и на горизонте которого не существует представимого будущего. Другими словами, шизофренический опыт – это опыт изолированных, разъединенных, дискретных материальных означающих, которые не удастся связать в последовательный ряд”. См. Массовая культура: современные западные исследования. Отв. ред. В. Зверева. Фонд научных исследований “Прагматика культуры”. М., 2005.

операциям по омоложению лица, делает его источником шизофренического переживания. С другой стороны, у города есть еще одна шизофреническая особенность: дискретное присутствие его градо- и центроформирующих элементов, которые объединяются в сети магазинов, кафе, супермаркетов, банков и т.д. Здесь следует остановиться и заметить, что речь идет не только о локальных сетях в пространстве одного города, но также и о международных – некий эффект “макдольнадизации”.

Представители общественных наук отмечают, что целью нового поколения становится не просто потребление, а потребление торговых марок как чувственных образов, становящееся формой представления себя другим людям или организациям и коммуникаций с ними. Лозунг “Ты – это то, что ты потребляешь” становится центральным для человека современной цивилизации. Меняется само представление о ценности. Речь уже идет не о стоимости вещи, ценность которой конструируется с помощью символов, а о стоимости ощущений, испытываемых человеком, ценность которых конструируется с помощью технологии. Женщинами, да и мужчинами тоже, руководит стремление произвести впечатление на окружающих, подчеркнув при этом собственную индивидуальность.²⁰

Одним из центральных понятий общества потребления становится “бренд”, в основе которого лежит психо- и/или социотехнология, представляющая собой способ управления потребителем, направленный на создание у него определенных осознаваемых или неосознаваемых им психосостояний – ощущений, эмоций, мнений, убеждений, знаний, действий.²¹

Вслед за Ги Дебором воспринимая современное общество как *общество спектакля*, зрелищ, в настоящем исследовании я вглядываюсь в город с той же позиции. В этом ракурсе можно без особых усилий заметить, что этот пласт, этот спектакль не обошел такой мощный, самобытный элемент городского ландшафта, как архитектура. Более того, примечательно, что современная архитектура не только своим визуальным посылом сообщает о своей приверженности к списку предметов потребления, но и подпитывается такими эпитетами как “элитный”, “ультрасовременный” и названиями типа “Эребуни Плаза”, “Норд”, “Цитадель”, тем самым становясь брендом!

²⁰ Уилсон Э. Городская мода, с. 213.

²¹ Жлудова О. Бренд как механизм социальной регуляции в массовой регуляции в массовой культуре. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/03/20/0000321693/03-Zhludova.pdf>

Возвышающиеся сегодня новостройки (как отдельные здания, так и целые кварталы), подобно магазинам, конкурируют друг с другом: на первый план выходит не только архитектурное решение самого здания, но и магазинов, размещающихся на первом этаже. Что же происходит с городами? Что придет им на смену? Точнее говоря: каковы отношения между современным городом и современной модой?

Вместе с тем, нельзя не заметить попытки вызывания к жизни староереванских реалий, которые встречаются как в городском пространстве, так и в интерьерах различных объектов. В качестве примера можно привести ресторан “Հին Էրիվան” (Старый Эриван), который размещен в новостройке прямо в начале Северного проспекта. В данном случае к «староереванскости» вызывает как само название, так и архитектурные и дизайнерские решения здания и интерьера.

Заметим, что элементы ереванской культуры встречаются на центральных улицах Еревана чаще в качестве городских скульптур и памятников. Так, на улице Абовяна, перед знаменитым в молодежно-интеллектуальных кругах арт-кафе “Art Bridge”, разместились каменные табуреты и столики с выбитой в них шахматной доской.²²

Фото 2. Каменные табурет и столик с выбитой шахматной доской.

На той же улице Абовяна разместилось открытое кафе, носящее весьма коннотативное в пространстве Еревана название “Ереван 70-х”,²³ которое являет собой яркий пример одной из тенденций, прослеживаемых сегодня в пространстве городского текста – возрождение и меморизация «староереванскости», что на первый взгляд можно интерпретировать как сопротивление вышеописанным процессам, однако на самом деле выражает тенденции сегодняшней моды, которые (по совпадению?) цитируют именно стиль 70-х.

²² Игра в шахматы и нарды во дворе, в садах, на тротуарах являлась неотъемлемой частью городской культуры советского Еревана. См. фото 2.

²³ Посетители кафе “Ереван 70-х” – лица, определяемые жителями Еревана эпитетом “старые ереванцы”, воплощают в себе такие характеристики, как интеллигентность, приобщенность к бомонду, проживание нескольких поколений в центре Еревана и т.д. Кафе являет собой эдакую экстраполяцию знаменитого “Козырька”, облаченного в более современный, отшлифованный (отсылающий к гламуру) имидж (кованные стулья и столы, навесы на французский манер, богатое меню).

Фото 3. Памятник “Мужчинам”.

Модные тенденции не обходят даже нововозведенные памятники в сегодняшнем городском пространстве Еревана. Так, недавно установленная рядом с парком им. Сарьяна скульптурная группа “Мужчины” (Фото 3), отсылающая к одноименному армянскому фильму советского периода, не только репрезентирует гуманизованность современной культуры (учитывая масштабы па-

мятника), но и городской стиль 60-70-х, гармонично сливаясь со стилем одежды, царящим сегодня как на страницах модных журналов, так и на улицах Еревана, именуемым весьма культовым термином “гламурный”.

Как отмечает Александр Сарна, “поддержание единства стиля городской жизненной среды становится приоритетом столичных властей и находит отклик у самих горожан. Их коллективные усилия нацелены на устранение всего случайного, сумбурного, дезорганизованного, чтобы привести все к единому знаменателю, навести “блеск” и поддержать “глянец” на должном уровне. Политика “тотального гламура” подразумевает перенос свойств среды проживания (города и его атмосферы) на самих горожан с целью их мобилизации – так возникает стратегия тотальной “гламуризации” населения, которое стремится “не отстать от моды”, приняв за норму в качестве образца для подражания модели образа жизни из глянцевых журналов”.²⁴

Средоточием всех этих процессов является ядро городского текста, вокруг которого сгущаются все краски, не только само пространство становится более уплотненным, но и процесс смыслопорождения, соответственно, становится более интенсивным. В силу этого, объектом наиболее пристального исследовательского внимания стало именно центральное ядро городского пространства. Была предпринята попытка войти с ним в диалог, заставить город обнажиться и быть искренним перед тем, кто хочет его понять.

²⁴ Сарна А., Минск – город победившего гламура. // PS ландшафты; оптики городских исследований. Сборник научных трудов. Отв. ред. Н. Милерюс. Вильнюс: ЕГУ, 2008, с. 334-354.

Центр города – кульминация сюжета

Взгляд архитектора

Привычно называя центр города его “сердцем”, мы не задумываемся, что за этой нехитрой аналогией скрыт довольно сложный смысл. Во-первых, подтверждается ощущение, что город во многом подобен живому организму и потому обладает относительно самостоятельной эволюцией. Отнюдь не все можно городу навязать волевым решением. Во-вторых, подкрепляется то же интуитивное убеждение, что городской центр является мощным генератором импульсов, отзывающихся на всей территории города и далеко за его условной внешней границей.

Многочисленные исследования подтверждают, что весьма значительная доля посетителей центра называет целью своего движения желание “побывать в центре”, ощутить его атмосферу. Часто центр отождествляется с самим понятием “город”: нередко услышишь фразу “пойдем в город”, под которой имеется в виду перемещение из других районов города в центр. С социально-психологической точки зрения получается, что в человеческом сознании весь город оказывается представлен через образ его центра.

Ниже представлена карта Еревана, на которой выделен административный округ центра (Иллюстрация 1).

Иллюстрация 1. Карта Еревана. Центральный округ.

Для более наглядного отражения административно-управленческой и архитектурно-планировочной ипостасей центра Еревана представим также Проект по зонированию общины “Кентрон” (Центр), утвержденный решением мэра Еревана от 29 ноября 2007 г., N 5074-А.²⁵

Согласно проекту, в качестве элементов и пространств с высокой градостроительной ценностью в Центре Еревана выделяются:

- *сердцевина центра города*, которая включает в себя примыкающие к Площади Республики и Оперному театру уже организованные районы и является зоной сверхконцентрации общегородских функций;
- *центральное ядро города*, которое в основном включает в себя находящиеся в границах Кольцевого бульвара пространства, где организовано архитектурно-плановое единство самых значительных и редких объектов общегородского назначения;
- *зона срединной части Центра*, которая включает в себя в проектом, пространственном и архитектурном отношении уже организованные территории.

Этим определяющим внешний облик Еревана зонам предназначен особый режим упорядочения, реставрации, ремонта и реконструкции пространств и комплексов, посредством особого учета зданий-памятников и уже оформившихся ансамблей.

Основными довлеющими элементами в генеральном плане Центра Еревана остаются формирующие облик столицы Площадь Республики и узел Оперного театра, которые своими размерами, архитектурой и расположением образуют направленность и архитектурный облик двух основных композиционных осей – Главного и Северного проспектов.

На Главном проспекте в отрезке от “Сил Плаза” до ул. Кохбаци предусматривается строительство промежуточной зоны, где предоставлена возможность собрать, восстановить и, в соответствии с требованиями современного градостроительства, установить отдельные элементы архитектуры и городского быта старого Еревана.

Проектом зонирования предусмотрены следующие основные функциональные решения:

- создание центра международной культуры с множеством зрительных залов, музейными и выставочными пространствами;
- организация офисных пространств для международных представительств и организаций, отвод отдельных земельных участков для

²⁵ <http://www.yerevan.am/edfiles/files/gotiaorum/1.pdf>

- представительств стран – членов СБ ООН и других международных организаций – для создания культурно-этнографических центров;
- создание многофункционального делового центра “Ереван-сити”, оснащенного соответствующей инфраструктурой (банки, торговые центры, международные представительства, гостиницы и т.д.);
 - создание пространства “Культурное единение народов” – для проведения фестивалей в пределах садов Сардара (Сардури);
 - организация пространства развлечений и отдыха – для создания зеленых зон и охраны естественных ландшафтов, увеличения водных поверхностей и строительства новых водоемов;
 - выделение участков под строительство домов для дипломатов;
 - создание социальных инфраструктур: строительство соответствующих международным стандартам жилых домов, школ, детсадов, спортивных площадок и залов;
 - создание единой связи исторических зон, включение их в структуру по сохранению и актуализации.

Основные показатели планового зонирования общины “Кентрон”:

- площадь – 1359,3 га;
- жилой фонд (тыс. кв. м): существующий – 3422,9, планируемый – 4794,5;
- средняя этажность жилищного строительства: существующая – 4,1 этажа, планируемая – 5,3 этажа;
- численность населения: существующая – 129,7 тыс., предусматриваемая – 146,1 тыс. человек;
- плотность населения: существующая – 213 чел./га, предусматриваемая – 272 чел./га;
- зеленые зоны: существующие – 322,1 га, предусматриваемые – 489,6 га;
- длина сети шоссе-ных и уличных линий: существующая – 44 км, предусматриваемая – 62,5 км.

Взгляд горожан

Учитывая, что центр города не воспринимается автором как нечто данное и зафиксированное с четко очерченной осью и границами, но как нечто образующееся и рассеивающееся, весьма интересным в исследовании феномена конструирования центра представлялось изу-

чение когнитивных или ментальных карт горожан. Пример такого исследования можно найти в работе Кевина Линча “Образ города”. В ней рассматривается визуальное качество американского города на основе анализа ментального образа среды, которым обладают его жители. Ментальными картами Линч называет восприятие окружения индивидуумом. Это индивидуальная карта известного человеку места. Для выявления восприятия центра Еревана горожанами в рамках исследования были проведены 100 описательных интервью с использованием метода ментальных карт. Интервью проводились на улицах в пределах центра Еревана. Отбор респондентов происходил стихийно. Вместе с тем, при проведении интервью учитывались следующие параметры:

- ✓ пол респондента;
- ✓ возрастная категория;
- ✓ частота/интенсивность пребывания в центре города (работа или дом в центре);
- ✓ место проведения интервью (разброс точек проведения интервью по всему административному центру);
- ✓ визуальные характеристики респондента (традиционный, “гламурный”, отношение к тому или иному классу, субкультуре и т.п.).

Респондентам была дана задача изобразить на листе бумаги план центра Еревана. Параллельно респондентам задавались следующие вопросы:

1. С чем у Вас ассоциируется центр Еревана? Какими словами Вы опишете его?
2. Какие улицы представляете в первую очередь, определяя центр Еревана?
3. Одним или несколькими словами опишите отмеченные Вами улицы.

В результате был определен контур центра, который наиболее тесно ассоциируется с понятием городского центра у активных “потребителей” центра города. Результаты полученной картины таковы: в сознании ереванцев центр чаще всего ассоциируется с многолюдьем, высокой активностью, суетой, бурной культурной жизнью. Вместе с тем, было получено немало ответов, в которых центр столицы представляется в виде некоего аморфного множества различных составляющих – “винегрет”, “базар” (красивые фрукты, запах сыра, мяса, опрятные интеллигенты и неряшливое большинство).

В целом, обобщая полученные ответы, можно сказать, что ассоциации имеют следующие основания:

- ✓ эмоциональный аспект (гостеприимство, доброжелательность, уют, счастье, винегрет, базар);
- ✓ деятельностный аспект (работа, досуг, клубы, шопинг);
- ✓ чувственный аспект (шум, пыль, мусорный бак, многолюдье, движение, активность, суета);
- ✓ элементы городской среды (площадь, Северный проспект, здание Оперы).

Вопрос об улицах, ассоциирующихся в первую очередь с центром, дал достаточно интересные результаты. В частности, изначальная гипотеза относительно того, что место проведения интервью, место жительства или работы респондента будут влиять как на его ответы, так и на отображение ментальной карты, оказалась опровергнутой. Независимо от перечисленных параметров, ереванцы имеют в представлении четко очерченный “квадрат” улиц, представляющих собой центр Еревана: это улица Абовяна (75%), проспект Маштоца (66%), проспект Саят-Новы (54%) и улица Туманяна (63%). С большим разрывом от вышеназванных были отмечены улицы Теряна (12%) и Московская (15%). Примечательно, что новостроенный Северный проспект был отмечен лишь в 3% случаях, что можно объяснить его “пешеходностью” и незаконченностью. Вместе с тем, проигнорированы такие большие улицы как Тиграна Меца, Вардананца, Баграмяна (хотя в административный центр входит ее половина), а также старые центральные улицы Пушкина, Сарьяна, Налбандяна. Что касается ментальной карты центра Еревана, то ее изучение дало следующую картину (Иллюстрация 2).

Выделенные улицы, которые в первую очередь ассоциируются с центром Еревана – проспект Саят-Новы, улица Абовяна, Туманяна и проспект Маштоца, респонденты охарактеризовали следующим образом. Так, ул. Туманяна ассоциируется с такими разноплановыми элементами городской среды как дом-музей Туманяна, запах шашлыка, забегаловка “Шаурма Туманяна”, шум и описывается как тихая, мягкая, мощная, красивая, опасная, молодежная. Улица Абовяна, как и ожидалось, в восприятии горожан остается как старинная, романтическая, уютная, вместе с тем в прошлом – красивая, сегодня – непонятная, с другой стороны описывается как главная артерия города, улица магазинов и прогулок. Элементами, выделяемыми на Саят-Новы, являются

Иллюстрация 2. Ментальная карта центра Еревана.

- – здание
- – площадь
- ▲ – памятник

- К – культурный центр
- У – учебное заведение
- А – архитектурное сооружение

- Д – место досуга
- В – водоем

- — — — — - улицы, отмеченные более чем в 20% случаев
- — — — — - улицы, отмеченные менее чем в 20% случаев

большой рекламный щит “Ты куда без цветов?” цветочного магазина “Брабион” и здание Оперы. Сам проспект описывается как спокойный, любимый, сухой, дружелюбный и красивый. И последний – проспект Маштоца характеризуется как шумный, широкий, прямой, активный, светлый, веселый, деловой, оживленный. В качестве бросающихся в глаза элементов здесь называются центральный рынок и Матенадаран.

Рассеивание сюжета

“Другие” центры

Помимо представленных мною центров (административного и ментального), в городе выделяются и так называемые локальные центры, “сердце” которых определяется господствующей социально-экономической формацией и, естественно, идеологией. Для выявления локальных центров города уместно выделить основные градообразующие элементы. Сегодня это отнюдь не элементы, удовлетворяющие естественные и социальные потребности жителей (продуктовый магазин, поликлиника, школа, детский сад), скорее, это центрообразующие элементы, которые являют собой некий посыл о том, что “здесь *должен* быть Вася”.²⁶ Символами такого типа центров являются супермаркеты, кафе, рестораны, магазины, кинотеатр и т.д.

Выделению и организации определенного образа, пласта в хаосе городского пространства способствуют знаки, которые помогают жителю города определить, какой элемент относится к его пространству, а какой нет. Так, например, потребители так называемого “гламурного образа жизни” могут с высокой точностью определить какие кафе, магазины, клубы, рестораны, концерты и пр. можно посещать, чтобы чувствовать себя “в своей тарелке”. Каждый формирует и несет в себе самостоятельный образ окружения, но между членами одной группы возникает некоторое принципиальное согласие.

Очаги глокализации

Гуляя по центру Еревана, мы обнаруживаем себя в непрерывном водовороте цитаций, который отсылает нас к горизонтам глобализа-

²⁶ Имеется в виду целевой обитатель того или иного района. В частности, особо показательными и “читаемыми” являются так называемые элитные районы, улицы, кварталы.

ции. Очаги концентраций этих цитаций я обозначу термином “глокализация”. Это те очаги, которые являются точкой концентрации следов (Р. Барт) глобализма – транс-государственных процессов. Я выделил следующие:

- ✓ банки, пункты обмена валют (концентрация валют разных государств);
- ✓ брендовые магазины, бутики, где представлены товары мировых брендов;
- ✓ интернет-кафе (локализация глобальной сети);
- ✓ показы мод канала Fashion в кафе, витринах магазинов;
- ✓ рестораны с кухнями разных стран мира;
- ✓ посольства, консульства, международные организации;
- ✓ объекты с названиями, коннотативность которых отсылает к глобализации.

В результате анализа интервью и ментальных карт центра города были выделены следующие отрезки четырех главных артерий центра: ул. Туманяна – от дома-музея до пересечения с ул. Абовяна; ул. Абовяна – от угла с ул. Московской до пл. Республики; просп. Саят-Новы – от пл. Франции до ул. Налбандяна; просп. Маштоца – от Матенадарана до ул. Туманяна. Именно этот квадрат и стал тем отрезком изучаемого текста, в ходе анализа которого учитывались признаки глокальности изучаемых элементов.

Сэм Фолуэл стоял на месте скрещения двух больших прямых артерий города. Он посмотрел на все четыре стороны и увидел нашу планету, вырванную из своей орбиты и превращенную с помощью рулетки и уровня в прямоугольную плоскость, нарезанную на участки. Все живое двигалось по дорогам, по колеям, по рельсам, уложенное в систему, введенное в границы. Корнем жизни был кубический корень, мерой жизни была квадратная мера. Люди вереницей проходили мимо, ужасный шум и грохот оглушили его.

В центре внимания, в частности, оказались функциональные элементы отмеченной городской среды с точки зрения их назначения. Были картографированы и классифицированы все объекты, инсталлированные на исследуемых отрезках четырех центральных улиц. Выделены следующие функциональные объекты: (1) культура/искусство/образование, (2) госучреждения/финансы/техника, (3) места общепита,

(4) рекреационная зона, (5) магазины (одежды, обуви), (6) салоны красоты/учреждения здравоохранения, (7) продуктовые магазины, (8) этнически акцентированные объекты.²⁷ В результате группировки получена следующая картина (см. Табл. № 1).

Таблица 1. Функциональные объекты в центре Еревана

Функциональные группы	Ул. Туманяна	Пр. Саят- Новы	Ул. Абовяна	Пр. Маштоца
Культура/искусство/образование	7	6	6	14
Гос. учреждения/финансы/ техника	13	17	32	2
Места общепита	18	7	12	1
Рекреационная зона	15	9	12	7
Магазины	29	23	58	15
Салоны красоты, учреждения здравоохранения	6		8	1
Продуктовые магазины	5	2	2	1
Этнически акцентированные объекты	4	2	18	0

Обобщив, выделим функциональные доминанты выделенных улиц:

- **улица Туманяна:** потребительская, рекреативная;
- **проспект Саят-Новы:** потребительская;
- **проспект Маштоца:** потребительская, культурная;
- **улица Абовяна:** потребительская, этническая, технократическая.

Вместе с тем, интерес привлекает и следующий факт: на улице Туманяна из 97 отмеченных объектов 49 относятся к числу глокальных (по выделенным выше параметрам), на проспекте Саят-Новы из 66 объектов – 32 глокальных объекта, на улице Абовяна из 148 элементов – 69, а на проспекте Маштоца из 41 – 13.

В свете полученных данных можно констатировать лишь то, что идеология современного общества – идеология потребления – не только пронизывает ткань города, но и демонстрирует себя во всей красе. Ее тотальность приводит к тому, что от текста она переходит

²⁷ Объекты, которые так или иначе соотносятся с этническим кодом: заведения общепита с этнической кухней, с этническим названием, либо лавки, где продаются этнические изделия.

к пространству, тем самым, становясь самим пространством для разворачивания текста. В этом пространстве разворачиваются целые сюжеты: город, по крайней мере его центр, звучит многоголосием, местами переходящим в гармоничный ансамбль, местами – коннотативный диссонанс, своей глокальностью “отсылая” жителей города в различные точки мира.

В качестве примера коннотативного диалога и/или конфликта между элементами в контексте городской среды можно привести здание ресторана “Старый Эриван”, который, как уже отмечалось, находится на углу Северного проспекта. Последний уже был рассмотрен выше в его семантическом контексте, однако

здесь примечателен следующий ансамбль: “староереванский” стиль самого здания усиливается названием ресторана, однако на первом этаже здания, выступая вперед, позиционируются два заведения – “Грузинские хачапури” и фаст-фуд “Hay-Lunch” (Армянский ланч). Здесь представляет интерес как семантическое трио в целом, так и некоторые отдельные его элементы: в частности, примечательно, что понятия “фаст-фуд” и “армянский” никак не стыкуются и не имеют под собой общей платформы.²⁸ Что касается самого трио, то здесь прослеживается формирование некоего интернационального альянса, с акцентом на Закавказский регион.

Другим примером многоголосия служит Северный проспект, который являет собой довольно-таки противоречивый узел в городском пространстве: относясь теоретически (или на бумаге) к “сфере” старого Еревана, он стал воплощением противоположного “текста”. Что мы читаем, проходя по Северному проспекту? Проспект является средоточием потребительской, high-tech, а также гламурной культуры, которая в свою очередь неоднозначна: на проспекте локализованы так называемые “элитные” здания, бутики и офисы, что обозначает весь проспект как “элитную” часть города; с другой стороны, будучи одним из немногих пешеходных, освещенных мест, выделяющихся

Фото 4. Основание здания ресторана “Старый Эриван”.

²⁸ Армянская кухня известна своими традициями, предполагающими длительный процесс приготовления блюд и не менее длительное застолье.

в паутине города, Северный проспект стал притягательной осью для представителей различных слоев и групп населения.²⁹

Кроме того, вот уже год с лишним (начиная с марта 2008-го года³⁰) Северный проспект стал местом “политических гуляний”³¹ активных приверженцев оппозиционного движения в Армении. Все, кто в определенные часы (и не только) оказывались на Северном проспекте, отождествлялись с оппозиционерами. Сегодня Северный проспект, скорее, носит характер праздности. Народные гулянья, уличные музыканты, витрины кафе – все напоминает праздник, который всегда, каждый вечер с тобой.

Таким образом, Северный проспект стал своего рода полем боя двух политических сил, с течением времени это противостояние из физического пространства перешло в семантическое. В свете этих же событий определенный и весьма сильный смысл приобрела и площадь Свободы. Как уже было сказано в примечании, именно она стала ареной выражения “воли народа”, борьбы за справедливость, и, самое главное, за свободу!!! Площадь Свободы (бывшая Театральная) стала символическим воплощением свободы и политических кровавых постановок.³²

Пристальное прочтение городского текста приводит к заключению, что в его пространстве мы сталкиваемся с “диалогом глухих”: в то время как архитектор видит город как развивающееся целое и пытается внушить горожанам свое цельное и логически обоснованное видение, горожанам город предстает как череда хаотичных, постоянно меняющихся впечатлений, заставляющих перманентно привыкать к его непостоянству.

²⁹ Здесь любят прогуливаться и жители окраин города, и влюбленные парочки, и люди в возрасте. Примечательно, однако, то, что потребители бульварного пространства Северного проспекта в большинстве своем не являются потребителями экономического пространства проспекта (магазины, кафе, офисы, дома).

³⁰ После президентских выборов в феврале 2008 г. оппозиция организовала массовые митинги против новой власти, считая ее нелегитимной. Толпа численностью в несколько тысяч человек двигалась по центральным улицам города, однако основные события и выступления имели место на площади Свободы, которая не пустовала даже ночью (см. Фото 5, Приложение 1). Эта ситуация достигла своего пика тогда, когда власти, используя военную силу, решили разогнать митингующих, в результате чего были человеческие жертвы, а город стал походить на поле боя – разгромленные магазины, взорванные и подожженные машины, побитые стекла витрин магазинов. В течение последующих дней проводились аресты среди лидеров оппозиции. В ответ на эти события сторонники оппозиции устроили многодневную голодовку, избрав в качестве локализации Северный проспект. Таким образом, данная магистраль у истоков своего становления сразу же приобрела определенный окрас, отблески которого сохраняются по сей день.

³¹ Сами представители оппозиционного движения обозначили собрания на Северном проспекте “политическими гуляниями”. Такое определение было выходом из ситуации, когда правительство запретило организацию политических митингов. См. Фото 6, Приложение 1.

³² Следует также вспомнить, что такому “осмыслению” площадь Свободы подвергалась и прежде – в 1988 году, когда армяне митинговали за освобождение Арцаха (Карабаха) и стала стартовой точкой (в физическом плане) для освободительного движения.

Резюме

В общем и целом, аналитические прогулки вкупе с проведенным исследованием приводят к мысли, что Ереван не владеет искусством старения, тщательно освобождается от исторических морщинок, подвергая себя многочисленным, навешанным модой, хирургическим вмешательствам. Город, выражаясь словами Мишеля де Серто,³³ “практически ежечасно творит себя заново”, отбрасывая достижения прошлого и бросая вызов будущему.

Пытаясь смести все следы советского периода, Ереван сегодня становится все более хаотичным и полисемичным. Мировые бренды, фаст-фуды вокруг Театра оперы и балета, знаменитый коньячный завод, переданный во владение французам, небоскребы и стеклянные фасады – все это как бы заставляет город находиться в постоянном ускользании, бегстве от самого себя, от своей самоидентификации. В этом ракурсе наблюдаются две тенденции: с одной стороны, Ереван интегрируется в мировой процесс глобализации городов, адаптируясь под европейский стандарт; с другой, в рамках самого города создается некая вавилонская ситуация: понять, выявить язык города весьма трудно, т.к. он одновременно говорит на нескольких языках.

Именно в этой связи и привлекает внимание определенная хаотичность города, его семиотическая структура, которая неизбежно рождает в человеке, в горожанине, возможно не всегда осознанное чувство потерянности. В процессе поиска пути образ среды пребывания или обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека имеют ключевое значение. Этот образ одновременно и результат непосредственного ощущения, и память о прошлом опыте. Он играет принципиальную роль как в осмыслении информации, так и в руководстве действием. Необходимость распознать и мысленно обрисовать окружающую нас обстановку столь существенна и так глубоко укоренилась в нашем сознании, что такой образ обладает для индивида и практической, и эмоциональной важностью.

Сэм прислонился к острому углу каменного здания. Чужие лица мелькали мимо него тысячами, и ни одно из них не обратилось к нему. Ему казалось, что он уже умер, что он призрак и его никто не видит. И город поразил его сердце тоской одиночества.

³³ M. De Certeau. Marches dans la ville // L'invention du quotidien. Vol. 1. Arts de faire. Paris: Gallimard, 1990, chap. 7.

Приложение 1. Фотографии Еревана

Фото 1. Торговая площадь. 1914 г.

Фото 2. Ул. Астафяна, 1920 г.

Фото 3. Здание Министерства транспорта и связи.

Фото 4. Северный проспект, нацеленный на здание Национальной галереи.

Фото 5. Демонстрации на площади Свободы. Март 2008 г.

Фото 6. Демонстрации и политические гуляния на Северном проспекте. Май-июнь 2008 г.

Приложение 2. Иллюстрации

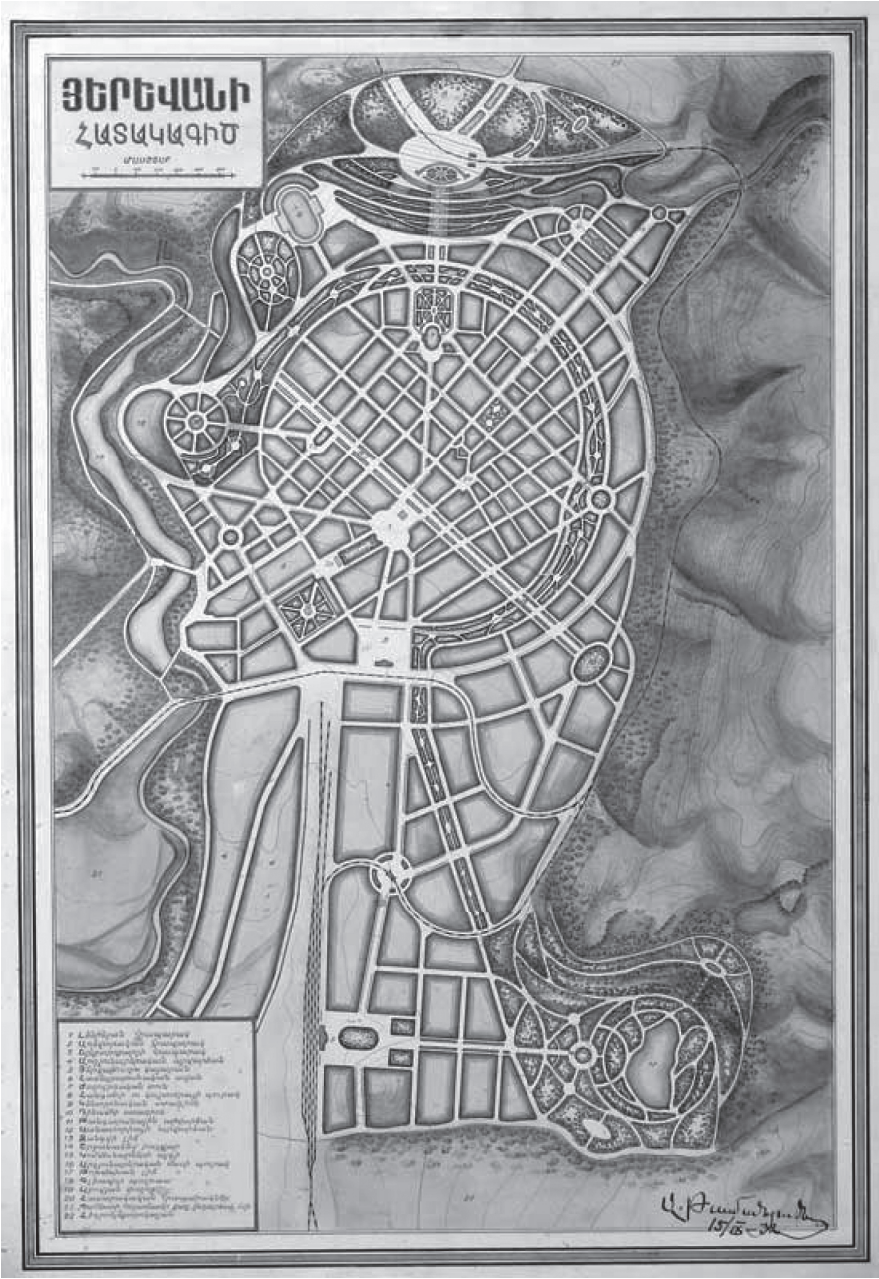

Иллюстрация 1. Генеральный план Еревана, 1932 г. Автор А. Таманян.

Приложение 3. Списки и таблицы

Таблица 1. Современные и старые наименования улиц и площадей центра Еревана

Современное наименование	Старое наименование
Улицы	
Сармен	Джрашат (Полноводье)
Корюн	Киров
Адамян	Либкнехт (Карл)
Амирян	Врамшапук
Каджазнуни	Кузнецов
Заварян	Атабекян
Ростом	Хмельницкий
Григор Лусаворич	Красная армия
Вардананц	Гнуненц
Когбац	Тер-Габриелян
Хоренац	Маркс
Бюзанд	Свердлов
Агатангегос	26 комиссаров
Аршакуняц	Орджоникидзе
Тигран Мец	Октябрьская
Дзорап (Набережная)	Пионерская
Ремесленников	Колхозников
Кори (Кривой)	Кривои (Кривой)
Площади	
Сахаров	Азизбеков
Свободы	Театральная
Республики	Ленина

Сармен – армянский советский поэт, заслуженный деятель культуры Армянской ССР (1967). Член КПСС с 1941 года.

Корюн (годы рождения и смерти неизвестны) – армянский историк, писатель и переводчик, живший в 5 веке, ученик создателя армянского алфавита Месропа Маштоца.

Петрос Адамян (1849-1891) – армянский актёр-трагик; поэт, художник.

Арсен Амирян – армянский революционер, член Дашнакцутюн.

Оганес Каджазунни – премьер-министр Первой Республики Армении.

Симон Заварян – один из основателей партии АРФ Дашнакцутюн.

Григор Лусаворич (Просветитель) – святой Армянской Апостольской Церкви.

Ростом – один из основателей Дашнакцутюн.

Вардананк – массовое народное движение, объединившее весь армянский народ – дворянство, духовенство и крестьянство – и получившее свое название в честь своего лидера – Вардана Мамиконяна

Езник Кохбац – один из отцов Армянской Церкви, церковный писатель и богослов V века, один из первых учеников Маштоца.

Мовсес Хоренаци – крупнейший армянский историк, автор “Истории Армении”, считается “отцом армянской истории”.

Павстос Бюзанд – армянский историк.

Агатангегос – армянский историк.

Аршакуни (армянские Аршакиды) – армянская царская династия (52-428 н.э.).

Тигран Мец (Великий) – царь Великой Армении в 95-55 гг. до н. э.

Андрей Сахаров (1921-1989) – советский физик, академик АН СССР и политический деятель, диссидент и правозащитник, один из создателей советской водородной бомбы.

Врамшапух – армянский царь (400 или с 389 – 414 гг. н. э.).

Карл Либкнехт (1871-1919) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии.

Сергей Киров – русский революционер, видный политик Советской России.

Карл Маркс – выдающийся немецкий философ, экономист, политический журналист.

Саак Тер-Габриэлян (1886-1937) – советский партийный, государственный и политический деятель.

Николай Кузнецов – советский разведчик, партизан.

Иванэ (Вани) Атабекян – последний правитель Джрабердского княжества, сыгравший значительную роль в водворении российского владычества в Карабахе.

Богдан Зиновий Хмельницкий – гетман Войска Запорожского, полководец и государственный деятель.

Яков Свердлов (1885-1919) – российский политический и государственный деятель, революционер, большевик.

Григорий Орджоникидзе – видный советский государственный и партийный деятель, профессиональный революционер.

Мешади Азизбеков – деятель революционного движения в Азербайджане.

Владимир Ленин – российский и советский политический и государственный деятель, революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года.

Приложение 4. Глоссарий

Когнитивная карта – ментальные репрезентации (представления) человека о пространственной организации окружающей среды.

Семиотическая организация – механизм создания множественных контекстов места.

Семиотика пространства – пространственные средства смыслообразования и смысловыражения, связь формы со своим значением и содержанием в своем развитии.

Семиотический подход – целостная системная модель анализа городской культуры, дополняющая методологию урбанистики.

Символ (в контексте семиотического анализа городского пространства) – маркированный текст города, обладающий отличительными чертами: жизненно-бытовыми, культурными, природно-климатическими, ландшафтными, историческими, материально-культурными.

Текст города – универсальное множество знаковых элементов культуры города (символы, мифы и др.), объединенных смысловой целостностью, однородностью и индивидуальностью.

Топоним – собственное наименование географического объекта, природного или созданного человеком.

Урбаноним – название внутригородских объектов (от лат. urbanus – городской).

Топонимика (греч. “место” + “имя”) – раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Топонимия – совокупность географических названий (топонимов) какой-либо местности (страны, города).

ЕРЕВАНСКИЙ ВЕРНИСАЖ: МЕЖДУ ВЫСТАВКОЙ И ЯРМАРКОЙ

Введение

Сегодня как жители Еревана, так и гости армянской столицы по выходным дням могут выбирать, в который из двух “вернисажей” города им пойти, тем более что обе “выставки” представляют отличающиеся друг от друга социально-культурные и экономические пространства, исследованию которых и посвящена статья.

Чтобы идентифицировать, о которой из двух выставок идет речь, хронологически первую из них обычно называют Сарьяновским вернисажем. Она больше соответствует европейскому пониманию “вернисажа” и представляет выставку-продажу картин.¹ В отличие от него, второй вернисаж напоминает скорее ярмарку, несмотря на то, что его основателями были “выходцы” из первого вернисажа. Именно по причине своего “происхождения” от Сарьяновского вернисажа, второй и получил название – Вернисаж. В статье я попытаюсь проследить, каким образом преимущественно “художественно-культурное” пространство (первый вернисаж) хаотично трансформировалось в зону торговли, а затем самоорганизовалось в “классическую” ярмарку (второй вернисаж), заняв особую нишу в социальном и урбанистическом пространстве Еревана.

Специальных исследований об упомянутых выше вернисажах нет. Исключение составляет одна публикация, в которой многие интересующие меня вопросы обойдены.² Основным источником для данного исследования послужили полевые материалы. Помимо многочисленных бриф-интервью с посетителями вернисажа, мне удалось взять восемь биографических интервью у мастеров и перекупщиков,

¹ Слово “вернисаж” французского происхождения и буквально означает “покрытие лаком”. Так стали называть торжественное открытие выставок после того, как часть художников стала именно во время выставки заканчивать и покрывать лаком свои работы. Своими работами и такой формой их презентации эти художники бросали вызов салонным выставкам. См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979, с. 211; Vernissage // Wikipedia <www.Vernissage.wikipedia.org> (04.01.2009).

² Арутюнян Г. Вернисаж. Ер.: 2004.

которые работают в новом вернисаже, но начинали свою деятельность еще в первом, а также пять проблемно-ориентированных интервью у людей, которые имели опыт работы на вернисажах Еревана или по роду своей деятельности (например, работники туристических агентств) регулярно их посещали. По материалам биографических интервью я попытался реконструировать “темную” историю становления ереванских вернисажей и понять структуру, место и значение второго из них в сегодняшнем городском пространстве. Я собираюсь очертить основные вехи становления “вернисажной культуры” Еревана и некоторые особенности второго по времени формирования вернисажа, поскольку именно он является уникальным объектом городского ландшафта, не только став одним из брендов сегодняшней столицы, но и по-своему смоделировав весь ее рыночный мир.

Предыстория: Сарьяновский вернисаж

В 1986 г. в сквере перед зданием Государственного Театра оперы и балета Арм. ССР сформировался первый ереванский вернисаж, место для которого было выбрано неслучайно. Эта часть города проектировалась и представлялась в основном как некое “культурное пространство”, что отражено в генплане города, разработанного архитектором А. Таманяном (1878-1936). Территория Вернисажа занимает лишь часть этого района,³ который организован следующим образом: в центре находится Государственный Театр оперы и балета, вокруг него располагаются различные другие “очаги культуры”. В этом районе, сегодня ставшем еще одним из популярных туристических направлений Еревана, недалеко друг от друга расположены сквер Консерватории с памятником знаменитому армянскому музыканту, композитору и исследователю Комитасу (консерватория также носит его имя),⁴ дом-музей знаменитого в Армении скульптора Ерванда Кочара, сквер с памятником упомянутому архитектору А. Таманяну, поднимающийся к архитектурному комплексу “Каскад”, где расположился музей Дж. Гафесцяна.

В 1986 г. в сквере перед зданием Государственного театра оперы и

³ См. Постановление об утверждении градостроительного устава Еревана N 2228-А (на арм. яз.); Проект зонирования пространства участка Центра. Постановление 5074-А, принятое 28.11.2007 (на арм. яз.) // <http://www.yerevan.am/edfiles/files/gotiaforum/1.pdf> (05.01.2010).

⁴ В этом сквере регулярно проводятся различные культурные и политические акции. Например, 24 апреля устраиваются политические выставки, поскольку Комитас стал жертвой Геноцида армян в 1915 г. Оппозиционная молодежь не раз организовывала здесь различные выставки и концерты.

балета был воздвигнут памятник известному художнику Мартirosу Сарьяну (скульптор Л. Токмаджян, архитектор А. Тарханян). Это событие предшествовало открытию здесь же вернисажа картин художников новых течений, в частности абстракционистов, которые по праву считали М. Сарьяна своим “лидером”.⁵ *“25 мая 1986 года открыли памятник Сарьяну, и практически уже вот эта дата считается исходной для вернисажа: 25 мая 1986 года. И очень быстро сюда стали стекаться не только студенты, но и профессиональные художники, а потом и любители, и так вот, вернисаж начал обрастать уже историей”*, – рассказывает один из мастеров Сарьянского вернисажа.

В период начального формирования вернисажа сюда приходили в основном молодые художники: *“Памятник [М. Сарьяну] еще не был открыт, когда к этому забору, который огораживал стройплощадку, начали лепиться студенты и молодые художники и выставлять свои работы....”*. После установления памятника к нему стали приходить выставляться и художники-авангардисты, которые тем самым пытались представить себя в качестве свободных новаторов, в какой-то мере подражая образу Сарьяна-памятника, представляющего живописца в момент свободного творчества. Поскольку художники, “сгруппировавшиеся” вокруг М. Сарьяна, позиционировали себя не как “продавцы картин”, а как “творцы высокого искусства”, то им было не столь важно продать картину, сколько просто выставить ее. Так, один из художников просил за свою работу, представленную на Вернисаже, две тысячи долларов США. Как объяснял сам автор, цена картины была определена не для того, чтобы ее выгодно продать, а с тем, чтобы внушить зрителям, что они имеют дело действительно с “ценным произведением искусства”. Или другой случай: художники пытались выдворить из Вернисажа художника по имени Василь, творившего в стиле наивной живописи, так как сочли его недостойным Вернисажа, занижающим “художественную планку” выставленных там работ. Между тем Музей народного искусства купил у Василя две работы для своих выставок.⁶

С 1988 г., который был знаменательной датой в новейшей истории Армении,⁷ в Вернисаже Сарьяна появляются мастера-любители в сфере прикладного искусства. На продажу стали выставляться работы молодых гравировщиков. В первые годы существования Верни-

⁵ Monuments of Yerevan, Martiros Saryan // http://www.yerevan.am/main.php?page_id=267&lang=3 (05.01.2010).

⁶ Кстати, этот художник прославился еще и тем, что в тюрьме делал наколки-татуировки (он дал пощечину прорабу, а затем был обвинен в антисоветских взглядах и посажен в тюрьму). Этими сведениями со мной любезно поделился антрополог Л. А. Абрамян.

⁷ Начало Карабахского движения, озаменованное неутрачиваемыми митингами и демонстрациями в течение всего этого года.

сажа еще функционировали городские салоны искусства, которые занимались продажей сувениров, различных произведений искусства. Однако для того, чтобы выставляться в салонах, надо было получить разрешение идеологизированных худфондов, что не всегда удавалось, тогда как вернисажная выставка была более доступной и свободной для творческой фантазии. Даже мастера, работавшие в области прикладного искусства, особенно резчики по дереву, отмечали, что Сарьяновский вернисаж отличался претензией на презентацию лучших образцов армянского традиционного и нового искусства. В те годы это пространство воспринималось как некое средоточие духовности, где религиозные и национальные переживания своеобразно сочетались и переплетались с миром искусства. Хорошей иллюстрацией к сказанному являются воспоминания одного из мастеров: *“Приходили взрослые женщины и молились перед этим хачкаром⁸. Я говорил им, что нельзя... это не святыня, нельзя перед этим молиться. В ответ они говорили, что это та работа, перед которой необходимо молиться... Там [на Вернисаже Сарьяна] я сделал свою первую книгу – Нарек⁹”*. Таким образом, если для автора его работы “на религиозные темы” являлись в первую очередь образцами “высокого искусства”, перед которым преклонялись “покупатели”, то для последних, как я подозреваю, ценность работ в некоторой степени определялась их “религиозностью”.¹⁰ Для нас важно то, что пространство Сарьяновского Вернисажа располагало к восприятию смыслов выставляемых работ либо как произведений искусства, либо как отсылающих к религиозным или националистическим идеям.

Первые годы провозглашения независимости (1991-1993 гг.) ознаменовались военным конфликтом в Карабахе, затяжной блокадой и остановкой АЭС – основного источника электроэнергии Армении, что вызвало тяжелые экономические условия в республике. Особенно трудно было выживать городскому населению. Многие, лишившись

⁸ Хачкары (в переводе с армянского букв. “крест-камни”, вырезанные на камне кресты) являются предметом поклонения и устанавливаются как надгробная плита или памятная стела в честь какого-либо события. Они являются обязательным атрибутом армянских церквей, ими часто отмечают различные места паломничества. О хачкарах подробнее см. Петросян Г. Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван: Принт-Инфо, 2008 (на арм. яз.), с. 406; Саакян А. Хачкары – этнокультурные памятники средневековой Армении // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник памяти С. А. Токарева. М., 1994, с. 214-237.

⁹ Нареком называют популярную в Армении лирико-мистическую поэму Григора Нарекаци (951-1005) “Книга скорбных песнопений”, которой народное христианство приписывает чудотворные свойства и которая является особым предметом поклонения.

¹⁰ Подобные “реликвии”, представляющие тот или иной христианский символ, приносятся в дар Богу, различным святым в небольших часовнях, гротах и этим дарам обычно приписываются различные чудотворные свойства.

рабочих мест, занялись мелкой торговлей.¹¹ Город очень быстро оброс разными мелкими лотками-“столиками”, как их тогда называли, где на продажу выставлялось все, что можно было продать: от домашней утвари до предметов первой необходимости. Соответственно, любые рыночные “оазисы” города превращались в торговые “центры”. Но весь этот процесс происходил самопроизвольно, власти, которые не могли предложить альтернативного источника пропитания, с пониманием относились к “новоявленным торговцам”. В те годы развитие получили экономические субъекты, действующие вне государственного налогового поля или занимающиеся теневой экономикой.¹² И у уличных торговцев также объявились свои “хозяева” – неформальные сборщики налогов, некоторые из которых до сих пор взимают “подать” с уличных торговцев, став звеном коррумпированной системы теневой экономики. Так, “плату” за место на территории Сарьяновского вернисажа художники выплачивают некоему милиционеру, не зная, насколько законно его требование, или кто является реальной “крышей” их торговли. Мелкая торговля обладает особым свойством заполнять “активные” пояса городского пространства.¹³ Поэтому советский “очаг” свободного художественного творчества и духовного средоточия постепенно стал трансформироваться в пояс “активной торговли”, который привлек не только мелких торговцев бытовых товаров, но и продавцов картин и художников, ориентирующихся в основном на потребительские вкусы потенциальных клиентов. Сарьяновский вернисаж стал одним из наиболее популярных городских торговых “центров”, где преимущественно предлагался ассортимент ныне известных “блошиных” рынков.¹⁴

Итак, если на начальном этапе формирования Сарьяновский вернисаж воспринимался как место творческого самовыражения, то после развала Советского Союза он стал одним из первых смешанных рынков, новой зоной “свободной торговли”. В советское время торгово-рыночные отношения, осуществлявшиеся вне государственной систе-

¹¹ См. Dudwick N. When the lights went out: Poverty in Armenia // When things fall apart, Washington D.C. The World Bank, 2003, p. 117.

¹² Ср. Ярыгина Т. Дополнительные доходы и неформальная экономика: их место в социальной политике России (Нижегородские исследования 90-х годов) // Неформальная экономика, Россия и мир. М.: Логос, 1999, с. 94-95.

¹³ См. Ярыгина Т. Там же, с. 124, 132.

¹⁴ Название “блошинный рынок” (нем. Flohmarkt, фр. Marche aux puces, англ. Flea market) (разг. барахолка) пришло из французского языка и означает место, где люди продают и покупают старые, подержанные вещи, как правило, изготовленные много лет назад. Товары обычно недорогие. См.: Блошинный рынок // <http://www.wikipedia.org/> (15. 06. 2009).

мы управления, считались уголовно наказуемыми.¹⁵ Однако в год открытия Сарьяновского вернисажа уже было принято постановление Верховного Совета СССР о возможности получения дополнительных доходов путем внеслужебной деятельности (23 мая 1986 г.).¹⁶ И Сарьяновский вернисаж стал первой ласточкой свободного рынка, получившей легитимность благодаря начинающейся Перестройке.

В 1993 г. в результате вмешательства городских властей резчиков по дереву и других ремесленников переместили на бульвар по соседству с Площадью Республики, другим концом выходящий к памятнику Варгана Мамиконяна¹⁷, а торговцев коврами (ранее занимавших участок Вернисажа Сарьяна, обращенный к зданию Оперы) переместили на территорию ярмарки района “Бангладеш”. Но что самое удивительное, отсюда выселили и художников, “открывших” это пространство. Рынок практически “поглотил” вернисаж. Решение властей вместе с остальными перевести и художников, возможно, в некоторой степени было обусловлено пониманием, что “активным ядром” вернисажа являлись именно художники и при таком состоянии экономики их присутствие в приоперном сквере рано или поздно все равно обросло бы “барахолкой”.

Итак, вернисаж у памятника М. Сарьяну, возникший как творческая среда для свободных художников спонтанно превратился в рынок различных товаров, и в итоге был закрыт и расформирован. Однако, несмотря на фиаско в сфере торговли, культурная трансформация этого сквера продолжалась, условно ее можно считать завершенной в 1995г., когда “художникам-эмигрантам” Сарьяновского вернисажа удалось добиться разрешения от городских властей вернуться в старый сквер и возобновить выставки.

“Художники начали протестовать, бунтовать, что памятник Сарьяну это все-таки традиционное место для художников. Тогда решили художников вернуть, но только художников. При этом сказали, кто себя считает художником, настоящим, пусть идет, кто хочет здесь оставаться – оставайтесь, и так возникло это самое определение: Вернисаж первого сорта у Сарьяна, Вернисаж второго сорта у Мамиконяна. В первый день хлынули все художники. В первый день было настоящее столпотворение, за места буквально

¹⁵ Ср. Романов П., Суворова М. “Чистая фарца”: Социальный опыт взаимодействия Советского государства и спекулянтов // Неформальная экономика в постсоветском пространстве. Проблемы исследования и регулирования / Под ред. Ирины Олимпиаевой и Олега Паченкова. С.-Петербург: ЦНСИ, 2003, с. 148-149.

¹⁶ Романов П., Суворова М., Там же, с. 155.

¹⁷ Знаковый персонаж в истории Армении V в., сегодня ставший одним из символов национальной идентичности.

дрались. Но когда вся эта экспозиция выстроилась, стало ясно, что не все потянут по качеству и уровню, и некоторые художники стали сами уходить оттуда”.

В конечном итоге в Сарьяновский вернисаж вернулись только художники, что превратило этот участок города в пространство “культурного времяпровождения”, где можно посмотреть картины, пообщаться с художниками, окунуться в мир их творчества,¹⁸ иными словами, “вернуться” на вернисаж в изначальном, французском, понимании слова.

Новый вернисаж: встреча ереванских рынков

Новый вернисаж, в отличие от Сарьяновского, возник уже в постсоветское время, в 1993 году, в парке, выходящем к памятнику Вардана Мамиконяна. Основными причинами его появления, как уже отмечалось, были прогрессирующая безработица и обнищание населения, приведшие к бурному росту мелкой розничной торговли. Новый вернисаж был также одним из проявлений неформального типа хозяйствования. Сегодня это одно из наиболее популярных мест Еревана. Его месторасположение прекрасно знает не только каждый житель столицы, но и большая часть туристов, гостей столицы, поэтому упоминание о нем не требует пояснений. Вернисаж стал особым городским брендом. *“Сейчас мне кажется, что не найдется такого человека, который хотя бы раз не купил бы чего-то на Вернисаже или хотя бы раз там не побывал. Например, у меня часто гостят иностранцы, и Вернисаж в списке тех мест, которые обязательны для их посещения”* – говорит посетительница Вернисажа.

Иногда для отличия от Сарьяновского вернисажа, могут уточнить “Ханджяновский Вернисаж” (по названию улицы, к которой он выходит) или “Вернисаж площади” (учитывая, что по соседству находится главная площадь Еревана – пл. Республики), а в иностранных рекламных материалах он чаще всего упоминается как “Ереванский Вернисаж”.

Попробуем понять, как из творческой инициативы группы художников возник совершенно уникальный объект городской жизни, больше всего напоминающий ярмарку, где не только продаются, но и соз-

¹⁸ Частью сквера является одно из старых ереванских знаменитых кафе “Козырек”, где до сих пор любят собираться художники.

даются новые символы национальной идентичности, объединяются и разъединяются различные социальные группы горожан и гостей армянской столицы, одним словом, где в выходные дни создается праздничная атмосфера.¹⁹ Замечу, что в армянском слове “ярмарка” – *тонавачар*, букв. “праздничная продажа”, отражена особая атмосфера классических ярмарок. Ереванский Вернисаж, видимо, настолько вобрал в себя “праздничные качества” ярмарок, что во время некоторых праздников, отмечаемых в городе, стал спонтанно “появляться” и в других местах Еревана,²⁰ представляя сжатый ассортимент “вернисажной продукции”. “Ярмарками” в Армении называются многочисленные рынки и торговые центры, и “ярмарочному” типу рынков больше всего соответствует именно второй Вернисаж, хотя это название, доставшееся в наследство вместе с выходцами из Сарьяновского вернисажа, подходит ему меньше всего.

Организация внутреннего пространства нового вернисажа позволяет вывести несколько характерных черт. В частности, если в приоперном вернисаже ремесленники занимали периферию, то в новом – они занимают пояс, который воспринимается как центральный. Именно здесь находятся лотки мастеров прикладного искусства, которые начинали свою деятельность еще на Сарьяновском вернисаже. Однако самих мастеров, готовящих ремесленные изделия и продающих их в сегодняшнем “сувенирном” Вернисаже, осталось немного. Несмотря на то, что они и занимают центральную часть нового рынка, основная территория парка, где он размещен, занята продавцами и перекупщиками, которые, по отношению к лоткам мастеров, занимают периферийную часть.²¹ Пространственную организацию Вернисажа можно представить как шесть продольных поясов: 1) пояс хозяйственно-бытовых товаров, посуды, одежды, скатертей и других изделий из ткани; 2) пояс ювелирных изделий и бижутерии; 3) сувенирный рынок; 4) изобразительное искусство²²; 5) периферийные

¹⁹ Ярмарка – от нем. слова *Jahrmarkt*, означающего ежегодный рынок, в средневековой Европе она играла не только важную экономическую роль, но и являлась важным культурным событием, беря на себя определенные функции выставок различных товаров. См. Ярмарка // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984, с. 1573.

²⁰ Например, во время праздника Освящения винограда (в августе) или на празднике города (в октябре).

²¹ При сравнении ереванского Вернисажа с маленьким рынком сувениров на Руставели в Тбилиси можно заметить некоторые сходства. Например, они оба находятся по соседству со станцией метро, что указывает на необходимость обеспечения его соответствующими коммуникациями. Оба действуют в центральной части города, не предполагают каких-либо трансформаций занимаемого пространства, а гармонично приспосабливаются к существующей архитектуре данной территории. Как на ереванском Вернисаже, так и на сувенирном рынке на пр. Руставели есть внутренняя иерархия их “обитателей”, что отчасти отражается на организации пространства.

²² Однако это работы тех мастеров, которые занимали периферийные части Сарьяновского Вернисажа.

части, где продаются одежда, животные и птицы, ошейники, различные медицинские приборы; 6) книги.

Такая структура “торговых” рядов установилась не сразу – поэтапно. Впрочем, и сегодня Вернисаж подвергается определенным трансформациям, которые свидетельствуют о том, что процесс самоорганизации еще не завершен и правила рыночного регулирования определены неокончательно.

Процесс перевоплощения нового Вернисажа можно разбить на несколько этапов. В 1993-1994 гг. это пространство только лишь оформлялось, оно имело хаотичную структуру, не были выделены в отдельные ряды мастера-ремесленники и продавцы различных товаров, как бывших в использовании, так и новых. В 1996 г. Вернисаж можно было считать состоявшимся рынком, были введены некоторые правила торговли: в те годы, согласно “неписаному уставу”, мастера, имеющие свидетельство Народного мастера, были освобождены от различных неформальных денежных сборов Вернисажа. Лица, не имеющие свидетельства, платили за место. По этой причине многие мастера окольными путями пытались приобрести свидетельство Народного Мастера. Кроме того, мастеров-ремесленников стали выделять в качестве главных и важных участников этого рынка, потому что считалось, что именно их товар определяет туристическую привлекательность Вернисажа. То есть делались попытки дать рынку профильное направление, оформить его прежде всего как рынок ремесленных изделий. К началу 2000-х Вернисаж окончательно состоялся как ремесленный вернисаж-рынок. Однако на этом его трансформация не завершилась. В 2000-х годах устанавливаются рыночные правила, характерные, как уже было сказано, для классических ярмарок, притягивающих во время различных (в том числе церковных) праздников людей со всей округи того или иного замка, города.²³ Датой окончательного перевоплощения Вернисажа в ярмарку условно можно считать 2006 г., поскольку приблизительно с этого времени Вернисаж начинает обрастать различными “придаточными” рынками, которые расширяют его профиль, превращая это пространство в “праздник” не только товаров, но и различных рынков Еревана.

Наиболее интересной частью нового Вернисажа стал его длинный “отросток”-продолжение, локализованный напротив одного из правительственных зданий, где расположен ряд министерств, в том числе и Министерство культуры, а по другую сторону “приложения”, ближе

²³ См. Ярмарка // <http://ru.wikipedia.org/wiki/ярмарка>, wikipedia.org (15.06.2009).

к площади Республики, находится Министерство финансов, которому пока удается в упор “не замечать” ни незаконной распродажи, ни покупателей, нуждающихся в товарах еще советского производства. Это “приложение”, не получившее еще названия (преобладают описательные, например, “где продают металлические вещи”), вначале состояло из перемещенных из старого Вернисажа торговцев, продававших подержанные товары, и больше остальных частей оно напоминает блошиный рынок. Сегодня число торгующих в этой части Вернисажа может конкурировать с общим числом продавцов всех остальных его частей, во всяком случае площадь, занятая этими торговцами, действительно соразмерна остальному Вернисажу. Эти две части существенно отличаются друг от друга не только ассортиментом товаров, но и выделенным для них местом, их оформлением, контингентами продавцов и покупателей. Переход от “блошиной” части Вернисажа, где в основном выставлены товары советского времени, к собственно вернисажу, где “господствуют” товары, рассчитанные в первую очередь на туристов, занимают торговцы книг. Причем “книжный развал” является границей между блошиным рынком и собственно Вернисажем. Со стороны блошиного рынка продают в основном подержанные книги – типичный товар букиниста. В части примыкающей к Вернисажу, продаются альбомы, представляющие природные и культурные памятники и искусство Армении, и другая сувенирная книжная продукция, рассчитанная на приезжих.

В сувенирной части Вернисажа товары выставлены на специальных полулавках и столах, тогда как на блошином рынке товар просто расставляется на земле, нет каких-либо столиков или специальных полок, в качестве “витрин” обычно используются бордюры или другие возвышенности, оформляющие парк, товары часто развешивают на растущих здесь деревьях. Товары блошиного рынка представлены различными устройствами и предметами советского производства. По всей видимости, процентное соотношение существующего ныне ассортимента предлагаемых товаров сформировалось в соответствии с потребительским спросом.²⁴ И наличие этой части Вернисажа свидетельствует о том, что наряду с широким применением современной техники, в Республике Армения значительное количество населения все еще продолжает пользоваться товарами советского производства, соответственно, их запасные части все еще пользуются спросом. В “сувенирной” части Вернисажа тоже можно обнаружить товары со-

²⁴ Cp. <http://rturisto.ru/city/france/paris/sale/his> (11.11. 2009).

ветского производства, однако здесь они предлагаются лишь в качестве “культурных воспоминаний”, тогда как предметы советского производства блошиного рынка имеют вполне прикладное назначение. В Москве рынки типа барахолки чаще ассоциируются с “забытыми временами”: “туда попадаешь как в сказку, в мир забытых вещей: там можно найти игрушки, в которые играли наши родители или статуэтки, которые стояли на полках наших бабушек. Папа купил там старинный ключ и пару штормовых 19 века. Мне купили медведя. Все то, что там можно найти, не перечислишь”.²⁵ Схожую картину представляет барахолка на Удельной в Санкт-Петербурге, существование которой, по мнению О. Паченкова, обусловлено в том числе и “ностальгией” по советскому.²⁶ Согласно исследователю, “сюда люди приходят не только для продажи или покупки вещей и оборудования советского периода, но и для “воссоздания” советской “микросреды”. Таким образом, если одна из целей функционирования барахолки “на Удельной” это попытка воссоздать некую атмосферу прошлого, то торговцами на ереванской барахолке движут прежде всего экономические мотивы. В сувенирной же части Вернисажа предметы советского производства продаются как символы культурной памяти, ностальгии по советскому периоду (как и в Санкт-Петербурге). Это, например, предметы, имеющие отношение к советской государственной символике (советские рубли, ордена, марки и т.д.). Впрочем, есть товары, которые продаются в обеих частях Вернисажа: на барахолке – как вполне пригодный в быту товар, а в сувенирной части – как экзотический сувенир. Их разница только в цене – тот же товар в сувенирной части продается вдвое дороже. Итак, барахолка на Вернисаже это не мир “бытовых сувениров”, а рынок практичных товаров.

Еще одно интересное сопоставление. В обеих частях Вернисажа продаются лазерные диски. В сувенирной части их ассортимент представлен дисками национального, этнографического содержания, где очевидна тема “армянства”. Эти диски предусмотрены прежде всего для армянской диаспоры и иностранных туристов, и продаются по цене в среднем по 1500-2500 драм (4-6\$). Ассортимент же лазерных дисков блошиного рынка включает исключительно иностранные фильмы и телепередачи, предназначенные для внутреннего потребителя, они

²⁵ Вернисаж в Измайлово // <http://www.diary.ru/~ph-t-grapher/p30203170.htm?from=150#form> (01.27.2010).

²⁶ О. Urban Public Spaces & Cultures: Case Study of Flea Markets. Cases of Saint Petersburg and Berlin (Abstract) // WORKSHOP: Urban Spaces: Caucasian Places. Transformations in Capital Cities, Tbilisi, 2.-23.09.2009 / <http://www.sfb-repraesentationen.de/veranstaltungen/tagungen-und-workshops/urban-spaces-workshop/abstracts/info-pdf> (22.12.2009). Ср. также рис. в книге: Публичные места европейских городов // Отв. ред. С. Христова, О. Рыбьянски, Крайг Юнг, О. Паченков. Дрогобич: Сурма Святослав, 2008, с. 122.

стоят гораздо дешевле – 400-600 драм (1-1.5 \$).

Итак, два раздела Вернисажа отражают не только два отдельно существующих рынка – “внутренний” и “внешний”, но и некоторые особенности социального расслоения современного армянского общества.²⁷ Причем “внутренний” рынок представляется для стороннего взгляда любопытного туриста, на которого ориентирован “внешний” рынок, как экзотическое место, где можно сделать забавные снимки.²⁸ Блошиный рынок можно рассматривать как отдельное рыночное пространство, функции которого определяются независимо от Вернисажа. Будучи порождением последнего, блошиный рынок от него почти отпочковался, и ведет свое более или менее самостоятельное существование, создавая параллельный торговый мир, где изрядно задержались предметы советского производства.

Сегодняшний Вернисаж связан и с другими рынками Еревана, многие из которых имеют здесь свое “представительство”. На периферии парка, где размещен Вернисаж, можно увидеть разные группы продавцов: продающие одежду и посуду женщины переместились сюда с вещевого рынка, который находится по соседству, есть “делегаты” зоо-рынка, предлагающие не только домашних животных, но и некоторые предметы для ухода за ними, например, поводки, корм и т.п. Есть здесь и медицинский отдел, где можно достать различные склянки, медицинские приборы и препараты. Любители комнатных растений также могут найти тут товар по своим интересам. Представители различных рынков Еревана стали “застраивать” свои пространства на Вернисаже в 2009 г., после того как на окраине парка появились продавцы автомобилей. За ними постепенно стали стекаться другие “профильные” продавцы.

До сих пор мы обсуждали пространственную организацию Вернисажа и соотношение его отдельных составляющих для того, чтобы показать его “ярмарочную” субстанцию. Однако в определении “ярмарки” организация во времени имеет не менее важное значение. Традиционные ярмарки могли проводиться с различной периодичностью: от еженедельной до ежегодной. Ереванский Вернисаж действует по выходным и праздничным дням. В это время для многих горожан он служит местом свободного времяпровождения, формой отдыха, что отмечали многие из моих собеседников (и ереванцы, и туристы).

²⁷ Cp. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory, Vol. 7, No. 1., Spring, 1989, p. 2.

²⁸ Vernissage. Flea Market // <http://www.tripadvisor.com/Travel-g293932-c105906/Yerevan:Armenia:Vernissage.Flea.Market.html> (16.09.2009).

Такая функция Вернисажа также роднит его с ярмаркой: понятие “ярмарка выходного дня” ныне включено в словари и справочники. В этнографической литературе неоднократно отмечалось и другое свойство праздника – сведение времени к некой нулевой точке, где максимально сближаются прошлое, настоящее и будущее.²⁹ В этом смысле интересно своеобразное, как бы параллельное, существование советского и постсоветского времени на смежных сегментах Вернисажа.

Мастер, продавец, покупатель: социальное пространство вернисажа

Несмотря на пестроту социального состава Вернисажа, его главными персонажами, определяющими лицо-атмосферу этой ярмарки являются мастера-ремесленники, многие из которых считают себя настоящими искусствоведами и художниками. Образ мастера достоин отдельного исследования, поскольку он не только наполняет особым колоритом этот участок города, создавая некую иллюзию “города мастеров”, но и, пуская в обращение новые символы “армянства” или по-новому ранжируя старые, создает различные образы Армении, воплощенные в “туристических сувенирах”. С. Зданин отмечал похожую функцию европейских ремесленников, которые воссоздавали символы идентичности своих городских сообществ.³⁰

Неопытный покупатель вряд ли заметит существенное различие между продавцами ереванского Вернисажа, предлагающими богатый ассортимент сувениров. Между тем продавцов Вернисажа можно разделить как минимум на две группы: на мастеров-ремесленников, продающих товар собственного изготовления, и на перекупщиков. Эти две группы имеют достаточно сложные взаимоотношения. В сложившейся субординации более высокое положение занимают именно ремесленники, несмотря на то, что такое определение многим из них кажется обидным. Так, например, один из моих собеседников-ремесленников, откликаясь на обращение “мастер” (*varpet*), считал, что правильнее их называть “творцами, творческими работниками”. Вернисаж, очевидно, начинает выполнять и функцию “творческой

²⁹ См., например: Абрамян Л. Первобытный праздник и мифология. Ереван: АН АрмССР, 1983, с. 38-45, 115-130.

³⁰ Zdatny St. Urban Artisans and the Politics of Distress // Journal of Urban History 2000; 26; DOI: 10.1177/009614420002600205, <http://juh.sagepub.com>, p. 231-233 (01.10.2009).

школы”, где подмастерья начинают учиться у мастеров не только резать по дереву и камню, но и одновременно осваивают навыки продавца. Чтобы подчеркнуть свою миссию “творца”, некоторые мастера не перестают резать по дереву и во время торговли на Вернисаже, тем самым репрезентируя себя, прежде всего, как “творца-искусствоведа”, а не просто торговца сувенирами. Кроме того, таким поведением они привлекают внимание посетителей, особенно туристов, предлагая при покупке той или иной вещи тут же вырезать имя покупателя на дереве.³¹

На начальном этапе образования нового Вернисажа организацией продажи сувениров занимались только мастера прикладного искусства и ремесленники. В процессе развития Вернисажа здесь стали появляться продавцы, которые занимались перепродажей сувенирной продукции. Мне не удалось более или менее точно определить время их появления здесь, но мои материалы позволяют проследить их занятость в работе Вернисажа начиная с 2005-2006 гг. С этого времени перекупщиков сувенирной продукции на Вернисаже стало больше, чем мастеров. Полевые материалы позволяют выделить, по крайней мере, две группы перекупщиков. Первая – это бывшие мастера, которые раньше сами готовили сувениры, теперь же только перепродают их. Вернисаж привлекает мастеров и своей гибкостью, можно поменять технику или заняться совершенно другой деятельностью: *“Вон тот Грант..., хотя он сам отличный парень, раньше занимался коллажами...”*. Ко второй группе относятся люди, которые никогда сами не делали никаких сувениров и не имеют ремесленных навыков, они покупают готовую продукцию у мастеров и перепродают их. Мастера называют их “спекулянтами” – отрицательный образ продавца, который появился в советское время и непрестанно преследует их и сегодня. Однако высокомерное и брезгливое отношение к таким конкурентам, мастера объясняют и тем, что они обманывают клиентов, прикидываясь мастером продаваемой продукции. *“Ну, ведь спекулянты же... вот, к примеру, вот этот столик, напротив, принадлежит одному типу, который ничего не делает, только продает. Нет у него никаких талантов, просто он ловко продает”*. Сегодня большая часть мастеров предпочитает не заниматься продажей. Они сдают готовую продукцию продавцам без предоплаты и получают деньги только после продажи. Мастер предпочитает время, которое он затратил бы на

³¹ Подробнее об этом см. Melkumyan H. Presenting and Re-shaping Armenian Traditional Culture in Yerevan Vernissage // Bulletin, 2009, N 3(7), с. 92-98.

торговлю, потратить на выполнение заказов: *“Зачем мне зря время тратить, вместо этого я успею несколько вещей сделать”*. То есть мастер рассматривает Вернисаж как место торговли и уже не ощущает его внутренней творческой атмосферы. *“Как только получу деньги, беру и смываюсь отсюда”*, – говорит мастер, делающий нарды.

Мастера часто предпочитают сдавать продукцию перекупщикам и в целях ускорения торговли, так как стоимость вещей, продаваемых непосредственно мастером, выше. *“Он продает тот же товар дешевле меня”*. Перекупщики выставляют продукцию на продажу по более низкой цене, чем мастер: *“Я даю ему по дешевке, по двадцать штук, он добавляет тысячи две и продает дешевле, чем я, оттого, что я свою работу знаю, и не могу дешевле продавать, а он может позволить себе скинуть цену... У них прямо очереди бывают, летом прямо очередями покупают”*. Сказанное позволяет также предположить, что оценка сувенира как произведения искусства далеко неоднозначна. В случае перепродажи он воспринимается исключительно как объект экономических отношений, товар. Мастер тот же сувенир воспринимает как произведение искусства, в который вложены его талант и душа. Именно этот конфликт восприятий и порождает основное недовольство мастеров. Перекупщик, по их мнению, реализует сувенир не по причине его уникальности, а благодаря своей ловкости и умению торговать.³²

Несколько слов следует сказать об отношении стоящих здесь людей к самому Вернисажу. Отношение мастеров к Вернисажу существенно отличается в зависимости от времени их появления здесь и степени участия в формировании нового Вернисажа. Те мастера, которые пришли сюда с Сарьяновского вернисажа, большей частью продолжают работать группой, бок о бок. Среди моих собеседников был мастер, который в момент переезда Вернисажа от памятника Сарьяну на новое место уехал из страны, а после возвращения стал работать в новом Вернисаже. И даже в этом случае, несмотря на кратковременную эмиграцию, не только быстро возобновились старые связи, но, благодаря вовлеченности в “корпорацию” коллег, он быстро нашел “свое место” в новом Вернисаже: *“Я вернулся, меня знали, меня знают, у меня свое место. И здесь, и там те же люди, без разницы. И у меня было здесь свое место, даже пара-тройка мест сейчас. То есть мне все это не было чужим, я знал их всех...”*. Эти мастера придают большое значение присутствию самого “творца”, так как считают свою среду творческой:

³² Ср. Романов П., Суварова М. Указ. соч., с. 154-155.

“...искусства здесь больше, чем бизнеса”.³³ Кроме того, это мир “своих”, где сосед по столику не столько конкурент, сколько друг и коллега. *“Мы приходим не только продавать, приходим повидать друг друга, побеседовать”*. *“Мы все уважаем друг друга, вот, скажем, приходим два дня на работу, слова плохого друг другу не скажем”*.

Но часть мастеров все же склонна воспринимать новый Вернисаж как место торговли. Эти мастера обычно не стоят на Вернисаже. Интересно, что к этой категории в основном относятся мастера по нардкам, видимо, именно потому, что на Вернисаже их товар больше остальных пользуется спросом. Оказалось, что новый Вернисаж в качестве сугубо торговой зоны среди моих собеседников-мастеров воспринимают именно те, кто не начинал свою вернисажную деятельность у памятника Сарьяна. Они пришли на новый вернисаж примерно года через три после его образования. Особое отношение к Вернисажу тех, кто начинал еще на первом, обусловлено особой атмосферой позднесоветского периода, когда искусство противопоставлялось рыночным отношениям и имело высокое символическое значение. В то же время начали пересматривать отношение к свободной торговле, которая отличалась от жесткого капиталистического рынка нового Вернисажа и напоминала скорее игру в рынок. Например, в связи с экономическим упадком намечается снижение объема продаж. Сувениры же делают, учитывая прежде всего покупательский спрос, например, за последние годы увеличился ассортимент сувениров малых размеров, которые удобны для перевозки и в этом смысле более привлекательны для туристов. Таким образом, сувениры приспособляются к экономическим возможностям и предпочтениям покупателей. В то же время это условие, по мнению мастеров, сковывает желание экспериментировать и создавать более разнообразный ассортимент товаров. И продавцы, и мастера склонны к точному воспроизводству “удачной” продукции. Однако “история товаров” Вернисажа показывает, что время от времени наступает насыщение однотипной продукцией и возникает новый всплеск творчества.

Вернисаж еще играет и роль неформального экономического пространства. Территория Вернисажа делится так, что на один квад-

³³ Власти оставляют без внимания вернисажное пространство, оно как бы игнорируется и напоминает то состояние “незамеченности”, которое было свойственно Сарьяновскому вернисажу. Даже недавняя кампания по обязательной установке кассовых аппаратов обошла Вернисаж стороной. В беседах очевидна общая логика суждений о том, что Вернисаж не просто рынок или торговая зона, а “место искусства”, а искусство, по их мнению, не должно облагаться налогом. “Здесь зря денег не берут, Вернисаж – это произведения искусства. Особенно у художников не имеют права денег собирать, понимаешь. Например, за границей (я был в Италии) посмей кто-нибудь за такое место денег требовать – голову оторвут” (Мастер Сипан, кукольник).

ратный метр приходится примерно один столик. За каждый столик выплачивается фиксированная сумма. Кстати, под этим нет никакой договорно-документальной основы, стороны ограничиваются устной договоренностью, при этом плата за место взимается не государственными органами, и даже не совсем понятно кем именно: *“Сто процентов, это не государство. В день тысяча драм. Два дня я стою – субботу и воскресенье”*. *“Нет, это не госслужащие, просто частные лица, собственность чья-то, кому-то принадлежит, он и взял сотрутников, это не государство”*.³⁴

Продавцы зачастую не знают или избегают отвечать на вопрос, кому же они платят или кто распоряжается доходом с территории: *“Мы платим, а на чье имя это место... какая-то сумма государственная назначена, к примеру три или пять миллионов драм, он это официально дает им, вот и все”*. Респондент неопределенным “их”, “они” называет неформальных сборщиков денег, рэкетиров, взимающих законом не-санкционированную плату в пользу неформальных авторитетов или чиновников (возможно, политиков), желающих остаться неизвестными.

Посетителей Вернисажа можно разделить на “сезонные группы”: весна-лето и осень-зима. Весной и летом среди покупателей преобладают армяне диаспоры, туристы, представители армянской общины в России. С закрытием туристического сезона на период осень-зима основными покупателями на Вернисаже остаются жители Армении. У каждой из этих групп есть собственные предпочтения в предлагаемом ассортименте товаров, причем тема “армянства” превалирует в покупках практически всех групп. Для сравнения скажу, что, по словам продавцов и на основе моих двухлетних наблюдений, приблизительно 70% всех покупок делается в центре сувенирной части Вернисажа, где преимущественно сосредоточены мастера-ремесленники.

У продавцов Вернисажа сложились достаточно устоявшиеся представления о туристах. По словам продавцов, они за несколько минут могут безошибочно определить страну, откуда турист прибыл. Хотя ассортимент Вернисажа в основном ориентирован на армян из диаспоры, но продавцы Вернисажа считают эту группу менее привлекательной по сравнению с другими покупателями. *“Армяне из диаспоры, то ли у них денег нет, то ли что, плохо покупают, очень сильно сбавляют цену, ужасно, за полцены хотят купить... В общем*

³⁴ В 2006-2008 гг. торгующие на Вернисаже платили 500 драм за столик. В 2009 г. в связи с тотальным подорожанием, наступившим после инфляции драма, плата за место на Вернисаже возросла до 1000 драм. Здесь действует и сфера “внутреннего обслуживания”: есть уборщики территории, подсобные рабочие, плата за помощь в передвижении или установке столиков тоже 1000 драм (около 2.5 \$).

они торгуются слишком...”. Почти все мои собеседники отмечали, что приезжие из Ирана больше остальных любят поторговаться и сбить цену, и потому они считаются менее желанными клиентами. Местные покупатели воспринимаются по-разному, но в основном их представляют в качестве “бедных”, неимущих клиентов: “Все наши бедные местные, с трудом что-то покупают”. “Для продавцов Вернисажа местные покупатели являются наиболее понятной группой, так как мало торгуются и не сбавляют цены”.

Возможно, помимо личных предпочтений и традиций своих стран многие туристы просто следуют совету реклам туристических агентств, где указывается, что *“некоторые торговцы называют высокие цены, однако вы можете снизить цену, если будете торговаться”*. Часто армяны из диаспоры предупреждают, что приезжим товар предлагают по более высокой цене, чем местным жителям. Во время торговли с армянами из диаспоры продавцы пытаются свое произношение максимально приблизить к их произношению. Вероятно, этим они не только пытаются стать для них более понятными, но также выглядеть как “свои”, чтобы восприниматься как более надежный и достойный доверия партнер.

Итак, если с точки зрения туриста-покупателя все продавцы “на одно лицо” и хотят его обдурить, то для продавцов и мастеров-ремесленников, работающих на Вернисаже, мир покупателей гораздо более пестрый. “Профессиональные” продавцы действительно называют разные цены на один и тот же товар, с учетом своих представлений о покупательной способности клиента, тогда как, по моим наблюдениям, мастера-ремесленники считают продажу своих работ не только бизнесом, но в первую очередь оценкой их творчества, а потому имеют стабильные расценки независимо от клиента.

Заключение

Мои двухгодичные наблюдения и многочисленные интервью позволяют заключить, что Вернисаж воспринимается мастерами двояко: и как экономическая рыночная зона, и как творческая культурная среда. Многие из мастеров отмечают, что наличие перекупщиков лишает смысла само явление вернисажа. Факт роста числа перекупщиков, принижение статуса мастеров говорят о “маркетизации” Вернисажа, этот процесс отражается и в его организации – его пространство представляется торговыми павильонами. В обществе же пока превалирует

мнение о том, что Вернисаж, несмотря на торговлю, все же не столько рынок, сколько “выставка”. Сочетание рынка и некоего “празднично-культурного” пространства – это признак, характеризующий ярмарку, который отчасти сохранился и сегодня.

Сувенирный ереванский Вернисаж действует только по субботам и воскресеньям. Причем сами мастера, когда говорят “настоящий вернисаж”, имеют в виду именно субботу и воскресенье. Этот факт говорит о том, что ереванский “Вернисаж” имеет не совсем типичный характер рынка. Он функционирует также как место досуга: в конце недели, в выходные и праздничные дни люди приходят просто прогуляться по “Вернисажу”. То есть, несмотря на “рыночные” признаки, Вернисаж в некоторой степени продолжает сохранять значение некоего “культурного” пространства. Ярмарочный вид Вернисажа усиливается еще и наличием павильонов с музыкальной продукцией, а также торговлей пищей и напитками вразнос. Ярмарочные черты подчеркивают и размещенные по краям Вернисажа другие, “несувенирные” рынки: “птичий”, где продают домашних животных, ювелирный, рынок автомобилей, одежды, посуды, красок, а также *блошинный* рынок. О ярмарочном характере Вернисажа говорит и привычка горожан приходить сюда на прогулки. Большая часть опрошенных (особенно девушек) отмечают, что *“вернисаж на Ханджяна – интересное и своеобразное место для прогулок”*. “Шопинги” стали своеобразной формой отдыха во многих странах, и ереванский Вернисаж в этом смысле не составляет исключения. Однако пространство Вернисажа на сегодняшний день очевидно представляет некий переходный вариант, поскольку серьезно обсуждается вопрос об установлении здесь павильонов. Продавцы также за их установку. Павильонно-лоточный вид уже имеет секция посуды. Кроме того, реорганизации подвергается и внутренняя структура Вернисажа: бывшие периферийные перекупщики и “лжемастера” постепенно вытесняют с центральной части мастеров-ремесленников, способствуя трансформации “культурно-творческого” пространства в территорию лоточно-павильонной торговли, которая может в конце концов перерасти либо в открытый рынок, либо в более благоустроенной, закрытый торговый центр.

Итак, небольшая инициатива городской богемы, которая задумывалась как создание еще одного “культурного очага”, вернисажа, постепенно трансформировалась в рынок, перемещенный в другое место и породивший новое для Еревана явление – городскую ярмарку, не только репрезентирующую и конструирующую “армянскую” культуру, но и моделирующую богатый спектр ереванских рынков.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТБИЛИСИ

Введение

В современной городской культуре Тбилиси доминирует явно гомофобный дискурс о гомосексуальности. И хотя тема “сексуальных меньшинств” почти незаметна в публичной дискуссии, она иногда просачивается в прессу и на телевидение.¹ В большинстве случаев в здешнем гетеронормативном порядке нет места для “других” – в данном случае гомосексуалов, которые своим “нестандартным” поведением бросают вызов строго прописанным традиционным нормам. Тбилисское общество к таким людям относится чаще всего враждебно.

Однако гомосексуальность как общественное явление имеет давние корни в городской культуре Тбилиси. Достаточно вспомнить феномен кинто – мелкого торговца, одного из символов дореволюционного Тбилиси. Как известно, в среде кинто гомосексуальность была достаточно распространена. “Толерантность” тогдашнего общества к гомосексуальности кинто можно объяснить тем, что в сословном обществе высокостатусные сословия полностью игнорировали практики исключенных, в данном случае кинто. Тем более, что кинто часто использовали как проституток.

В связи с этим, фольклор старого Тбилиси богат образцами гомосексуального содержания. Следует отметить, что по традиции, которая дошла до наших дней в виде неписанных тюремных норм, к активной гомосексуальности в обществе относятся вполне терпимо. Гнев общества часто направлен только на пассивных гомосексуалов. Например, персидское слово “бичи” (по-грузински мальчик) означает подростка, одетого как девочка. Не удивительно, что до сих пор на улицах Тбилиси слово “бичо” (восклицательная форма) считается ругательством. То же самое можно сказать о слове “набичвари” (по-

¹ ეკა ადღომელაშვილი, ჰომოსექსუალობის/ჰომოსექსუალების რეპრეზენტაცია ქართულ მას-მედიაში, 2005 http://www.inclusive-foundation.org/home/files/media_analysis_ka.pdf (20.10.2009).

грузински ублюдок), под которым подразумевается не его основное значение (внебрачный ребёнок), а пассивный гомосексуал.

Согласно советскому законодательству гомосексуальность являлась уголовным преступлением. После краткого периода относительного либерализма по отношению к гомосексуальности (в царской России гомосексуальность преследовалась по закону) Сталин в 1930-е годы восстановил уголовную ответственность за “гомосексуализм” (так обозначали гомосексуальность в СССР)². В советский период на протяжении долгих лет эта тема была строго табуирована в обществе. В связи с этим, в городской культуре Тбилиси постепенно исчезло традиционное представление о кинто, он обрел совсем другой условно-символический смысл³ и стал неотъемлемой частью фольклорно-гиперболизированной истории Тбилиси.

Со времени распада СССР в городской культуре Тбилиси произошли заметные изменения. Тема гомосексуальности во многом, хотя не всегда и не везде, перестала быть табу. Сегодня, когда уголовное наказание за гомосексуализм отменено, стало очевидно, что отмена формальных запретов мало что изменила в обществе. Для значительной части представителей городской культуры Тбилиси “гетеросексуальность рассматривается как единственно приемлемая, более полноценная или более естественная (чем гомосексуальность) форма сексуального поведения”⁴. Более того, советский моральный диктат сменил диктат грузинской православной церкви, представляющей собой мощную и влиятельную организацию, активно участвующую в общественной жизни страны.

В истории грузинской православной церкви “содомия” всегда преследовалась. Церковные каноны не подвергались изменению и действуют до сих пор. Для среднестатистического грузина вера и национальная идентичность сливаются воедино. И если гомосексуальность – это грех и болезнь, то надо ее побороть в себе. Гомосексуал, не подчинившийся этому, будет подвергнут строжайшему наказанию в ином мире и всеобщему презрению в этом.

“Агрессивное и презрительное отношение к гомосексуалам в нашем обществе обусловлено идеологией, декларированной патриаршеством

² Кон И. Можно ли восстановить статью 121? <http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/MozhnoLi121.htm> (20.10.2009).

³ Говоря о гомосексуальности в советском Тбилиси, нельзя не упомянуть известного тбилисского режиссера Сергея Параджанова, красочный мир которого переполнен гомоэротичными образами (между прочим, Параджанов был “открытым” геем, за что он дважды сидел за решеткой). Сегодня его скульптура на улице Шардена привлекает многих тбилисских геев. Здесь находится одна из главных гей-территорий города.

⁴ Blumenfeld W. J., Raymond D., Looking at Gay and Lesbian Life. – Boston: Beacon. 1988, pp. 12-16.

*Грузии, хотя эта тенденция широко распространена и в бытовой культуре, так как в феодально-традиционном обществе утверждение своей идентичности происходит исключительно за счет меньшинств – инакомыслящих, детей, женщин или гомосексуалов”.*⁵

Недоброжелательное отношение общества во многом определяет правила жизни тбилисских гомосексуалов. Оказывается, они, несмотря на существенные различия между собой, вырабатывают более или менее одинаковый “иммунитет” к окружающей среде. Точнее говоря, неблагоприятные условия для их индивидуальной самореализации вынуждают их учиться избегать конфликтов с остальным обществом. Этот процесс невозможно объяснить без анализа той социальной среды, в которой протекает их жизнь. К примеру, говоря об общей нетолерантности тбилисского общества, нельзя не упомянуть и о схожей картине внутри самого гей-сообщества города. Можно выделить главную причину такого подобию: утверждение своей индивидуальности происходит исключительно в соответствии с ценностями остального общества. Подчиняясь правилам социализации, население в целом воспроизводит традиционное общество с патриархальными правилами. И хотя для некоторой части тбилисцев гомофобия чужда, эта тенденция еще очень слаба, и не может существенно повлиять на общую картину.

Целью настоящего исследования является не только описание жизни тбилисских гомосексуалов, но и выявление общегомосексуального дискурса в современной действительности, хотя исследование повседневных правил в субкультурной среде дает богатую пищу для осмысления проблемы интеграции геев в городское общество в целом. Здесь речь идет не столько о степени и возможности самовыражения гомосексуалов, сколько о допустимости и “нормальности” их существования в здешнем гетеросексуальном обществе.

В процессе исследования были использованы биографические интервью, дневники контактов⁶ и лейтмотивные интервью по дневнику. Такой комплексный (триангуляционный) метод дал возможность наиболее адекватно достичь целей исследования.

Как уже говорилось, гомосексуальность до сих пор не относится к тем темам, которые можно свободно без каких-либо препятствий

⁵ ბ. კობახიძე, ეკლესია, ადამიანის უფლებები და ჰომოსექსუალობა. „მე“, №2, 2008, გვ. 20.

⁶ Гладарев Б. Дневниковый метод в изучении социальных сетей. Социология. М, №14. 2001, с. 66-67. Речь идет о ведении дневников, заполняемых в течение относительно длительного времени по специальной форме. В них информант фиксирует все свои устные и письменные контакты с другими людьми.

обсуждать публично. Следует отметить, что речь пойдет о стигматизированной части общества. Эта довольно многочисленное, но одновременно как бы невидимое сообщество, ведущее к маргинальной самоидентификации гомосексуалов. Поэтому неудивительно, что во время интервью информанты чувствовали себя неловко, скованно. Нередко бывало, что информант вел себя агрессивно. Проникнуть в гей-среду Тбилиси – задача для исследователя не из легких. Я использовала личные знакомства и далее метод “снежного кома”. Особенно трудно было в самом начале исследования, когда информанты с недоверием относились ко всему, что касалось выяснения их роли в социальной жизни тбилисских геев. Однако в процессе интервью, как только респонденты убеждались в том, что речь идет о научном исследовании, а не о журналистском интервью для какого-нибудь “желтого” издания, они становились более приветливы. Подспудное желание открыться и высказаться о своих проблемах отмечалось почти всегда. Иногда информантам было очень трудно говорить о себе, и они объясняли это тем, что впервые говорят об этом так открыто. Часто случалось и так, что информант делал сам для себя неожиданные выводы о своей жизни.

На протяжении всего исследования (оно длилось год) я сумела провести интервью с 28 информантами. Они были самого разного возраста и принадлежали к разным слоям общества. Для анализа социальных сетей информантов мне удалось уговорить восьмерых из них вести дневник контактов. Не удивительно, что не все информанты соглашались на эту обременительную процедуру. С помощью “дневникового метода” у меня появилась дополнительная возможность выяснить скрытые стороны повседневной жизни моих собеседников.

1. Гей-сцены в городской культуре Тбилиси

Принято считать, что место и пространство играют важную роль в построении идентичности. Поэтому особое внимание в исследовании уделено активности тбилисских гомосексуалов в конкретных социальных пространствах. Как утверждал французский социолог и философ Анри Лефевр, социальные отношения остаются абстрактными и нереализованными, пока они не получают конкретного выражения и не вписываются материально и символически в обитаемое пространство. По его мнению, человеческое общество и все формы социальных

отношений и социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов.⁷

Пьер Бурдьё считал, что “физическое пространство не может мыслиться ... иначе, как через абстракцию (физическая география), т.е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии..., объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений”.⁸

В большинстве публичных пространств городской культуры Тбилиси доминируют пространства мужского и гетеросексуального характера. Для выражения “ненормальной” сексуальности мест не предусмотрено. Общество терпимо относится к гомосексуалам только тогда, когда они не “высовываются”. Словом, публичные пространства Тбилиси совсем не предполагают, что они могут стать местами самовыражения гомосексуалов. Но, несмотря на это, тбилисские гомосексуалы все-таки создавали и до сих пор создают альтернативные, изолированные пространства, где они могут выражать свою сексуальную идентичность. Майкл Сибалис считает, что гей-пространство может создать отдельные гомосексуальные идентичности, изолированно выработать свои собственные ценности и препятствовать интеграции с остальной частью общества⁹. Гей-пространство в целом подразумевает совокупность определенных баров и клубов, а также бани, кафе, жилые и общественные помещения для социального взаимодействия (в том числе улицы, скверы парки и т.д.). В гетеронормированном мире гей-пространства обретают особое значение, поскольку только там гомосексуалам дают возможность утверждения своей сексуальной идентичности, возможность общения с другими гомосексуалами.

Борьба тбилисских геев за новые публичные пространства протекает не так уж активно. Это прямо связано с боязнью публичного разоблачения и возможной потери вследствие этого друзей и близких. Поэтому, говоря о гей-пространствах Тбилиси, я в целом не подразумеваю попыток создания общих с гетеросексуалами публичных пространств. В основном мне приходится говорить о “классических” гей-пространствах, не претендующих на свое расширение.

⁷ Lefebvre, H. (1975) *Le temps des meprises*. Paris: Stack, p. 36.

⁸ Бурдьё П. Физическое и социальное пространства // Бурдьё П. Социология социального пространства. Санкт-Петербург: Алтейя, 2007, с. 53.

⁹ Michael Sibalis, “Paris”, in *Queer Sites: Gay Urban Histories since 1600*, ed. David Higgs (London and New York, 1999), p. 36.

В советские времена гей-пространства были тесно связаны с парками, банями и общественными туалетами города. Сегодня гей-сцена выглядит более многообразно, включая в себя частные и публичные, реальные и виртуальные пространства и имеет различные измерения: территориальные (плешки, бани), субкультурные (включение в специфические виды деятельности) и др.

На сегодняшний день гей-пространства Тбилиси часто связаны с конкретными гей-территориями города, хотя активное пользование интернетом среди геев со средним доходом уже дает возможность значительно расширить эти пространства виртуально.

В данном случае нас интересуют реальные гей-территории Тбилиси, включая и те публичные пространства города, где здешние гомосексуалы осуществляют столь важную для них коммуникацию, а также виртуальные сети их общения.

1.1. “Плешка”

Самый “древний” способ знакомства – это знакомство на так называемых “плешках”¹⁰ – стихийно возникших местах (чаще всего это парки), куда периодически заглядывают неудовлетворенные своей личной жизнью люди. Причем туда приходят не только геи. Иногда это и одинокие “натуралы”¹¹, ищущие хоть какого-то секса, и подростки из неблагополучных семей, таким образом пытающиеся воплотить в реальность свою вымышленную взрослость и независимость. Здесь можно встретить общающихся и/или ищущих сексуальные контакты людей из абсолютно разных слоев общества – от юных беззаботных “девочек”¹² до солидных мужей. Среди постоянных гостей “плешек” можно найти людей самых разных возрастов и профессий. На некоторых территориях “собрание” начинается в вечерные часы, тогда как на других “плешках” можно тусоваться круглосуточно. Как обычно, отношение к “плешкам” со стороны самих геев крайне противоречивое – от избегания таких мест до отстаивания “плешечного” стиля жизни как “подлинно” гомосексуального. Несмотря на противоречивость суждений о “плешках” в геевской среде, в этих местах протекает до-

¹⁰ “Классическими” гей-территориями Тбилиси являются так называемые “cruising area”, которые ещё в советские времена гомосексуалы называли “плешками”: территории перед Дворцом Спорта, от моста царицы Тамар до площади Героев, улица Ахвледiani (бывшая Перовская), т.н. Александровский сад, сквер Пушкина, “Красный сад” на проспекте Казбеги, улица Шардена (со статуей Параджанова), мост Бараташвили, Абанотубани и некоторые другие.

¹¹ “Натуралами” в гей-субкультуре называют гетеросексуалов.

¹² “Девочками” (“девка”) называют манерных, развязных геев (субкульт.).

вольно активная жизнь. На “плешке” своя особая субкультура, подчеркнутая манерность обращения, клички (часто женского рода), экстравагантное поведение, эпатаж окружающих.

“Для меня “плешка” как родной дом. Я здесь всех знаю, знаю их интимные тайны в мельчайших подробностях, их вкусы, тревоги, ожидания... Мне уже пятьдесят и я в своей жизни много чего повидал... Безусловно, сегодня “плешка” уже не такая многообразная как в былые времена, но все-таки здесь еще можно потусоваться. В советский период здесь можно было найти и иностранцев, и советских граждан из России, Украины, балтийских республик, короче, было круто! Гей, принадлежавший к миру плешки или входящий в него, приезжая в незнакомый город, ориентировался или по рассказам знакомых, или по надписям в туалете, служившим своеобразной доской объявлений.

Я хожу почти на все “плешки” Тбилиси, но самая обширная из них – “плешка” зоопарка¹³. Здесь постоянно стоит примерно 50-60 человек, порой и больше. В основном это люди несостоятельные. Поэтому сексуальные контакты между обитателями и гостями “плешек” происходят прямо там же, в лесу зоопарка. Понятно, что это не совсем цивилизованно, но в этом есть своеобразный кайф и экстрим!” (Нодар, сантехник, 50 лет).

То, что в советский период “плешка” была гораздо интереснее и многообразнее, чем сейчас, отмечают почти все информанты, кому приходилось повидать жизнь “плешек” в прошлом. По их словам, раньше, как и сейчас, на “плешку” обычно ходили для общения, съема, секса или просто посидеть на свежем воздухе и поглазеть на проходящих мужчин, но тогда ареал знакомств был намного шире и насыщеннее. Чаще всего ностальгическими чувствами по прошлому пронизаны те геи, для которых плешка до сих пор является единственным способом для знакомства и общения. Для подобных людей (они все уже старше 40 лет) процесс приспособления к новой действительности протекает довольно болезненно.

“Несостоятельность” описываемого “сообщества плешки” проявляется не только интимными контактами исключительно на открытом воздухе (в лесу зоопарка). Считается, что на “плешке” собирается “гей-мусор” (как выразился один из информантов), т.е. люди неряшливые,

¹³ Это территория от моста царицы Тамар до площади Героев.

с низким образованием, пошлыми манерами. В большинстве случаев для этих геев закрыт доступ в остальные гей-сообщества города.

“Раньше мы активно обменивались новостями, совместно обсуждали свои и общие проблемы, организовывали какие-то мероприятия. Иногда возникали и чувства любви, зависти, ревности. Это было место, куда можно было прийти в любой день, будучи уверенным, что обязательно встретишь понимающего человека, а если повезет, то и получишь больше, чем просто понимание. Впрочем, познакомиться для секса было тоже непросто. Да и это – порою создавалось такое впечатление – было вовсе не главной целью посещения “плешки”. Само ощущение себя частью единого веселого коллектива единомышленников наполняло жизнь особым дополнительным смыслом и чувством собственной значимости. А сейчас “плешка” как бы стала мишенью для надменных и брезгливых гомосексуалов, которые предпочитают другие способы знакомства и общения. Понятно, что здешняя ситуация далеко не самая лучшая, но не надо так драматизировать!” (Давид, 32 года).

Тема “дурной” репутации “плешки” часто всплывает в разговорах и является главной причиной брезгливого отношения к ней части гомосексуалов. Негативные стороны знакомств на “плешке”, в том числе “откровенная распущенность” и “аморальное поведение” некоторых ее завсегдатаев, не только не способствуют притоку сюда геев, но и наоборот, становятся причиной, по которой многие отдают предпочтение альтернативным способам знакомств.

“Я уже много лет хожу на “плешку”. Наверное, думаете, что мне здесь все очень нравится? Нет, пожалуй. Как вам объяснить... Здесь собирается как бы однородная масса тбилисских геев. Они похожи друг на друга как капли воды. Вечером, когда стемнеет, все собираются и рассказывают друг другу почти одинаковые истории: какой у них любовник-супермен, какую секс-машину они смогли “приманить” к себе... Вся эта картина мне часто напоминает парламент Грузии, где все хвастаются, но на самом деле совсем нечем хвастаться... Члены “гей-парламента” не состоят в особых дружеских отношениях и за спиной обзывают друг друга последними словами. Ситуация обостряется тогда, когда речь заходит об отсутствующих членах “парламента”. Если бы

знали, что творится тогда... Люди ведут себя как животные, даже хуже... Эти придурки готовы выпить кровь своих вчерашних собратьев только потому, что их сегодня не видят. Потом все идет по кругу, через пару дней “жертва” становится “палачом”... Часто подобные инциденты кончаются рукопашным боем, тем более если “заседания” “гей-парламента” проводятся на территории другой “плешки”. Да, я хожу на подобные собрания, но не для того, чтобы участвовать в этой вакханалии... Просто я гомосексуал и мне нужна коммуникация с себе подобными... Вот и все...” (Коба, 34 года).

Посетителей “плешек” можно условно разделить на две группы. Первые бывают там не часто и только с одной целью – найти себе полового партнера. Среди них и женатые мужчины, и те, кто считает себя гетеросексуалом, но время от времени нуждается в снятии накопившегося сексуального неудовлетворения. Речь в таком случае идет об однократном сексуальном контакте тут же на “плешке” или где-то поблизости, в ходе которого партнеры могут не обменяться и словом. Они, вероятно, боятся, что более устойчивая, “очеловеченная” гомосексуальная связь сделает из них гея. Захаживают таким же образом на “плешку” и те, кто понимает свою сексуальность, кто мог бы даже иметь круг друзей той же ориентации. В этом случае происходит как бы раздвоение: друзья – для души, а парень с “плешки” – для тела. Еще для одной группы посетителей “плешка” представляет собой своеобразный клуб, где не только можно найти сексуального партнера, но и встретить “своих”, посплетничать, отдохнуть от необходимости скрывать свою сексуальную ориентацию. Кто-то предпочитает заводить знакомства в бане или в транспорте, но и они приходят на “плешку” для общения. Впрочем, и на “плешке” могут завязываться прочные связи, дружба. Кто-то на время выпадает из круга, чтобы потом появиться вновь.

В ходу клички, чаще всего женские. Здесь иногда проявляется настоящая изобретательность (обычно им нравятся имена суперзвезд и эпатажные, вульгарные клички). Своеобразное явление среди заведомо гей-плешки – “хабальство”. Будучи в обычной жизни неотличимыми от других мужчин, часть “плешечных” геев в своем кругу преображалась. Разговором, манерой поведения они становились похожими на карикатурное изображение женщин. Следует полагать, причина этого явления – психологическая компенсация тех усилий, что

затрачиваются геями в повседневной жизни на соответствие заданному обществом образцу мужественности, а также компенсация стресса от тех ненормальных условий, в которых проходила социализация гея, когда гомосексуальные наклонности презируемы, а гомосексуал равнозначен женщине в мужском теле.

Надо заметить, что сегодня посещает “плешки” абсолютное меньшинство геев. За последние годы практически перестали быть местами встреч общественные бани. Такое разрушение привычного в советское время уклада жизни вызывает недоумение и нарекания некоторой части геев, особенно старшего возраста. Хотя в СССР существовала уголовная ответственность за гомосексуальность, но тогда роль “плешки” в жизни геев была несравнимо больше по сравнению с сегодняшним днем. Причиной новой ситуации является значительное расширение гей-территории, включая интернет и “элитные тусовки”. Сегодня “плешку” больше не посещают и “граждане из России, Украины, балтийских республик”, т.е. иностранцы, у которых появилась возможность свои сексуальные фантазии реализовать в более комфортной и разнообразной обстановке.

1.2. Бани Тбилиси

Еще одно место в городской культуре Тбилиси, где геи могут встретаться без проблем и ограничений, это серные бани в старинном “банном квартале города”, который так и называется “Абанотубани”. Знаменитые три бани - “Чрели абано” (Пестрая баня), “Тогирдис абано” (Серная баня) и “Самепо абано” (Царская баня) уже давно являются любимыми местами встреч тбилисских (и не только тбилисских) гомосексуалов. Популярность бань в гей-среде объясняется довольно просто. Во-первых, коллективное посещение бани является частью традиционной культуры тбилисцев. Во-вторых, посетители бань ощущают оздоровительный эффект от термального воздействия. В-третьих, в банях естественным образом могут удовлетворяться эротические и сексуальные потребности мужчин. Возбуждение является обычным состоянием геев в таких местах.

“Я долгое время жил в Москве. Конечно, мне трудно привыкнуть к здешнему образу жизни, но серные бани Тбилиси мне очень помогают в этом... О своей сексуальной ориентации не могу говорить даже с близкими друзьями, и одна единственная утеха для меня

– это бани... Это настоящее наслаждение! В общем зале я люблюсь обнаженными телами мужчин и без конца чувствую на себе волшебную силу серных источников... Между прочим, не так уж редко незнакомцы заговаривают со мной – “какой у тебя загар классный!” и т.п. В собеседниках я легко узнаю геев, и если меня устраивает, мне понравится собеседник, то мы продолжаем свои отношения в другом месте. Бывают геи, которые прямо в бане знакомятся и там же в отдельных купе уединяются, но я никогда не поступаю так – это для меня неприемлемо” (Георгий, менеджер, 29 лет).

Интерес геев к баням вполне понятен, особенно если учесть, что бани и сауны являются любимыми заведениями геев и в других странах. Даже самые нерешительные гомосексуалы здесь чувствуют себя уютно. Как выясняется со слов информанта, баня для него представляет единственную возможность жить гомосексуальной жизнью.

“У меня нет проблем со знакомствами, я часто посещаю различные гей-тусовки, но, по правде говоря, нигде и никогда мне не приходится так кайфовать, как в старых банях Тбилиси. Здесь царит какая-то волшебная аура, исходящая от массы серной воды, и, к тому же, я без устали могу глазеть на голых натуралов, окутанных возбуждающим паром. Да, как ни странно, меня здесь привлекает не ожидание гей-знакомств, а в первую очередь, возможность пристальным взглядом, без стеснения рассматривать обнаженные тела мужчин, с которыми наверняка у меня никогда не будет секса. Не знаю, может быть, на меня действуют целебные свойства серной воды, а может, у меня с психикой не все в порядке, но это зрелище меня так возбуждает, что каждый мой визит в баню кончается сексом со случайным партнером или партнерами в отдельных купе. Да, бывать в банях я люблю больше, чем на самых крутых гей-тусовках!” (Гука, стилист, 24 года).

Как видим, у этого информанта, в отличие от предыдущего, нет никаких проблем с коммуникацией, но он все-таки предпочитает баню, хотя это никак не связано с поиском партнеров. Разумеется, несмотря на солидную концентрацию здесь геев, бани активно посещают и натуралы. Как выясняется со слов информанта, именно эта причина привлекает его в бани, поскольку у него нет другой возможности “рассматривать обнаженные тела натуралов”.

Несмотря на то, что оба процитированных информанта достаточно молоды относительно среднего возраста гей-посетителей тбилисских бань, исследование показало, что, по сравнению со старшим поколением здешних геев, молодежь не так уж активно использует бани с целью знакомства и общения.

“В советские времена, когда никто не смел громко говорить о своих гомосексуальных наклонностях, бани для нас представляли собой единственные территории, где мы встречались без проблем. Конечно, существовали еще и “плешки”, но там было не совсем уютно и безопасно. Когда я вспоминаю об этом, меня охватывает адская ностальгия по тем временам... Особенно смелые из нас свои координаты писали прямо на стенах бань... Бывали случаи, когда по этим номерам завязывали знакомства долговременные, не только для секса... Не поверите, но я знаю человека, у кого был секс прямо в бане с очень знаменитым артистом. Для нас бани были и местом знакомства и общения, и тусовкой, и своеобразным гей-борделем, где собирались лица “родной” ориентации. А сейчас многое изменилось в нашей жизни, да, я признаюсь, что сильно отстал от времени, но ничего не могу поделать с этим... Те гомосексуалы, кто до сих пор ходят в бани, сильно постарели, впрочем как и я, и бани уже давно утратили свой былой шарм. А с молодыми, кто посещает бани, мы не можем пообщаться – мы их не интересуем. Короче, мы, старики, сюда ходим только по одной причине – вспоминать былые времена...” (Нугзар, строитель, 54 года).

Разумеется, баня, как и “плешка”, не является гей-территорией, куда доступ ограничен. Правда, сегодня бани в основном посещает тот же контингент геев, который стоит на “плешке”. Соответственно для “продвинутых” геев эти территории не так уж заманчивы, поскольку там собираются “люди слабого развития”. А в советские времена, когда гей-пространства существовали в крайне закрытом виде, эти места были более популярными и многолюдными, чем сейчас, когда появились альтернативные средства и пространства для общения. Конечно, “очень знаменитые артисты” баням уже предпочитают элитные гей-тусовки, где чувствуют себя более комфортно. Однако в банях, в отличие от “плешек”, можно встретить и “элитных” геев со своими иностранными (и не только) партнерами.

“Нет ничего удивительного в том, что тбилисские бани являлись и до сих пор являются излюбленными местами для здешних геев. Эта тенденция популярна и широко распространена во многих странах мира – бани и сауны являются почти главными “центрами” секс-знакомства и секс-бизнеса. Культура Тбилиси помнит множество историй, когда здешние бани играли немаловажную роль в гей-приключениях горожан. И среди моих друзей найдутся такие, кто тбилисские бани считает неотъемлемой частью своей гей-активности. Сюда с одинаковым удовольствием приходят и те, кого раздражают шумные дискотеки, и те, кто хочет перевести дух до следующей тусовки. О себе не могу сказать то же самое, хотя, когда у меня гостят иностранные гей-друзья, мы всегда отправляемся в старинные серные бани. Там бывать они очень любят. Для них это связано с экзотикой и наслаждением” (Дуду, дипломат, 32 года).

Оказывается, “элитные геи” тоже нередко бывают в банях, хотя здесь не ищут знакомства. Бани для них являются, скорее всего, местами для отдыха и расслабления. По той причине, что тбилисские бани являются “неотъемлемой частью гей-активности”, иностранным гостям их всегда рекомендуют посещать как важнейшие из гей-достопримечательностей города. Поэтому, несмотря на то, что статус банных посиделок резко снизился, все-таки говорить о “плешке” и бане как об идентичных пространствах было бы неправильно.

1.3. “Светские тусовки”

Еще недавно в Тбилиси самым популярным “крутым” местом для гей-знакомств был бар “Success”, расположенный в центральном районе города. Сегодня он больше не является местом встречи и общения геев. Дело в том, что упомянутый бар вовсе утратил “гей-статус” и превратился в обычный бар. Первоначально “Success” быстро собрал вокруг себя солидное число так называемых “элитных геев” (один из его владельцев был геем) и вскоре превратился в настоящий гей-клуб, где собирались местные гомосексуалы (преимущественно “элитные”, поскольку пребывание здесь стоило недешево).

Однако все это продолжалось недолго. Информация о “самом крутом гей-баре Тбилиси” молниеносно распространилась по всему городу. В этом немаловажную роль сыграл один телевизионный сюжет,

который всем сообщал о появлении в городе подобного места. После этого большинство геев перестали ходить в “Success”. Причиной этому опять послужила боязнь перед публичным разоблачением иной сексуальной ориентации.

“Совсем не удивительно, что идея создания клубов чисто гей-характера провалилась... Главная причина этому – опять гомофобия. Никто не хочет иметь лишних проблем с афишированием своей сексуальной ориентации. Многие, особенно богачи, боятся огласки. Это вполне естественно, поскольку в Грузии коммерческий истеблишмент кишмя кишит гомофобией. Не удивительно, что многие берегут свое имя и боятся потерять доходную работу. Бизнес – особенно деликатная сфера. Здесь даже самые “продвинутые” геи опасаются говорить вслух о своей ориентации. Это вполне понятно – слишком многое лежит на весах!” (Торнике, клиент клуба “Success”).

Со словами информанта о том, что “в Грузии коммерческий истеблишмент кишмя кишит гомофобией”, можно поспорить, поскольку гомосексуалы в достаточном количестве найдутся и в этой сфере. Совсем другое дело, что по разным причинам они вслух не будут говорить об этом. Хотя информант подчеркивает, что гомофобия в бизнесе – особое дело. И если верить информанту, с “открытыми” геями никто не захочет заключать сделку.

Ввести западные модели гей-жизни в Тбилиси не удалось. После исчезновения бара “Success” с тбилисской гей-карты попытки создать новые подобные заведения больше не повторялись. Хотя это совсем не означает, что здешние гомосексуалы совсем отказались от посещения местных клубов и баров. Они тусуются в разных подобных местах небольшими группами, но, по вышеуказанным причинам, постоянных клубов не имеют. Конечно, в Тбилиси можно найти несколько баров, ресторанов и других развлекательных заведений, которые имеют неформальный “гей-статус” по причине собирающейся там гей-аудитории, однако ни одно из них не является специфическим гей-заведением.

“Конечно, в таком большом городе как Тбилиси обязательно должен функционировать хоть один нормальный гей-клуб! Может

быть, я не в настроении гадать, гей или страйт¹⁴ сидящий напротив моего стола парень. Что же мне остается делать кроме того, что мечтать о стране, где жили бы люди только “другой” ориентации!” (Артур, сотрудник банка, 24 года).

Против гей-баров выступает часть самих тбилисских гомосексуалов. Причиной тому опять является неготовность жить открыто, без боязни, что кто-то из знакомых узнает об этом, и потом возникнут серьезные проблемы с окружающим обществом.

“Сама идея функционирования гей-клубов и баров в культурном пространстве Тбилиси совсем неплохая, но, думаю, что здесь мы должны учесть общий фон и негативное настроение общества к подобным явлениям. По-моему, здесь до сих пор нет и не будет еще очень долго, подходящей ситуации для этого. Я бы с удовольствием ходил в подобные места, если бы не общая “духота” вокруг этой темы. Я совсем не хочу, чтобы меня выгнали с работы просто потому, что злые языки до шефа донесут информацию о моих ночных “похождениях” (Вахо, офис-менеджер, 35 лет).

Как видим, гей-заведения, столь популярные в других странах, здесь не нашли поддержки. “Элитные геи” предпочитают более “скрытые” пространства, а если и появляются в открытом обществе, то не афишируют свою сексуальную ориентацию. Фактически, здесь никто не смеет устраивать открытые “гей-party”, хотя очень популярны “гей-вечеринки” и элитные “гей-тусовки” закрытого характера. Обычно компания поочередно собирается на квартирах членов группы. Некоторые из геев могут переходить из одной группы в другую, состоять в нескольких группах одновременно (иногда “нелегально”) или ходить в гости от одной компании к другой. Несмотря на то, что некоторые геи могут иметь постоянные связи с более чем одной группой, границы групп вовсе не размыты, как раз наоборот – все члены сообщества строго “элитные”.

“Настоящий Гей – это тот, кто всегда следит за собой, душит ароматами драгоценных духов, одевается у знаменитых кутюрье и имеет красивого и молодого любовника” – читаем в одном из грузинских гей-блогов. Я цитирую это высказывание, поскольку в нем содержится большая доля правды. Попасть в светские круги тбилисских

¹⁴ Натурал, гетеросексуал.

гомосексуалов практически немыслимо, если у претендента нет хотя бы одного атрибута из перечисленных: высокого общественного положения, материального благополучия, ярких внешних данных или широкого круга “светских” знакомых.

Конечно, это правило распространяется не только на гей-круги Тбилиси, а является в некотором смысле универсальным для элитных сообществ в целом, что определяет символические границы между “элитными” и прочими.

“Я вырос за кулисами двух театров. Не могу сказать, что детство у меня было шикарное и прекрасное, но зато не жалею о судьбу сегодня... У меня есть все, что захочу: деньги, роскошная машина, нужные связи, словом все... Позавчера попал в аварию (был пьян до смерти!) но мои друзья позаботились обо всем в мгновение ока! Молодцы! Что бы я делал без них!” (Гога, 21 год).

Для уточнения можно добавить, что Гога отличается впечатляющими внешними данными, что и стало главной причиной его попадания в светские круги. Интересно, что люди, проникшие в элитную среду только благодаря своим внешним данным, представляют угрозу для этой среды (шантаж, вымогание денег, огласка сексуальной ориентации). Это естественно, ведь эти люди ранее были далеки от “бомонда”. В большинстве случаев эти выходцы из малообеспеченных семей всячески стараются извлечь из новой ситуации максимальную пользу.

Еще один нестандартный способ попасть в светские круги тбилисских гомосексуалов – внезапно стать популярным человеком, общение с которым считается “последним криком” здешней моды. Такого человека безоговорочно принимают в элитном гей-обществе.

“Я до сих пор живу в крайне непрестижном районе города, мои родители простые рабочие, так что мне хвастаться нечем. Думаю, что моя жизнь теперь ничуть не изменилась, хотя по сути дела этот процесс кое-кому казался неизбежным.

Дело в том, что после того, как стал популярным (информант – Ш. Г.), передо мной как бы широко распахнулись врата “сильных мира сего”. Те люди, о знакомстве и дружбе с которыми раньше и мечтать не смел, уже сами начали проявлять ко мне интерес. Правду говоря, мне это совсем не нравится. Я – личность, а не шут, не клоун, и не маска, и не очеред-

ной камушек в море! Ну и что, что сегодня мое имя у всех на устах? Главное, что я ничуть не изменился!

Однажды, когда меня еще никто не знал, мой друг меня познакомил с одним известным дирижером (конечно, геем, я об этом хорошо знал). Не могу описать, как он омерзительно вел себя! Словом, злыми насмешками и издевательскими выходками всячески старался “избавиться” от нас. Я прекрасно помню этот случай, а он, кажется, нет, и уже сегодня каждое мое утро начинается с его звонков. Мое безразличие его видно стимулирует – он себя ведет как безумный. Этот случай не исключение, я ненавижу этих избалованных пустышек!” (Дито, музыкант, 25 лет).

Видно, что речь идет о доминировании формального социального статуса и только. На человека только тогда обратили внимание (и не только обратили, но и влюбились в него), когда он стал знаменитым. Понятие “своего” или “чужого” в этом обществе четко определено. В отличие от более открытой и демократичной “плешки”, правила попадания в круг “элитных геев” строги, и проникновение сюда случайных лиц практически исключено.

Сегодня в Тбилиси уже можно найти гомосексуалов, которые ведут “открытый” образ жизни. Если обратить внимание на их социальный статус, то окажется, что подавляющее большинство этих людей относятся к материально обеспеченным “элитным” геем. В обществе распространено стереотипное мнение, что гомосексуальность присуща людям искусства – художникам, музыкантам, дизайнерам. Это заблуждение происходит из “открытости” жизни людей этих престижных профессий. Тбилисские гомосексуалы с высоким социальным статусом чувствуют себя гораздо свободнее, чем геи из низкостатусных групп. Они более смело говорят о своей сексуальной ориентации. В здешнем гетеросексуальном обществе высокий социальный статус дает возможность чувствовать себя “своим” почти в любом элитном сообществе независимо от сексуальной ориентации. Здесь не приходится говорить о какой-либо дискриминации и исключении на сексуальной почве, поскольку часто сам гомосексуал является законодателем социальных правил.

“С Ладом я знакома уже много лет. Он для меня не только лучший грузинский дизайнер, но и лучший друг тоже. Очень часто бывает, когда я в трудном положении, за советом всегда обращаюсь к нему.

Он для меня – незыблемый авторитет. Да, он гей, и представьте себе, для меня этот фактор еще более значим – это отражается и на его изысканном вкусе, и на его проницательности. Уверяю вас, в нашем кругу быть гомосексуалом даже престижно! Думаю, что только гомосексуалы способны воспринять женскую красоту по-настоящему... Он всегда точно знает, что мне надо в данный момент. Поэтому я только гомосексуалам доверяю свою красоту – дизайнерам, стилистам, визажистам... Они здесь являются не только законодателями стиля и хорошего вкуса, но почти всегда, без исключения, определяют характер и состав круга наших общих друзей. Если он скажет, что кто-то из нашего круга – гоим¹⁵, я с этим человеком перестану даже здороваться. Его слово – для меня закон. А как же? У него самый изысканный вкус на свете!” (Ли́ка, певица, 35 лет).

Конечно, знакомство, встречи, тусовки представителей высших кругов общества происходят совсем по-иному, нежели на “плешках”:

“Механизм знакомств у нас работает как часы. Я ни в коем случае не говорю, что каждый член нашего круга является снобом. Просто мы не можем иметь дело с представителями других социальных слоев по другим причинам. Например, я – дипломат. Мне приходится встречаться с людьми из высших слоев общества. На протяжении длительного времени мои интересы, вкусы, мировоззрение сложились так, что с точки зрения сексуального интереса меня волнуют только те, кто вращается в “моем кругу”. Простите, но не могу же я партнером выбрать небритого, немытого, лохматого, помятого, грубого мужлана, с которым просто не о чем говорить? Да, в обычной жизни я абсолютно одинаково открыт для всех без исключения, но любовные дела – это совсем другое. Лично у меня есть определенный круг знакомых геев, которые одновременно являются и сводниками тоже. Они точно знают с кем кого знакомить. Между нами существует тесная взаимосвязь, и мы знаем тайные страсти почти всех широко известных геев. Думаю, что этот механизм организован довольно четко и эффективно. Кроме этого, временами собираются гей-тусовки... Мы все с полуслова понимаем друг друга, вместе ходим на различные банкеты, концерты, спектакли... У нас общий круг знакомств, и если

¹⁵ В данном контексте: человек без вкуса, с пошлыми манерами.

кто-нибудь из нас окажется в трудном положении, мы все обязаны помочь ему” (Дуду, дипломат, 32 года).

Как видим, замкнутость светских кругов тбилисских гомосексуалов информант объясняет очень просто: по его словам, потребность в “рафинированных” связях – единственная причина этого. И тут же уточняет, что “в обычной жизни абсолютно одинаково открыт для всех без исключения, но любовные дела – это совсем другое”.

Еще один интересный персонаж здесь “сводник”. Хотя его не так уважают, зато в нем всегда нуждаются. Его функция заключается в поисках “подходящих” друг другу геев из тбилисской элиты. Он обычно остроумен, находчив, впутан в “интриги двора”, а часто сам является их инициатором.

“Пепе для нас как ангел-хранитель! Знаешь Пепе – значит тебе не грозит одиночество! Он на самом деле волшебник! Удивляюсь, как он искусно справляется со своим делом! Он наизусть знает вкусы всех из нас, и если кто-то окажется один (а это бывает нередко), он тотчас же находит “свежую партию” – абсолютно идеально подходящего партнера. Мы очень любим нашего Пепе, он такой молодец!” (Зура, пианист, 24 года).

В последнее время стала очень популярна тенденция показываться на светских тусовках не гей-характера с бой-френдом. Известные геи часто ходят туда со своими партнерами, хотя об этом не говорят вслух и не делают акцент на том, что это так и должно быть. Эта тенденция указывает на желание элитных геев расширить ареал своих “передвижений” и таким “неагрессивным” образом смягчить реакцию общества, заставляя его привыкать к их ориентации.

1.4. Интернет

Как уже говорилось, с точки зрения экономии времени, традиционные места для гей-знакомств и общения – бани, городские парки и “плешки” – теряют свою популярность. На смену им пришли новые, современные средства знакомства и общения, среди которых самый удобный и быстрый – интернет. В городскую культуру проникли созданные специально для гомосексуалов интернет-сайты, блоги, мессенджеры, форумы, благодаря чему упрощается установление контактов.

На различных специализированных сайтах знакомств можно найти объявления геев с самыми разными данными. Достаточно иметь свой электронный почтовый ящик и можно очень быстро найти в виртуальном мире именно того человека, о котором мечтаешь всю свою жизнь. Вот только превратить виртуальный роман в реальные отношения, как правило, оказывается очень трудной и часто даже непосильной задачей.

“Как обычно, я завязываю знакомства с помощью интернета. Что делать – не могу же я прямо на улице приставать к людям, а специальные гей-бары и клубы в Тбилиси не существуют. Не знаю, может быть, такая форма обезличенного знакомства имеет свои позитивные стороны, но все-таки для меня недостаточна такая форма общения... Здесь сталкиваюсь с кучей проблем: вранье, конфликты, неприятные ситуации... Часто мой собеседник оказывается или яростным гомофобом, или женищиной. Не могу же водиться с кем попало? А другого выхода нет... Раньше тбилисские геи смело писали свои контактные данные на стенах бань, и посещение бань для них представляло собой настоящую церемонию... Как мне известно, по мере эмоциональной насыщенности отношений тогда было гораздо лучше” (Артур, сотрудник банка, 24 года).

“Да, с помощью нета можно столкнуться с неприятностями, но я и почти все геи вокруг меня очень довольны интернет-знакомствами. Мы с теперешним бой-френдом познакомились тоже с помощью нета. Не знаю, как поступают другие гомосексуалы, но я не могу связать свою жизнь с еле знакомым человеком, и только интернет дает возможность глубоко проникнуть в душу человека. К тому же я очень стеснительный и не хочу, чтобы все вокруг узнали обо мне. Ведь Тбилиси – это огромная деревня, где все друг друга знают” (Лаша, программист, 24 года).

Оказалось, что интернет – это самый подходящий инструмент для знакомства и общения тех тбилисских геев, для которых закрыты двери “элиты”. Совсем не удивительно, что среди местных геев существует острый недостаток пространства, где у них не было бы проблемы самореализации. Правда, уровень эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в интернете довольно низок. Это связано, с одной стороны, с анонимностью, а с другой – с широко распространенной в грузинском нете практикой издевательских нападок интернет-хулиганов.

Я несколько раз пыталась связаться с авторами наиболее популярных тбилисских гей-блогов, но они, к сожалению, отказались пообщаться со мной. По уверениям одного из них, его блог ежедневно посещает около 70 человек. Грузинский ЛГБТ¹⁶ фонд “Инклюзив” тоже имеет специализированные сайты (www.gay.ge и www.lesbi.ge). Вообще существует немало грузиноязычных сайтов гей-характера. Несмотря на это, многие тбилисские геи предпочитают знакомиться с помощью русского интернета, а именно через сайт www.rambler.ru, где в разделе знакомств можно найти сотни тбилисских гомосексуалов, “желающих познакомиться с парнем”.

“Сайт Рамблер мне посоветовал друг. Наши “отечественные” интернет-ресурсы пока что не работают так эффективно, чтоб у меня появилось желание включиться в их систему знакомств и общения. Как обычно, на Рамблере я только ищу потенциальных партнеров. После того, как я познакомлюсь с человеком, который заинтересовал меня, наши отношения продолжаются уже по скайпу”¹⁷. Плохим тоном считается опубликование своего настоящего фото на Рамблере; фотками обмениваемся только тогда, как начинается скайп-диалог. Правду говоря, очень редко случаются по-настоящему интересные знакомства. В основном здесь можно встретить людей, ищущих однократные сексуальные связи. Сюда часто заходят и гетеросексуалы, которые предлагают оральный секс (что поделать, если девушки им отказывают), короче, здесь царит полная неразбериха! Но я все-таки безмерно доволен. Уже приблизительно пять лет как я зарегистрирован на этом сайте, и с его помощью познакомился со многими интересными людьми. Ну, что ж, спасибо Биллу Гейтсу и Рамблеру!” (Шота, 23 года).

Показательно, что тбилисские геи даже по интернету не забывают об осторожности и свою личность скрывают точно так же, как и в реальной действительности. По словам информанта, несмотря на множество неприятных проблем, связанных с этой практикой, интернет-знакомства – одно из самых эффективных и любимых занятий тбилисских гомосексуалов.

¹⁶ Общее название геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов.

¹⁷ Популярный мессенджер.

2. Интеграция гомосексуалов в тбилисское общество

Одним из показателей интегрированности людей гомосексуальной ориентации в доминирующее общество служит разветвленность социальных связей, которые не должны ограничиваться только гей-сообществом. Трудно непосредственно наблюдать за контактами выбранных информантов. Рассказы о своих социальных сетях в процессе интервью грешат неполнотой, умалчиваниями, забывчивостью, сознательным или неосознанным введением в заблуждение. Разумеется, я пыталась обсуждать эту тему в интервью, однако важнейшим методом исследования персональных социальных сетей стали так называемые “дневники контактов”.¹⁸ Использование этого метода дало возможность “обнаружить нерелефлексивные, скрытые аспекты повседневной деятельности акторов”,¹⁸ и во многом помогло достаточно полно раскрыть суть ниже затрагиваемых проблем.

В довольно пестрой гей-аудитории Тбилиси можно проследить несколько стратегий интеграции в гетеросексуальное общество: 1) слыть бисексуалом, 2) скрывать сексуальную ориентацию, 3) бороться за признание – активная стратегия камин-аута. Что касается последней стратегии, то редкость прецедентов камин-аута в городской культуре Тбилиси указывает на то, что эта стратегия оказывается пока низкоэффективной в гомофобном тбилисском обществе. Примером тому служит нашумевшие случаи публичного камин-аута на телевидении.

В октябре 2007 года 20-летний парень стал первым в Грузии человеком, который продемонстрировал камин-аут по телевидению. Это произошло во время реалити-шоу “GeoBar”: Пако Табатадзе сообщил о своей гомосексуальности в первой серии программы, и тут же был выставлен за дверь продюсерами. Заявление Табатадзе, который с одиннадцатью другими участниками должен был бороться за приз в 40 тысяч лари, было первым открытым заявлением через грузинское телевидение о своей гомосексуальности.

Не совсем понятно, что стало причиной негодования канала “Рустави-2”. Тем более, что кроме гомосексуальной ориентации Пако, не было ни одной другой причины для снятия его с проекта. А это, согласно второй статье Трудового кодекса Грузии, является прямой

¹⁸ Гладарев Б. Дневниковый метод в изучении социальных сетей. Социология: 4М. 2001, № 14, с. 68; Рождественский С. Подходы к формализации жизненных историй качественными методами // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии людей как объект социологического исследования. Москва: Институт социологии РАН, 1996, с. 412-422.

дискриминацией. Стало известно, что руководство телеканала и Пако Табатадзе с самого начала планировали этот камин-аут в прямом эфире. Однако общая гомофобная ситуация в стране в конце концов взяла верх. Коба Даварашвили, генеральный директор телеканала “Рустави-2”, заявил: “GeoBar” – проект, который в первую очередь должен демонстрировать отношения молодежи с положительной точки зрения”.

Второй случай публичного камин-аута на телевидении произошел совсем недавно¹⁹ в телешоу “Время правды”. На сей раз уже мужчина в возрасте, лектор кутаисского университета Тамаз Канделаки публично заявляет, что он гомосексуал. Но, отвечая на другие вопросы, он вдобавок признается, что... был агентом КГБ, и в КГБ его заставляли заниматься сексом с мужчинами. Эта связь отнюдь не случайна, поскольку в сегодняшнем обществе сотрудничество с КГБ и гомосексуальность отождествляются со стыдом и позором.

Несмотря на негативный резонанс со стороны большей части общества, прецеденты камин-аута все-таки возникли, хотя можно сомневаться в том, оказался ли этот акт полезным для самих индивидов. Однако в гей-сообществе Тбилиси примеры камин-аута практически не нашли последователей. Подавляющее большинство тбилисских гомосексуалов предпочитает жить невидимо для общества. И “натуралы”, и геи говорят о том, что “нетрадиционную” ориентацию необходимо скрывать. Для одних соблюдение этого условия кажется единственно оптимальным, чтобы избежать проблем, связанных с собственной сексуальной идентичностью, для других – это способ оградить себя от “ненормальности”. Таким образом, “чулан” надежно защищен и снаружи, и изнутри.

2.1. “Мы не геи!”: бисексуальность как интегративная стратегия

Слыть бисексуальным является наиболее распространенной стратегией избегания проблем в обществе, живущем по гетеросексуальным правилам. Тбилисские гомосексуалы часто подчеркивают, что живут двойной жизнью, что у них есть жена (или возлюбленная), и что их гомосексуальные контакты носят случайный и непостоянный характер.

Разумеется, в их словах я не увидела ничего странного, однако в процессе интервью часто оказывалось, что гомосексуалы расценивают удачную реализацию половой близости с женщиной как положитель-

¹⁹ Ноябрь 2009 г.

ный фактор, повышающий уровень их самоуважения и престиж в глазах окружающих. В связи с этим они всячески стараются демонстрировать свою якобы агрессивную маскулинную идентичность. В ходе интервью информанты, хоть и с неохотой, но часто приходили к выводу, что они не бисексуалы, а именно гомосексуалы.

“Я человек женатый, и не хочу жить без ласки женщины, хотя признаю, что секс с мужчиной мне доставляет гораздо более насыщенное удовольствие, чем с женщиной: я здесь не скован, и могу реализовать мои самые безумные и сокровенные сексуальные желания... Тогда как с женой мне часто становится скучно... Я никогда не ищу приключения с женщинами, моя жена мне полностью доверяет. У меня есть постоянный партнер мужчина. По мере конфиденциальности моих сексуальных пристрастий я ограничен в возможности искать новых партнеров мужчин, и меня это часто приводит в отчаяние... Понимаю, что живу двойной жизнью, но ничего не могу с этим поделать – ведь без жены я бы потерял общественное благополучие, а без моих сексуальных пристрастий я не смогу жить... Не дай бог, чтобы мне пришлось выбирать между гетеро- и гомосексуальными связями. Тотчас же мое сердце перестанет биться...” (Гела, телеоператор, 36 лет).

Несмотря на то, что информант себя считает бисексуалом, тут же признается, что жена для него является всего лишь гарантом “общественного благополучия”. Для него “ласка женщины” воспринимается как скучная обязанность, тогда как его сердце спешит в другом направлении. Обычно бисексуал ищет партнеров обоих полов, но этот информант равнодушен к женщинам. Его беспокоит только тот факт, что он не может открыто знакомиться с мужчинами.

“Когда мне говорят, что я гей, я это воспринимаю как личное оскорбление. Быть геем у нас считается позором. Я – человек серьезный. Ну и что, что я сплю с мужчинами? Внимательно посмотрите на меня: разве я хоть чем-то похож на гея? Боже упаси! Я чистый би! Я долго мучился, не хотел признаваться самому себе, что мужчины меня возбуждают не менее, чем женщины, но с этим ничего не смог поделать. Как выяснил позже, великое множество моих знакомых тоже имеют перманентные бисексуальные связи. У меня есть счастливая семья, и я вынужден скрывать свою сек-

суальную ориентацию. Я в жизни не изменял жене с женщиной. Моя жена выглядит безмерно привлекательно и часто попадает в центр внимания незнакомых мужчин. Как вы думаете, какие чувства вызывают во мне их восхищенные взгляды, направленные на мою спутницу? Нет, я не ревную и не радуюсь... Я пребываю в сильнейшем возбуждении, мне хочется, чтобы этих мужчин волновал и привлекал я... Жаль, что не могу открыто об этом говорить..." (Коба, 31 год).

Раз "быть геем считается позором", то информант охотно называет себя бисексуалом. Несмотря на то, что он имеет внесемейные сексуальные связи преимущественно с мужчинами, он категорически отказывается иметь что-то общее с гомосексуальностью как таковой. Появляется новый тип мышления – друг другу противопоставляются "серьезный" и "позорный" образы жизни. Примечательно, что несмотря на общую проблематичность двойной жизни, информант довольно хорошо приспособился к ситуации и "не жалуется на судьбу". Тем не менее, он себя чувствует неловко и может "вспыхнуть" в любую секунду, если случайно речь пойдет о гомосексуалах. Подобное видение как бы "облегчает душу" и всю вину перекладывает на "настоящих" геев – ведь в обществе главное не то, что ты из себя представляешь, а то, как репрезентуешь самого себя. Эта мысль лейтмотивом проходит через суждения информанта и является серьезным "утешением" для него. Поэтому понятно, что "слыть" для него неизмеримо важнее, нежели "быть", и поэтому для него так важно, чтобы его называли "правильно".

"Да, признаюсь, что меня женщины вовсе не интересуют, и сексом занимаюсь исключительно с мужчинами... Ну и что? Зато у меня есть жена и дети! Я бисексуал! Гомосексуалы не могут иметь жену! Чем еще доказать всем, что я не гей? Люди, поймите же, наконец, я – обычный би!" (Вахо, офис-менеджер, 35 лет).

И здесь создается впечатление, что определение "бисексуал" для информанта является жизненно важным принципом, и он отчаянно пытается "реабилитировать" себя и этим стереть (по крайней мере заметно сократить) разницу между собой и остальным обществом. Поэтому часто гетеросексуальная активность является камуфлирующим действием. "Страх оказаться "немужественным" или "гомосексом" уходит своими корнями в подростковый возраст, когда считается, что

уподобление “бабам” и “гомикам” несовместимо с мужским характером”.²⁰

Естественно, не в моей компетенции чисто медицинское определение истинных сексуальных наклонностей информантов. Да это и не важно, если исходить из перспективы исследования. Я бы хотела только отметить существование в среде тбилисских гомосексуалов тенденции манипулирования понятиями и дефинициями в определенных целях. “Мужской параноидальный проект необходим для сохранения гендерной субординации”,²¹ ведь гендер виден, и поэтому более или менее поддается контролю, сексуальность же – скрыта.

А вот другой пример:

“Меня мужчины привлекают так же, как и женщины. Например, вы (информант обращается ко мне - Ш.Г.) мне нравитесь не меньше, чем Дэвид Бэкхем – мой кумир. Я свободно чувствую себя и среди геев тоже, но я все-таки би, и больше всего в жизни люблю наслаждаться и дарить наслаждения! С одинаковой страстью я люблю женщин и хочу, чтобы меня любили мужчины. Встречаешься ли ты с парнем или с девушкой... какая разница?! У тех и других свои плюсы и минусы... Бисексуальность – это свобода, это полная жизнь!” (Гага, 24 года).

Примечательно, что информанты, почти одинаково испытывающие влечение к представителям обоих полов, не выявляют никакой агрессии к представителям других “секс-меньшинств”. Напротив, они доброжелательно отзываются о них и совсем не считают их “мерзкими” и “позорными”. Они ведут себя так, будто между ними нет никакой разницы. Следует упомянуть и о том, что в личных беседах они более приветливы, чем геи, выдававшие себя за бисексуалов – геи-“гомофобы”, которые во время интервью себя ведут скованно и часто высказывают противоречивые суждения. Нередко подобный психологический конфликт с самим собой и окружающим миром является главной причиной появления так называемой интернализированной (усвоенной) гомофобии, то есть невротического отвращения к самому себе. Дон Кларк (цит. по: Дейвис Д., 2001) пишет: “Самооценка геев постепенно снижается из-за того, что каждый день общество демонстрирует нежелание признать их человеческую ценность и

²⁰ Бейлькин М. Тайны и странности “голубого” мира. Челябинск: ТЭО “Каменный пояс”, 1998, с. 164.

²¹ Кософски, Седжвик Ив. Эпистемология чулана. Москва, Идея-Пресс, 2002, с. 62.

достоинство, заставляя их, таким образом, обратить свой гнев против самих себя”.²²

На первый взгляд, это явление само по себе парадоксально, но если учитывать общее гомофобное настроение гетеросексуального общества, то все станет на свои места: в нетолерантном обществе живут нетолерантные гомосексуалы. Здесь можно найти ответ и на причины раздробленности самого гомосексуального сообщества с четким делением на “своих” и “чужих”: внешняя агрессия преобразовывается во внутреннюю. Доказательством этому служит крайне недоброжелательные отношения между “скрытыми” и “манерными” геями.

“Настоящие геи никогда не стараются отличиться от остального общества. Я долго жил в Европе, и это отлично знаю. Меня до крайности раздражают “манерные” – эти противные андрогинные создания с пергидрольными волосами, вихляющей походкой и истеричными интонациями в голосе. По их вине нас, настоящих геев, общество часто отождествляет с такими же жеманными мартышками, как они. Меня вовсе не удивляет такая высокая степень гомофобии вокруг: скажите мне, какой нормальный человек захочет иметь с ними дело?! В Европе их называют травести, и они подражают женщинам. У них бабьи мозги! Если хотите побольше узнать о настоящих геях, то смотрите фильм Анг Ли “Горбатая гора”.

Да, я прекрасно знаю, что по мере лояльности общество на Западе резко отличается от здешнего, но какое дело мне до этого? Я живу тихо, никого не беспокою моими личными сексуальными пристрастиями и хорошо понимаю тех людей, которым противно смотреть на этих жеманных мартышек. Я живу в абсолютном согласии с самим собой и тбилисским обществом. Я уважаю традиции своего народа и все хорошо понимаю. Диссонанс для меня создают только “манерные”!” (Дуду, дипломат, 32 года).

Неудивительно, что обусловленная внешними факторами агрессивность среди тбилисских гомосексуалов ведет к тому, что они постоянно ищут “козлов отпущения” и часто находят их то среди “манер-

²² Дейвис Д. Создание модели аффирмативной гей-психотерапии. Гомофобия и гетеросексизм. // Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами / Под ред. Д. Дэйвиса, Ч. Нила. – СПб.: Питер, 2001, с. 36.

ных” геев, то среди “небисексуалов” (то же самое можно сказать и о выше приведенных цитатах касательно завсегдатаев “плешек”, где доминирует брезгливое отношение к представителям некоторых групп геев). Постоянно подвергающиеся дискриминации те или иные группы геев ищут в своей среде тех, кого они могли бы поставить ниже себя и тем самым компенсировать несправедливость по отношению к себе со стороны общества в целом. Так они поддерживают нормы этого гомофобного нетолерантного общества. Ян Голанд вместе с соавторами (2003) цитируют Арно Карлена, утверждающего, что *“мир “голубых” – хищный и жестокий мир. Изнутри он выглядит еще более зловещим, чем это могут предположить его гетеросексуальные сторонники”*²³.

Можно сделать вывод, что число людей в Тбилиси, которые ведут бисексуальный образ жизни, значительно меньше числа тех, кто называет себя бисексуалами, поскольку существует представление, что бисексуальный образ жизни более “престижен”, чем гомосексуальный, поскольку здесь не до конца теряются маскулинные черты индивида, а этот фактор является самым значимым в патриархальном обществе.

2.2. Социальные сети тбилисских геев

Для выявления наиболее полной картины межличностных отношений отдельных представителей гетеро- и гей сообществ Тбилиси, мы использовали “дневниковый метод”, который опирается на сбор данных о персональной сети. Информант ведет дневник, отмечая в нем все свои повседневные контакты. Этот способ дает возможность во многом реконструировать повседневную жизнь информанта. Таким образом удалось получить довольно богатую информацию о социальных связях информантов, о частоте и содержании их контактов.

“Раз речь пойдет о гомосексуалах, принято считать, что эти люди ни о чем другом не думают, кроме как о сексе. Это, конечно, смешно... Люди, помешанные на сексе, найдутся и среди гетеро тоже. Более того, если посмотреть мой ежедневный график, то станет ясно, что для гомосексуальных отношений у меня фактически не остается времени. На сегодняшний день у меня

²³ Голанд Я., Голанд А. Комплексная система психотерапии при гомосексуализме и транссексуализме // Сб. мат-лов междунар. конференции “Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии”. Москва, 2002, с. 79-86.

никого нет, и весь этот год не было. Несмотря на это, я очень редко появляюсь на гей-тусовках, редко захожу на гей-сайты, словом, целиком поглощен работой. Думаю, что моя сексуальная ориентация – не главный приоритет в жизни” (Гоча, актер, 27 лет).

Высказывание информанта звучит вполне правдоподобно. Объективно его рабочий день так перегружен, что временами ему приходится отказываться сразу от нескольких важных дел. С утра начинаются утомительные репетиции, потом настанет время уроков, потом съемки разных клипов и сериалов, а вечером спектакль. Но когда Гоча стал вести дневник и вносить информацию обо всех своих повседневных контактах, оказалось, что, несмотря на свою занятость, он почти каждый день находил время для коммуникации с другими гомосексуалами, будь это тбилисские или иностранные знакомые²⁴. Этим выводом был удивлен сам информант, тем более, как оказалось, что инициатором большинства звонков (в том числе по скайпу) был сам Гоча. Это противоречие с прежним высказыванием он пытается оправдать тем, что “это просто вербальные отношения, только и всего”. На более близкие и серьезные отношения Гоча в данный момент не нацелен, и причиной этому служит тот факт, что в данный момент он “не влюблен”. В конечном счете, анализ дневника, с одной стороны, подтверждает то, что его слова “моя сексуальная ориентация – не главный приоритет в жизни” выглядят довольно правдоподобно, поскольку в течение всего рабочего дня он возвращается в “гетеро-окружении”. С другой стороны, он всегда находит время для общения с гомосексуальной средой.

Подобная ситуация наблюдается и у другого информанта, который принадлежит к числу “открытых” геев:

“Несмотря на то, что я никогда не скрывал свою сексуальную ориентацию, что-то не припоминаю, чтоб у меня были проблемы в связи с этим... Конечно, есть огромная и необузданная агрессия, но я прекрасно знаю, как бороться с ней с помощью моего железного характера. У меня есть дар вести отношения как мне нужно и как я хочу... В моей жизни всему есть свое место, и никому не позволю перейти грани дозволенного. У меня есть очень много друзей. Я не выбираю друзей по сексуальной принадлежности. Не знаю почему, но все мои друзья, без исключения, оставляют мне своих детишек и

²⁴ Информанты вели дневник в течение двух недель.

я за ними присматриваю. Дети очень любят со мной играть. Словом, никакого дискомфорта или чувства отчужденности в процессе своей социализации я не чувствую. Что касается личной жизни, для меня важен не секс, а отношения. Никогда не считал человека “своим” только потому, что он гей” (Зура, пианист, 24 года).

Наверное, “железный характер помогает справиться с гомофобией, агрессией, угнетением. Информант полагает, что можно легко справиться с любой проблемой, если есть соответствующие субъективные ресурсы. Однако есть все основания полагать, что Зуре удастся успешно справляться с ситуацией, в первую очередь, благодаря принадлежности к элитному кругу, а не за счет его личных достоинств.

В дневнике Зуры обнаруживается, что он почти в равной мере контактирует с представителями как гей-, так и гетеро-сообществ, и этот факт он объясняет довольно просто:

“В моем окружении невозможно найти “тугодумов” – людей, которым трудно мыслить. Мои друзья и приятели – все “продвинутые”, поэтому мне совсем нетрудно ладить с ними. Когда мы общаемся, точно никогда не говорим о том, кто с кем спал вчера”.

Но, не всегда случается так, чтобы вокруг все были “продвинутые”. Посмотрим, как воспринимают люди открытых, так называемых “манерных” геев, которые принадлежат к более низким социальным слоям. Здесь правила доброжелательства обычно не функционируют.

“Уже несколько месяцев, как меня выгнали с работы... Причина? Да, скажу – в один прекрасный день на работе все узнали, что меня не привлекают женщины. Тогда все начали силой тащить меня к одной проститутке. Когда я стал сопротивляться этому, они начали меня бить и ругаться. У меня все зубы выпали. Почку болят до сих пор. Мои бывшие друзья опять грозят мне физическим насилием, звонят и издеваются надо мной. Но я уже привык, что со мной обращаются как с собакой. Жаль только, что не принимают на работу, у меня дома мать-пенсионерка и маленькая сестренка...”
(Тома, электрик, 21 год).

Как можно привыкнуть к тому, что с тобой “обращаются как с собакой”?! Однако такую реакцию со стороны общества информант счи-

тает вполне естественной. Пройдет какое-то время и не будет ничего удивительного, если в безуспешных попытках найти работу Тома окажется на панели. Примечательна еще одна деталь: по вышеназванным причинам “открытые геи” в низких слоях общества существуют почти исключительно в роли проституток. Не удивительно, что в дневнике Тома оказались контакты преимущественно гомосексуального характера. Оказалось, что за исключением членов семьи, у него нет общения с гетеро-миром.

Да, редкие геи могут похвастаться тем, что в гетеросексуальном обществе могут жить без всяких проблем. Недоброжелательная среда часто травмирует психику человека, вынуждая его жить в страхе, отчаянии.

“Долгое время не хотел признавать тот самый факт, что я гей. Все время мучился с этой проблемой. Но настал день, и я посмотрел правде в глаза. Потихоньку стал завязывать знакомства... Но скоро почувствовал всю тяжесть моего бремени. Однажды на работе все заметили, как “флиртовал” со мной один иностранец. Никому не желаю испытать подобное состояние, в котором оказался я. Злые насмешки, обидные шутки, провокации валом полетели на меня... Я был в отчаянии, хотел покончить собой... Ту работу оставил, но знаю, что гадости за моей спиной до сих пор шушукуют... Сейчас себя веду более осторожно, – не хочу лишних проблем! Но мне крайне досадно жить в перманентном стрессе, в страхе, что если мои друзья узнают обо мне правду, то все полетит к чертовой матери...” (Бесо, 33 года).

Боязнь потери друзей, близких, семьи является главной причиной стресса большинства тбилисских геев. В обществе с патриархальным социокультурным укладом действительно труднейшей задачей является отстаивание нетрадиционных правил поведения. Перед информантом стоит неразрешимая для него задача совместить свои собственные желания, с одной стороны, и противоречащие этим желаниям нормы господствующего общества, с другой. По этой причине нередко возникают мысли о самоубийстве. И поэтому большинство геев видит один выход из этой ситуации – сокрытие “неправильной” сексуальной ориентации.

В процессе социализации индивида наибольшее влияние обычно оказывают такие социальные институты как семья, образовательное

учреждение, рабочий коллектив, конфессиональная организация, средства массовой информации, дружеское и соседское окружение. В нашем случае гомосексуалов церковь проклинает, семья осуждает, а друзья, соседи, коллеги по работе, массмедиа – высмеивают. В подобной ситуации трудно самореализоваться, поэтому многие геи выбирают вынужденные неэффективные жизненные стратегии. Есть случаи, когда гомосексуалы не смогли побороть в себе постоянно нарастающие страхи и сомнения, и уходили в монастырь. Особенно нелегко приходится тем, кого еще в подростковом возрасте “поймают” на гомосексуальных интересах:

“Однажды, случайно, отец стал свидетелем того, как я разговаривал по скайпу с моим другом. Точно не знаю, что именно он услышал, но таким свирепым и беспощадным я его никогда не видел... Он полностью разбил мой ноутбук, потом набросился на меня... До сих пор болят ребра... Сожалею, что я еще несовершеннолетний и мне бежать некуда... Самое худшее в этой ситуации то, что отец меня держит в заточении. У меня нет даже мобильного, чтобы позвонить другу... Даже в школу редко хожу... Если ситуация не изменится, я, наверное, с ума сойду... Я бы давно сбежал из дома, но уже который раз мешает мой возраст...” (Ладо, 16 лет).

В тот момент, когда Ладо давал мне интервью, он еще жил с отцом. Однако спустя два месяца он сам вышел на связь и сообщил, что отец заставил его уйти в монастырь. К своему великому удивлению, он там обрел душевный покой, которого ему так не доставало:

“Нет, я не забыл, что я гомосексуал. В противном случае не связался бы с вами. Но сейчас я чувствую себя более спокойно, чем когда-либо. Часто думаю, стоило ли мне так поступать? Я же обидел всех вокруг себя. Монастырь во мне многое изменил. Точно знаю, что когда выйду отсюда, стану совсем другим человеком! Точно порву с моим прошлым и начну новую жизнь, где нет места гадостям! Вы последняя среди моих старых знакомых, с кем я захотел общаться²⁵”.

Со слов информанта, в монастыре он достаточно поразмышлял над своей жизнью и пришел к выводу, что нужно “порвать с прошлым”.

²⁵ Информант обращается ко мне.

Возможно, в монастыре он понял, что его “гадости” общество никогда не примет, и для “нормальной жизни” необходимо “вести себя нормально”.

Интересен дневник следующего информанта, у которого в течение двух недель не оказалось ни одного гей-контакта. Сам он это объясняет довольно просто: работает над срочным заказом и времени на личную жизнь совсем не остается.

“В нашем обществе принято считать, что “гомосексуалы проникли во все сферы общественной жизни”. Нельзя ли сформулировать данный вопрос по-другому? Может быть, “гомосексуалы активно участвуют во всех сферах общественной жизни?” К чему такие фобии? Мы же никому не мешаем? Нам необходимо общество и обществу необходима наша деятельность. Разве сегодняшний мир не был бы другим, если бы не Сократ, Леонардо, Шуберт, Пазолини, Мишель Фуко, Томас Манн? Я делаю свое дело, среди моих клиентов есть мужчины и женщины, молодые и пожилые, бизнесмены и домохозяйки, президенты банков и политические деятели... Я не собираюсь быть нелюбезным с клиентом только потому, что он, допустим, один из главных фигур так ненавистного для меня Национального движения” (Лаша, художник-дизайнер, 26 лет).

Как видим, классификация людей по тому или иному признаку вызывает в информанте раздражение. Он считает себя полноценным членом общества и, несмотря на то, что является “открытым геем”, не считает полезным постоянное акцентирование его сексуальной ориентации. Опираясь на собственный опыт, он твердо убежден, что общество – это со-жительство свободных индивидов, это огромный организм, в состав которого входят люди самых разных убеждений, взглядов и интересов. Тот факт, что в ежедневном графике информанта не остается времени на личные отношения, говорит о его жизненных приоритетах. И без личной жизни он может чувствовать себя комфортно, если есть интересная работа.

Материалы, полученные “дневниковым методом”, показали, что, несмотря на разные ситуации, “даже тем, чей круг общения почти исключительно гомосексуален, мысль о какой-то институционализации этого положения вещей представляется вполне нелепой. Принципиально нынешний расклад всех устраивает: минимум геевской инфраструктуры (бары, дискотеки, журналы и т. п.), а все остальное

общение – чисто приватным образом”.²⁶ Это можно считать логичным, если учитывать крайнюю замкнутость гей-пространства Тбилиси. Наличие в персональных сетях информантов множества контактов негомосексуального характера говорит о том, что в определенном смысле можно говорить об их интегрированности в общество. Но это происходит лишь при одном из двух условий: когда они не “высовываются”, либо когда они имеют высокий социальный статус.

Заключение

В этом исследовании я постаралась проанализировать самые значимые аспекты жизни тбилисских геев. Моя исследовательская цель не состояла в анализе гомофобии в городской культуре Тбилиси, хотя гомофобия лейтмотивом проходит через весь текст. Я постаралась показать, каким образом меньшинство приспосабливается к правилам большинства, вырабатывая для этого собственную систему правил. В результате гей чувствует себя комфортно, вполне интегрирован, поскольку учится ловко маскироваться, манипулировать, обманывать. Приведенный в тексте материал показывает, как камуфлируются гей-практики в обществе, чтобы, с одной стороны, не вызывать недоброжелательной реакции доминирующего общества, а с другой – хотя бы частично реализовывать свои сексуальные пристрастия.

Безусловно, приводимые здесь материалы не могут отражать полной картины правил жизни тбилисских гомосексуалов. Но уже можно сделать вывод, что в процессе самоидентификации для гея самым важным вопросом является проблема самопрезентации и самоутверждения в конкретной социальной среде. Как уже говорилось, гей-общество города имеет довольно многообразный облик. Исследование показало, что в среде тбилисских гомосексуалов нет солидарности. Можно сказать, что у них нет единой идентичности. Это во многом определяется окружающим обществом, которое само по себе представляет континуум, на полюсах которого находятся, с одной стороны, крайне патриархальные, а с другой, современные европеизированные группы населения. Таким образом, в зависимости от окружения гомосексуалам в одних случаях приходится подстраиваться под правила традиционного общества, тогда как в других – быть гомосексуалом считается даже “хорошим тоном”. Так как сегодня в

²⁶ Кон И. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. Москва: Олимп, 1998, с. 23.

грузинском обществе преобладают патриархальные взгляды, то подавляющее большинство геев вынуждены в течение всей жизни умалчивать о своей ориентации или мужественно бороться с господствующей гомофобией. Неудивительно, что эта альтернатива часто вызывает проблемы психологического характера, что выражается в агрессивном, порой необъяснимом поведении. Общество диктует правила, при которых целые группы людей стигматизированы, что ведет к “порче идентичности” (по определению И.Гофмана)²⁷ и социальному исключению.

²⁷ E.Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

ЖИЗНЬ В ПОСЕЛЕНИИ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце 1980-х годов, по мере ослабления контроля над политическими событиями в Советском Союзе, происходило усиление националистических настроений в Грузии и, как реакция на это, усиление сепаратистских тенденций в Абхазии и Южной Осетии. В ноябре 1989 года началась первая “грузино-осетинская” война, которая длилась около года, а в январе 1991 года – вторая, которая продолжалась около двух лет. В результате второй войны 15 тысяч этнических грузин, проживавших в Цхинвали и близлежащих селах, вынуждены были покинуть родные дома и переместиться во внутренние районы Грузии, в основном в Тбилиси. Они получили статус внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Все последующие годы ситуация в зоне конфликта оставалась напряженной. Несмотря на это, грузинское население Южной Осетии, оставшееся в моноэтнических и смешанных грузино-осетинских селах, не покидало мест своего проживания.

Летом 2008 года ситуация в зоне конфликта крайне обострилась, по ночам обстреливались мирные села, происходили убийства, грабежи, похищения людей. Власти больше занимались информационной войной, взаимными обвинениями, нежели поисками выхода из тупиковой ситуации. 8 августа 2008 года вновь начались военные действия. Вооруженные силы Грузии заняли город Цхинвали. 9 августа российские войска вытеснили грузинских военных из города, а потом и со всей территории Южной Осетии и прилежащих к ней районов. В результате этих событий погибли сотни людей, была разрушена инфраструктура региона. В Грузии появились “новые беженцы” – ВПЛ из Южной Осетии.

Термин “перемещенное лицо” – это калька с англоязычного термина “displaced person”. Внутренне перемещенные лица – лица, вынужденные массово бежать из своих домов в результате вооруженного конфликта, внутренней розни, систематических нарушений прав человека или стихийных бедствий, но оставшиеся на территории собственной страны.¹ С какими вызовами встретились лю-

¹ Гудвин-Гилл Г. Статус беженца в международном праве. Москва: ЮНИТИ, 1997, с. 314-315.

ди, насильственно перемещенные из Южной Осетии? Как они преодолевались на различных этапах? Какую роль сыграли в этом государство, международные и общественные организации? Какие усилия прикладывают сами люди для того, чтобы приспособиться к новой реальности и по-новому организовать свою разрушенную жизнь, упорядочить ее? И как это у них получается? Какие стратегии выживания выстраивают различные группы ВПЛ из Южной Осетии? Эти вопросы были ключевыми в процессе исследования.

1. Методология исследования

Первоначально мы ориентировались на традиционное использование качественных методов: интервью и фокус-групп. Мы провели два интервью с экспертами и организовали три групповые дискуссии. Всего в фокус-группах приняли участие 25 человек в возрасте от 25 до 60 лет со средним и высшим образованием.

Однако основным методом исследования стало участвующее наблюдение. Для этого мне пришлось летом, в течение трех недель, жить в одном из поселений, специально построенном для ВПЛ (зимой мне еще раз на несколько дней довелось приехать туда для пополнения и проверки собранных материалов). Безусловно, ни один другой метод не дал бы мне столь полного и исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, тем более что в Грузии до сих пор, по нашим данным, не проводились исследования проблем сообщества беженцев с использованием метода участвующего наблюдения. Информация, которую мы получили из групповых дискуссий и интервью, оставила сомнения и ощущение незавершенности.

Поселение и место проживания были найдены легко, достаточно было через знакомых выйти на человека, имеющего к нему доступ. И все же решение поехать в поселение для того, чтобы провести там определенное время, оказалось трудным. Меня пугали не плохие бытовые условия, а те переживания, которые, как я предвидела, ожидали меня там. Интуитивно я чувствовала, что меня ждут впереди не обычные отношения исследователя и поля, и что мои будущие эмоции будут связаны с моим личным опытом. Хотя выбор темы был продиктован именно этим опытом.²

² Во время грузино-абхазской войны моя семья вынуждена была уехать из Абхазии, где я родилась и провела раннее детство. Последствия этого, которые до сих пор еще дают о себе знать, сильно повлияли на мою социализацию.

Трудно не согласиться с мнением, что в исследованиях, проведенных качественными методами, “обязательно “присутствие” автора, его переживаний, ощущений или эмоций, так как рефлексия собственного опыта <...> и <...> переживаний в поле – обязательная часть <...> работы исследователя <...>. Рефлексия о проблемах и личных переживаниях исследователя в процессе полевой работы скажет о феномене не меньше, <...> чем его осмысление лишь посредством сугубо” “научного” языка.”³

Во многих исследованиях и учебниках по методологии говорится о дискомфорте, даже фобии исследователя до и во время пребывания в поле. Я этих чувств не испытывала, напротив, я ощущала спокойствие. Впервые оказавшись в поселении, я поняла, что именно такого рода полевая работа даст достаточно необходимой информации. Если выразиться метафорически, то я почувствовала себя в эпицентре землетрясения. Однако в процессе пребывания в поле мое восприятие поселения менялось. На первых порах я романтизировала новую для меня реальность, но постепенно это чувство меня покинуло. Я стала воспринимать изучаемое пространство как “пустое и безжизненное”, так как поняла, что у живущих там в удручающей нищете и скуке с тоской по прошлому людей нет обнадеживающей перспективы.

Жизнь в поселении и постепенное налаживание отношений с его жителями позволили прочувствовать и понять людей “изнутри”, посмотреть на окружающее их глазами. Хотя многие авторы считают необходимым дистанцироваться от объекта исследования, мы не ставили перед собой такой задачи. Напротив, я стремилась максимально участвовать в их повседневной жизни, была ли это работа в огороде, дома, даже записалась на курсы керамики, которые посещала местная молодежь.

Перечисляя необходимые для полевой работы качества, опытные исследователи делают акцент на профессионализме, эрудиции, информированности, коммуникабельности. Я довольно коммуникабельна, и потому с самого начала налаживание отношений с людьми мне не представлялось проблемой. Быстро распространилась весть о том, что я беженка из Абхазии. Тот факт, что они воспринимали меня больше как беженку, нежели исследователя, давал надежду, что люди подпустят меня ближе, больше раскроются. Дистанция, которая могла

³ Бредникова Ольга. “Чистота опасности”: field-фобии в практике качественного социологического исследования // Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле / Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. Санкт-Петербург: Алетейа, 2009, с. 32.

возникнуть из-за моей миссии как исследователя, “перекрывалась” нашим общим статусом, и большинство знакомств начинались с обсуждения этой темы. Однако это не гарантировало меня от тех многочисленных ситуаций, когда люди не договаривали что-то только потому, что в числе слушателей была я. Особенно это чувствовалось в разговорах о политике. К концу пребывания в поле я переняла эту сдержанность – “дискурс невольно овладевал мной”.

Этому наблюдению можно противопоставить мой другой опыт, когда почти незнакомые люди делились со мной важной и закрытой информацией. Причиной такого поведения могло быть желание поговорить на самые разные темы в условиях, когда эти люди не находили других возможностей быть услышанными кем бы то ни было.

Жители поселения – теплые, внимательные люди. Рассказывая что-то, добавляли – *“вот, как своей дочке тебе говорю”*. Приглашали в гости, старались угостить всем, что есть. Примеров человеческого участия и доброжелательности было очень много. Однажды молодой отец пригласил меня на крестины своего сына в село, находящееся в зоне конфликта. В другой раз, когда я выезжала из поселения, соседка бегом догнала маршрутку и дала мне в руки черный пакет, в который были упакованы перепелки (однажды я обмолвилась, что люблю их). Добрые отношения с людьми, искреннее стремление помочь им и понять их позволили мне собрать бесценный материал о повседневной жизни этих людей.

К моменту проведения мною исследования в Грузии было около 35 поселений, специально выстроенных для ВПЛ, с общим числом котеджей в них – 8 тысяч. В одном из таких поселений нами и было проведено участвующее наблюдение.

2. Путь беженца - новые вызовы

Сразу после августовских событий 2008 года в различные регионы Грузии из Южной Осетии и прилежащих районов бежало, по разным данным, от 80 до 100 тысяч человек. Самой острой была проблема убежищ, поскольку многие государственные здания, куда могли бы быть распределены люди, до сих пор были заняты ВПЛ из Абхазии. Первое время часть беженцев жили у родственников и друзей, а те, кто не имели такой возможности, в течение нескольких дней оставались без крова. Все это сильно затрудняло раздачу продовольствия и гума-

нитарной помощи, так что было принято решение создать места временного проживания и, в первую очередь, школы. Параллельно проходил процесс возвращения части ВПЛ в город Гори и села, оставшиеся под контролем грузинских властей.

Проблема убежищ осложнялась еще и тем, что к сентябрю, когда начинался учебный год, все ВПЛ, разместившиеся в школьных зданиях, должны были быть перераспределены в другие центры. Многие беженцы были вынуждены по несколько раз переезжать, в большинстве случаев это происходило против их желания. Ко всему прочему, большинству ВПЛ заранее не сообщали о планах, касающихся их переселения. Проблема нехватки помещений привела к тому, что часто в одной комнате размещалось несколько семей, и это воспринималось людьми очень болезненно. Скученность, трудности с соблюдением личной гигиены, проблемы с водоснабжением и канализацией, часто недоброкачественные продукты питания, предоставляемые им в качестве гуманитарной помощи, обострение хронических болезней, учащение инфекционных заболеваний, недостаток медикаментов – вот те проблемы, с которыми столкнулись люди на первых порах. *“Проблемой было абсолютно все. Что не было проблемой, с чем не столкнулись?! В первые дни не знали куда идти, где переночевать, что есть. Кто в домашней одежде и тапочках был, а у кого и эти тапочки сорвались, когда бежал. Что должны были делать?”*

По словам информантов, острота вставших перед ними проблем зависела от места размещения. *“Некоторые довольны – на них сразу обратили внимание. Но куда я попала вначале, это школа была, 3-4 дня дети у нас лежали прямо на партах, ничего не принесли. И от местных помощи никакой не было. Директор школы встретил агрессивно, вопросом “вы скоро отсюда уйдете?”*. Однако во многих случаях трудности первого этапа решались именно благодаря поддержке местного населения и общественных организаций.

В сентябре 2008 года правительство Грузии дополнило Стратегию по размещению ВПЛ из Цхинвальского региона. Она предполагала три различных направления решения проблемы: помощь в восстановлении жилья для тех семей, которые возвратились в места своего постоянного проживания; обеспечение временным убежищем тех, кто должен будет пережить зиму в статусе ВПЛ; обеспечение постоянным проживанием ВПЛ, которые вынуждены будут длительное время оставаться в этом статусе. В последнюю категорию вошли в основном жители деревень, расположенных непосредственно на территории Южной

Осетии. Их число достигает 30 тысяч человек. Стратегия размещения ВПЛ не оговаривает такие аспекты, как обеспечение их средствами существования, образованием и социальным обеспечением. Упомянутый документ рассматривает исключительно вопрос размещения ВПЛ.

Для обеспечения ВПЛ постоянным жильем начали строить специальные поселения. Согласно исследованиям международных организаций, строительство таких поселений позволило правительству сэкономить средства на подготовку к зиме временных коллективных центров, которые могли быть использованы только один сезон. Однако качественно выполнить огромный для небольшой страны объем работ в кратчайшие сроки было нереально. В процессе строительства ощущалась нехватка строительных материалов. Кирпичи и деревянные доски производились и немедленно использовались, не было достаточно времени для их просушки. Поспешность, с которой строились коттеджи, стала причиной многих проблем для размещенных там людей: протекающие потолки, влажные стены и деформированные полы.

Из-за того, что Стратегия учитывала исключительно вопросы размещения, люди, переведенные в поселения, столкнулись с огромными трудностями, связанными с отсутствием необходимой инфраструктуры и средств к существованию. Примечательно, что сами ВПЛ не участвовали в строительстве домов, в которых им пришлось жить. Конечно, если бы ВПЛ сами строили дома, они делали бы это добротнo, однако при этом стали бы свидетелями того, из каких некачественных материалов, с какими нарушениями строительных норм шло строительство коттеджей.

Часть ВПЛ отказались от коттеджей и в качестве компенсации получили 10 тысяч долларов на приобретение жилья. В некоторых случаях на людей было оказано давление, чтобы вынудить их согласиться на коттеджи (например, путем отключения света на Новый год!). В связи с проблемой “отказников” возникает несколько вопросов. Если на строительство коттеджа, рассчитанного на одну семью, было израсходовано 28 тысяч долларов, то почему семьям-“отказникам” предложили в виде компенсации лишь треть этой суммы? Эксперты не смогли прокомментировать эту ситуацию. Другой вопрос был адресован самим “отказникам” – почему они не согласились на переезд в поселение, в привычную для них среду с частным домом и земельным участком? Люди аргументировали свое решение тем, что не видят

возможности воссоздать прежнюю жизнь в предлагаемых им там условиях. Они хорошо знают, какие средства нужны для того, чтобы создать нормальное хозяйство на селе. *“Все-таки хотим купить квартиру в городе. В деревне у меня было три коровы, куры, свиньи, кролики, все что надо для села. Со стороны кажется, что в селе легко, но селу много нужно”*. Они считают, что в большом городе, где “крутятся большие деньги”, им легче будет найти источник для выживания, имея в виду, в первую очередь, занятие мелкой торговлей.

3. Поселение для ВПЛ – конструирование реальности

3.1. Пространство

Поселок находится на расстоянии около двух километров от трассы. Насколько хватает взгляда видны только открытые поля. Прямо у въезда в поселение стоят люди в военной форме. Это контролеры, которые обязательно проверяют у каждого въезжающего и выезжающего удостоверение личности и интересуются целями визита. На мои попытки выяснить у них причины проверки, я всегда получала один и тот же ответ – “чтобы не пропустить в поселение русских и осетин”. Это объяснение достаточно сомнительно, поскольку в самом поселении живут осетины, представители смешанных семей. На уточняющие вопросы охрана не смогла или не захотела отвечать, повторяя, что “сверху так приказано”.

Когда я в первый раз прошла по поселку и увидела ровные ряды коттеджей, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, зелень вокруг них и людей, работающих на своих огородах, то подумала, что все не так плохо, как мне представлялось до приезда, когда я знакомилась с отчетами международных организаций. Эта упорядоченность строений и “обычность” первых впечатлений определили мое позитивное поначалу восприятие. При этом меня не покидало чувство, что таким образом организованное пространство никак не может быть деревней.

В поселении больше ста типовых коттеджей. Площадь каждого – 60 квадратных метров. В коттеджах нет прихожей, за входной дверью сразу попадаешь в квадратную комнату, одну из имеющихся трех. В доме тети Лили (так зовут мою хозяйку) в этой комнате стоят самодельные тахты, школьные стулья, где-то ею раздобытые, на подставке стоит

хороший телевизор. Телевизоры, маленькие холодильники, кровати и домашнюю утварь людям раздали. Эта комната служит гостиной и столовой, поскольку кухни очень маленькие. Хотя некоторые семьи все же ухитряются использовать эту кухню как столовую. В кухне – столик, на стене над краном висит маленький шкаф для посуды. На полу – электрическая плитка с открытой спиралью, на ней готовится еда. Есть кран с раковиной, но за все время, что люди живут в этом поселении, из кухонного крана никогда не шла вода. Вода и газ в коттеджи не проведены, несмотря на постоянные обещания властей. Стены в кухне из-за сырости покорежены.

Две оставшиеся комнаты используются как спальни. В одной из них, где жила я, стоит двуспальная кровать, на школьном стуле стоит узкое потертое зеркало, у стен лежат коробки, оставшиеся от гуманитарной помощи. Из окна комнаты видно кукурузное поле и крыши коттеджей. В третьей комнате стоит двуспальная кровать и шкаф. Эту комнату моя хозяйка использует еще и как подсобное помещение для хранения овощей и банок с заготовками на зиму. Полы покрыты деревянными досками, которые неплотно прилегают друг к другу. В щелях между ними собирается грязь и подметать полы очень трудно.

В коттеджах нет ни ванной, ни душевой. Вода для гигиенических процедур разогревается на электрической плитке. Мытье происходит в комнате с помощью тазиков и лоханок. Надо мыться осторожно, чтобы не расплескать слишком много воды на деревянный пол. “Мокрая точка” представлена краном на улице, на несколько коттеджей один кран. Туалеты деревянные, недалеко от коттеджа, на каждый коттедж по туалету. Конечно, для многих сельских жителей это привычно, но главное неудобство в том, что ни в туалетах, ни рядом с ними нет освещения.

На каждый коттедж выделено по семь соток земли, расположенной вокруг них. Сельские жители сразу же стали обрабатывать выделенные им земли и выращивать кукурузу, зелень, картофель, морковь, свеклу, помидоры, фасоль, болгарский перец. Земля используется максимально, даже около туалетов (признаться, мне было неприятно употреблять в пищу овощи и зелень, собранные в метре от туалета).

Рядом со многими коттеджами (и у моей хозяйки) сделаны цветники. Земля здесь, по сравнению с их “родной землей”, неплодородная, но, что больше волновало жителей поселения, нет возможности для полива, и все зависит от дождей. Целый день люди посматривают на небо, “мужественно” ждут дождей. Ко всему вода здесь не такая хорошая,

как в их родной местности, в ней много примесей и солей. Однако людей больше всего беспокоило то, что это плохо для урожая, нежели то, что это вредно для здоровья.

В поселении нет больших деревьев, дающих тень, и все время печет солнце. Летом быть на улице очень трудно. Работа на огородах, приготовление еды и заготовок на зиму, общение с соседями и телевизор по вечерам – это и заполняет повседневную жизнь людей в поселении. Новое пространство отразилось на внешности людей. Из-за палящего солнца, которое нещадно жжет кожу, все время приходится прищуривать глаза: *“Я думаю, что мы скоро изменимся, будем совсем другими, другого цвета, с узкими глазами и морщинистые”*.

Позже поселение стало вызывать у меня ассоциацию с каким-то американским фильмом – где-то в Техасе также стоят одинаковые дома, вокруг которых кукурузные поля. Ночью очень тихо, небо покрыто звездами, и из-за кукурузы видны только крыши домов и горящие плафоны уличного освещения – это мне напомнило тюремный двор. Днем на ветру початки кукурузы трутся друг о друга, производя особый звук-шорох, который со временем все больше начинал раздражать меня, особенно на фоне мертвой тишины.

Поселение с его изолированностью, жесткостью границ и особым обликом настолько не похоже на окружающие села, что это уже само по себе создает барьеры, отделяет “своих” от “чужих”.

Периодически в поселении обсуждается тема границ, которые создаются самими жителями. Например, люди хотят огородить свои участки сетками: *“Да, я знаю, где заканчивается мой участок и где начинается чужой, но я все равно хочу, чтобы мой был огорожен”*. В родном селе маленькие участки около домов были огорожены. А огромные участки (сады), располагались в отдалении от домов и огорожены не были не только из-за экономии средств, но и потому, что в этом не было необходимости. Желание информантки, чтобы ее участок был огорожен, можно рассматривать, с одной стороны, как восстановление прежних правил, а с другой – как предупреждение возможных конфликтов, поскольку соседние участки тесно прилегают друг к другу.

3.2. Снабжение продуктами и организация питания

Моя хозяйка живет одна. Ее дочь с мужем и двумя дочерьми 18-19 лет, тоже беженцы, живут в другом поселении. Сын сразу же после

войны уехал в Россию. Родители и брат со своей семьей живут в селе, расположенном в зоне конфликта. Лили – трудяга, каждое утро после завтрака она работает на огороде. Независимо от того, спрашиваю я или не спрашиваю, Лили с энтузиазмом рассказывает, как что росло, как надо ухаживать за растениями и т.д. Урожай овощей небогатый, много червивых и изъеденных мышами картофелин, но это потому, что земли неосвоенные, а на следующий год урожай будет лучше – *“земля привыкнет”*. Во время работы на огороде тетя Лили все время вспоминает свои сады – *“какие сады, какие сады мы оставили...”*.

Повседневное питание состоит из продуктов гуманитарной помощи (в основном, макароны, фасоль, рис) и овощей с огорода (картошка, морковь, свекла, кабачки, зелень). Овощи разнообразят скудный рацион и используются для заготовок на зиму. Заготовкам придают особое значение, поскольку люди находятся в неизвестности, будет ли гуманитарная помощь выдаваться в прежнем объеме. Опасения подтверждаются теми обстоятельствами, что в последние месяцы гуманитарная помощь поступает реже и в меньшем количестве. Заготовки впрок – крестьянская практика, ставшая позже неотъемлемой частью советского образа жизни, считавшаяся нормальной практикой распределения ресурсов. Консервировали все, что только можно, даже мясо. Конечно, заготовки, которые люди делают в поселении, не столь значительны и разнообразны, как прежде. Население само печет хлеб в тонэ, на 10 коттеджей приходится по одному тонэ.

Иногда в поселение привозят овощи и фрукты на продажу. Жители часто жалуются на нехватку фруктов, *“могли бы мы себе представить, что по яблокам будем скучать?!”*. Когда нет денег на фрукты, их обменивают на макароны из гуманитарной помощи, но тогда приходится отдать макарон на один лари больше, чем стоит эквивалентное количество фруктов. Бартер и в прошлой жизни беженцев был нормальной хозяйственной практикой. Но тогда обменивались совсем другие продукты, например, грецкие орехи обменивались на натуральный мед.

Приготовление мяса или курицы – событие, которое сопровождается приглашением соседей, застольем с вином. Это не столько от желания поделиться хорошей едой, но больше от потребности в общении, напоминающем о *“прошлой жизни”*. Охота на перепелок, которой занимаются здесь многие, не только пополняет мясные запасы, но и является важным развлечением.

Вначале хозяйка спрашивала меня, что принести с базара (базар находится в районном центре). Я убедила ее, что мне нужно проникнуться местной жизнью и потому собираюсь питаться тем же, чем обычно питается население поселка. К тому же мне не хотелось, чтобы она тратила на еду те деньги, которые я платила ей за постой. На эти деньги она планировала купить цыплят и печку для зимы, так как те печи, которые им раздали, зимой почти не давали тепла (возникает вопрос, как и кем было принято решение о приобретении этих бесполезных в данных условиях печей?!). Когда я побывала в поселении зимой, у хозяйки стояла новая деревянная печка, похожая на ту, которая когда-то была у нее дома.

3.3. Коммуникация и социальные сети

Само поселение, в сравнении с другими созданными для беженцев поселками, считается небольшим (чуть больше 100 коттеджей). 80% жителей поселения до вынужденного перемещения жили раньше в одном селе. Несмотря на это, между собой в основном общаются жители одного ряда домов, а особенно соседних коттеджей. В некоторых случаях бывшие соседи стали соседями и в новом поселении. Женщины общаются и обсуждают общие дела в тонэ, при выпечке хлеба, у кранов, когда там собирается очередь за водой. Постоянное место активной коммуникации – маршрутка, курсирующая дважды в день в районный город и обратно. Наиболее часто обсуждаемые темы – это жизнь до переселения, гуманитарная помощь, староста, политика, Министерство по переселениям. Мужчины чаще общаются на улице и в домашней обстановке, где разговоры более открытые и критичные.

Место для общения подростков и молодежи – это так называемый “13-й район”, который расположен где-то в центре поселения. “Биржи” 13-го района – места встреч подростков и молодежи, где происходят разборки, решаются споры и т.д. Примечательно, что сюда приходят и подростки из соседних деревень. Местные и перемещенные дети ходят в одну школу, расположенную в 20 минутах езды от поселения. В первое время отношения между ними были напряженными, но со временем наладились.

В “прошлой жизни” общение соседей и родственников происходило большей частью за частыми застольями с вином, особенно в свободные от сельскохозяйственных работ периоды. Сельские собрания проводились в свободном здании, которое впоследствии было разрушено

землетрясением, после чего местом собраний стал заброшенный вагончик. Сегодня иностранные доноры планируют, что важнейшим публичным местом, где люди будут общаться, станет строящийся Social Community Center. Однако сами жители полагают, что это место будет использоваться, в основном, лишь для проведения торжественных церемоний свадеб и похорон.

То, что жители поселения – выходцы из одного села, облегчает им социально-экономическую и психологическую адаптацию. Слухи о возможном переводе людей в другие поселения были восприняты как начало трагедии: *“Да я этого не выдержу, мне то помогает, что все мои [односельчане – Е.Ц.] здесь”*. Примеров солидарного поведения очень много. Привожу только те, которые я наблюдала.

- Закончившие работу в тонэ женщины, уже испекшие по 20 хлебов и очень уставшие, не ушли, а остались для того, чтобы помочь тем, кто еще не закончил работу.
- У жаркого тонэ непросто работать, особенно тем людям, у кого скачет давление. Близкие соседи делились между собой хлебом, что давало им возможность не работать в тонэ каждый день и более эффективно использовать свое время и силы.
- Моя хозяйка часто не садилась обедать без своей пожилой подружки-соседки, у которой были проблемы в семье.
- Молодой человек из поселения нашел где-то усыпанное плодами ткемалевое дерево. Он сказал об этом нескольким женщинам, и они собрали ткемали и сварили на зиму.
- Люди оставляют соседям удостоверения личности, когда выезжают из поселения, чтобы те взяли полагающуюся им гуманитарную помощь.
- Соседи моей хозяйки знали, что я плачу ей за проживание, и часто просили взаймы. Она никогда и никому не отказывала.

Люди не хотят потерять то ценное, что было в их отношениях до перемещения, и проявления солидарности и взаимопомощи говорят об этом. Однако критическая ситуация испытывает прежние отношения, обнажает скрытые человеческие качества: *“У этого беженства я увидела положительный момент. Что есть в кувшине, то из него и выльется. Каждый человек проявился – кто, что из себя представляет”*.

Я столкнулась с ситуацией, когда женщине пришлось выбирать: “быть как все” или улучшить свой быт, дав согласие на предложение сделать душевые ей и еще нескольким семьям. В этой ситуации она выбрала первое – “быть как все”: *“Если вы сделаете душевые мне и еще двум семьям, тогда все поселение сойдет с ума. Или у всех должны быть, или ни у кого”*.

Новые вызовы инициировали смену авторитетов, формальных и неформальных лидеров. Прежние авторитеты потеряли свой статус, круг авторитетов сузился. Один из прежних лидеров тяжело переживал потерю своего статуса. Он пытался бороться за восстановление своих прав, но его объявили “оппозиционно мыслящим”. На первые роли вышли молодые, поддерживающие действующую власть. Есть и другие случаи: один мужчина, который был влиятельным авторитетом в селе до переселения, и в настоящее время сохранил этот статус, участвовал в распределении коттеджей, а сейчас работает в госструктуре. Поддержка власти, причастность к властным структурам дают людям возможность “оставаться на плаву” независимо от их возраста и прежнего авторитета.

3.4. Общественная активность и власть

Жители поселения осторожны в высказываниях, особенно когда речь заходит об отношении к власти. Они обсуждают политику между собой, но говорить об этом в присутствии посторонних воздерживаются. Даже моя хозяйка, с которой у меня сложились близкие отношения, в такие моменты напрягалась и старалась перевести разговор на другую тему. Люди считают разговоры о власти для себя небезопасными.

Ситуация, которую я не могу описать в деталях из соображений исследовательской этики, но которую я все же хочу затронуть хотя бы в общем виде, иллюстрирует небезосновательность самооцензуры. К середине моего пребывания в поселении со мной неожиданно разговаривал мужчина, который до этого держался на дистанции: *“Я знаю всю правду, что и как здесь. И я тот человек, с которым ты должна говорить”*. Он рассказал мне о несправедливом отношении к нему и членам его семьи при распределении ресурсов. Когда он попытался бороться, предъявляя неопровержимые факты, ему пригрозили, что члены его семьи могут потерять имеющиеся позиции. Этого человека заставили замолчать.

Из отдельных разговоров вырисовываются ожидания жителей от властей. Ждут они, в первую очередь, решения тех проблем, с которыми ежедневно сталкиваются и с которыми не могут совладать самостоятельно (проведение воды и газа в коттеджи, обеспечение информацией, трудоустройство). Однако люди готовы просить, но отнюдь не настроены решительно отстаивать свои права хотя бы на местном уровне.

В каждом поселении есть староста, который назначается органами местного самоуправления. Основная функция старосты – быть посредником между сообществом и властью. За три недели моего пребывания в поселении старосту сменили дважды. Староста и недовольство им – одна из активно обсуждаемых тем. Люди обвиняли каждого старосту в пассивности, некомпетентности, необразованности, предвзятости, а также в том, что он использует свою власть для предоставления привилегий своим родственникам и близким: *“Чтобы быть старостой, надо быть энергичным и напористым”*; *“Такой недеятельный устраивает правительство, местную власть”*; *“Да что там, оказывается, его хвалят и спасибо говорят за хорошую работу”*. Правда, у меня создалось впечатление, что люди используют фигуру старосты для того, чтобы перенести ответственность за свои проблемы на другого.

Хотя население недовольно работой каждого старосты, это не связывается с тем, что это назначаемая, а не выборная должность. Создается впечатление, что к самой процедуре выборов люди равнодушны. Это подтверждает и мое наблюдение. Так, по инициативе UNHCR и World Vision в поселении проводились выборы инициативной группы из 10 человек. Ящик для голосования стоял у дома старосты. Соседка, с которой я пошла на “избирательный участок”, сказала: *“Приму участие, возможно, и выберут моего кандидата. С самого начала члены группы не будут получать вознаграждение, а потом, говорят, с 2010 года будут...”*. В основе мотивации информантки была материальная заинтересованность, а не желание принять участие в изменениях в своем поселении. А родственница старосты не уставала повторять: *“Это что за люди... Чтобы быть активными и самим внести вклад – этого не хотят. Когда я ходила от двери к двери, то столько ругани пришлось выслушать: “Да ну их, эти ваши выборы!”, – говорили”*. Скорее всего, общественная активность этой женщины объясняется близким родством со старостой. Могу предположить, что если бы не родственные узы, то она вела бы себя столь же пассивно, как и другие.

С полудня до двух часов дня проголосовала всего одна женщина, которая комментировала свой выбор словами: *“Понятия не имею, кого записать, кому дать голос”*. Этот пример демонстрирует, что люди не видят смысла в выборах, не верят, что их голос может на что-то повлиять. А ведь проходили выборы инициативной группы, которая, по идее, должна будет работать в интересах улучшения условий жизни поселения. По словам нескольких информантов, до переселения в выборах обычно принимало участие около половины жителей села. Радикальные изменения в жизни людей вызвали недоверие к властям и игнорирование выборов.

Бросающиеся в глаза самоцензуру и гражданскую пассивность я бы объяснила несколькими факторами:

- На момент исследования грузинское общество было сильно политизировано и расколото на сторонников власти и оппозиции. В этой ситуации перемещенные выбрали позицию “помалкивать”, поскольку считают, что они уже “выпили свою чашу до дна”.
- ВПЛ боятся потерять хотя бы то, что получают от власти – приватизацию коллективных центров, выдачу компенсаций “отказникам”, гуманитарную помощь, личные статусы и привилегии т.д.
- ВПЛ из Южной Осетии – сельские жители, сохранившие советскую ментальность и не приобретшие навыков в отстаивании своих прав.

Я могу привести лишь два примера, когда люди предприняли попытку отстоять свои права и добились своей цели. Первый пример я наблюдала своими глазами. Проблема была связана с земельными участками, которые обещали раздать, а потом отказали под предлогом того, что у земли оказался хозяин. В поселении прошло большое собрание, приехали официальные лица, представители местного самоуправления и сам хозяин. В итоге конфликт был разрешен в пользу жителей.

О другом случае мне рассказали. Недавно всему поселению отключили свет за неуплату. Жители перекрыли центральную магистраль и свет им дали, хотя власти по сей день требуют оплатить расход электроэнергии, что является пока невыполнимым требованием.

3.5. Молодое поколение

Как живет и планирует свое будущее здешняя молодежь? Молодые мужчины в основном связывают свое будущее со службой в армии. Они мотивируют это желанием быть полезными родине. Вместе с тем, перед ними пример тех юношей из поселения, которые уже служат в армии и имеют стабильный доход, дорогие мобильники, красивую военную форму. Более весомая причина ориентации на службу в армии заключается в том, что молодые не видят других реальных перспектив в обозримом будущем. И раньше военную карьеру молодые мужчины считали престижной, но после перемещения это предпочтение связано с возможностью работать и иметь стабильный доход. Многие из тех, с кем я общалась, прошли организованные специально для них курсы по укладке кафеля, метлахской плитки и т.д., но работу себе так и не нашли. На единственную стройку, которая шла в тот момент в поселении, по словам представителя строительной компании, *“местных не брали”*.

Девушки больше ориентированы на продолжение учебы, чем юноши. Общие же стратегии молодых людей, вне зависимости от пола, связаны с трудоустройством и созданием семьи.

Мой первый контакт с молодежью из Южной Осетии состоялся через шесть месяцев после войны на одном из тренингов в Аджарии. В тот период они еще жили во временных убежищах и были в ожидании очередных перемен, связанных с решениями сверху (возможность возвращения, перемена места жительства, ожидание компенсации и др.). Из-за неопределенности положения разговоры о будущем и его планировании были для них не актуальны. Они ощущали обиду, свою неполноценность, беспомощность и страх перед будущим. Для того, чтобы избежать *“пренебрежительного и насмешливого”* отношения со стороны местного населения, молодые беженцы стремились ограничить общение с местной молодежью и предпочитали самоизоляцию. После перевода людей в поселения интенсивность контактов с местным населением еще более снизилась, зато ослабли и причины для взаимонепонимания и конфликтов. Однако это также создало препятствия на пути интеграции в местное сообщество и ограничило спектр возможностей в планировании будущей жизни.

По моим наблюдениям, молодежь не проявляет активность в делах сообщества. Так, когда решался вопрос распределения дополнительных земель, и возник конфликт с представителями местного само-

управления, молодые люди вообще не принимали участия в споре, а грелись недалеко на солнышке, хотя среди представителей гамгеоба тоже была молодежь. Можно предположить, что в последних они видели людей, причастных к власти и в силу этого более успешных, и посему предпочли своим поведением демонстрировать безразличие к происходящему.

Обращало на себя внимание и то, что на улицах поселения нет играющих детей, хотя это было время летних каникул. Если я встречала ребенка на улице, то чаще всего он шел, опустив голову. Я решила найти удобный случай, чтобы поближе пообщаться с детьми. Их было пятеро, четыре девочки и мальчик. На мой вопрос, во что они обычно играют, дети ответили, что здесь не играют, а дома (имея в виду родную деревню) все время играли. Мое предложение поиграть не вызвало у них энтузиазма, но постепенно они втянулись. Я предложила им поиграть в волшебную палочку, исполняющую желания. Почти все дети сказали, что самое большое их желание – вернуться в родную деревню. К этому одна девятилетняя девочка добавила: *“Мое самое большое желание – восстановление территориальной целостности Грузии...”*. В этом высказывании маленького ребенка можно видеть, какую роль играет усвоение властного дискурса – уже в таком юном возрасте дети знают, что следует говорить публично.

В поселении есть развлекательный центр, летом он пустует, но иногда родители водят туда детей зимой. Изменения в поведении детей (раньше играли, а теперь – нет) связано с потерей любимых атрибутов их прежней деревенской жизни – плескание в речке, “походы” в соседские сады, лазанья по деревьям и т.д.; а также со снижением роли детей в семьях из-за переключения взрослых на удовлетворение повседневных нужд.

3.6. Стратегии выживания и новые практики

ВПЛ из Цхинвальского региона – это сельские жители. Раньше они имели доход от продажи фруктов и другой сельскохозяйственной продукции. Несмотря на тяжелый крестьянский труд, у них были необходимые условия для успешной фермерской жизни: лучшие в Грузии плодородные земли, хорошие условия для полива и ухода за насаждениями, семейные традиции по работе на земле, стабильные рынки сбыта продукции и т.д. Решение правительства разместить этих людей в сельской местности, построить для них поселения и раздать земли,

скорее всего, связано с идеей воссоздать для людей прошлую жизнь. По моему мнению, для реального достижения этой цели в самом благоприятном случае должно пройти 10-15 лет, т.е. столько, сколько нужно, чтобы яблоня стала приносить доход!

Эти люди опять оказались привязанными к земле, хотя уже и земля значительно хуже, да и сами участки куда меньше. Без техники, без возможности регулярного полива, без удобрений и т.п. освоить новые земли будет для них очень сложно. И если в прошлой жизни земля была источником дохода, то теперь – источник для выживания, главная надежда людей. Поэтому сельскохозяйственная деятельность ВПЛ рассматривается как стратегия выживания, причем самая распространенная.

Не так давно каждой семье (коттеджу) раздали еще по гектару земли недалеко от поселения. Стратегии людей в отношении этих участков полярные: *“Ничего не хочу здесь сажать, если будет возвращение, то придется кому-то оставить...”*; *“А если не будет возвращения, тогда что? Лучше буду трудиться, свое делать... А если вернемся, я саженцы выкопаю и туда отвезу”*; *“Да, все посажу, что смогу посадить. Но для того, чтобы яблони стали давать урожай на продажу, надо 10-15 лет за ними ухаживать, поливать. А таких условий здесь пока нет”*.

Работа на земле и вообще ежедневная многочасовая физическая работа была частью привычного быта этих людей. Люди работают и сейчас. Но по сравнению с теми нагрузками, какие у них были в родном селе, *“это – ничего”*. Если тогда перенасыщенная трудом жизнь была причиной ворчания, усталости, то сейчас, напротив, они ищут, чем бы заняться, чем загрузить себя дополнительно. Для людей это не только возможность чуть повысить уровень жизни, но и способ переключиться, не погружаться в неприятные раздумья: *“О чем ты говоришь?... Если я не буду работать, то свихнусь от своих мыслей”*.

Перемещение, как мощное потрясение, часто инициирует в человеке дремлющие в детерминированной жизни творческую и социальную энергии, заставляет его изыскивать в себе ресурсы, приобретать новые навыки и на основе этого выстраивать личные стратегии для выживания и достижения достойного уровня жизни. В основном, люди надеются на себя, на свои руки и труд. Но степень оптимизма и веры в свои силы разная. *“Есть еще надежда, что в Грузии наступит мир, пройдет этот кризис, люди начнут работать и всем будет легче”*; *“Имею огромную надежду. Живу надеждой. Хочу везде попробовать*

судьбу, везде чего-то добиться, что-то суметь сделать. Верю, что и дом куплю, и всего добьюсь. Надеюсь на себя и верю, что чего-то большого добьюсь в жизни”.

Мне довелось познакомиться с целым рядом примеров практических инициатив, которые беженцы предпринимали для улучшения своей жизни. Они касались, в основном, организации малого бизнеса. Можно предложить следующую классификацию таких бизнес-попыток:

1. бизнес, ориентированный на предоставление товаров;
2. бизнес, ориентированный на предоставление услуг;
3. бизнес, организованный вне границ поселения.

1. Бизнес, ориентированный на предоставление товаров местному населению. В поселении работают три продуктовых магазина, которые предприниматели устроили в собственных домах. На котеджах нет надписей, указывающих, что это магазин, но узнать об этом нетрудно, т.к. с внутренней стороны окна прикреплены сигареты, конфеты и т.д. Лучше всего продаются *“сигареты, выпивка и куриные окорочка, последние люди покупают, когда у них гости”*.

Другой пример организации мелкого бизнеса демонстрирует женщина, привозящая из Лило (один из самых больших рынков в Тбилиси) одежду, постельное белье, покрывала, занавеси и перепродающая их в поселении. Конечно, для начала предпринимательской деятельности необходимы какие-то первоначальные накопления, которых у подавляющего большинства беженцев нет.

2. Бизнес, ориентированный на предоставление услуг. Одним из примеров такого предпринимательства является организация транспортного сообщения между поселением и районным городом, здесь два-три раза в день курсирует маршрутка. Люди ездят в райцентр за получением ежемесячной помощи, пенсии, на разные курсы, проводимые международными организациями (в этих случаях транспортные расходы оплачиваются этими организациями), за продуктами и т.д.

Другой житель поселения использует собственный микроавтобус для того, чтобы отвезти и привезти учителей и детей поселения в школу, которая находится в 20 минутах езды, и трижды в неделю отвозит старшеклассников на спортивную площадку при школе. Все это финансируется американской организацией.

Успешность бизнеса в обоих случаях обусловлена наличием собственного транспортного средства. Но можно привести пример и другого рода: Так, один из мужчин нашел себе работу контролера на посту около трассы.

3. Бизнес, организованный вне границ поселения. Здесь можно привести три примера. Первый – жительница поселения работает в городе продавщицей. Второй пример – молодой семейный мужчина взял в аренду грузовик, собирает сено и продает его в других селах. Благодаря этой работе и новым связям, он нашел новую работу – трех-летний контракт с хорошей даже по тбилисским меркам зарплатой. У семьи сразу появились планы – перебраться в районный город, снять там квартиру, отправить ребенка в школу в городе и т.д. Эта семья выделялась своим позитивным настроем, надеждами на лучший завтрашний день, энергией. Все эти примеры трудоустройства были обусловлены не в последнюю очередь наличием социальных связей.

Хочу упомянуть и еще об одной возможности заработка. Молодой человек служит в “спецназе”. Я разговорилась с его матерью в тоне: *“Его зарплату я собираю, но никогда не прикаснусь к его деньгам, да и с какой совестью потрачу? Мой сын каждый день жизнью своей рискует”*.

Возможности трудоустройства жителей поселения очень ограничены. Бывший староста поселения сказал мне: *“Я не работаю. В соседних селах ничего нет, а что касается Тбилиси, то если будет какая-то работа, только на дорогу сколько надо, чтобы туда-сюда ездить. А если каждый день работать, то там надо будет квартиру снимать”*.

4. Заключение

Многое из того, что делается для поселений, спонсируется международными организациями. Это гуманитарная помощь и программы развития, направленные на получение новых знаний и умений. Так, например, компьютерные курсы для жителей поселка проходили в районном центре, но зато участников обслуживала маршрутка, а в самом поселении для занятий была выделена комната с компьютером. Или, в период моего пребывания, можно было записаться на курсы подготовки стилистов, массажистов, визажистов и специалистов по керамике.

Однако анализ социальных следствий внешних инициатив – будь то государственные институты или международные организации – наводит на размышления об адекватности мер по поддержке беженцев. Эти сомнения связаны с нерелевантностью исследований потребностей ВПЛ, с одной стороны, и очень спорными рекомендациями так называемых экспертов, с другой. “Эксперты” наивно ставят себя на место беженцев и пытаются выдать свои представления о нуждах (в этом случае потребностях) ВПЛ. И это показывает, что они явно не понимают несопоставимость собственных представлений с представлениями крестьян, так как между мировоззрением и образом жизни крестьян и “экспертов” – целая пропасть.

Примеров ошибочных решений немало. Так, в исследуемом поселении мужчины прошли курсы по укладке кафеля и керамической плитки. Однако ни один не нашел впоследствии работы. Мой молодой информант прямо высказался: *“Да, я прошел курсы по укладке кафеля, а что дальше? Работы нет”*. Другой пример связан со строительством в поселке Social Community Center, организованным несколькими американскими организациями. По замыслу доноров, здесь должны собираться люди для обсуждения и решения различных вопросов. Однако само население явно планирует проводить здесь исключительно торжественные мероприятия типа свадеб и похорон.

Возможно (и это требует специальных исследований!) сегодняшняя политика поддержки и интеграции беженцев глубоко ошибочна. Власти подчеркивают, что размещение людей в созданных поселениях будет способствовать интеграции людей в местное сообщество. Такая постановка вопроса является, по крайней мере, спорной. С одной стороны, наличие собственного жилья должно способствовать интеграции. Но изолированность поселений от местного населения, отсутствие необходимой инфраструктуры и рабочих мест – все это факторы, которые явно препятствуют интеграции.

Можно предположить, что строительством поселений “типа деревень” и раздачей земельных участков власти стремятся воссоздать для людей их привычную прежнюю жизнь. Но возможно ли это в новых условиях? По данным отчетов международных организаций, во многих случаях розданные земельные участки находятся далеко от поселений или земли непригодны для сельскохозяйственных работ. И первое, и второе делает невозможным воссоздание крестьянской жизни.

С другой стороны, если путем строительства “деревень” власти действительно стремились воссоздать для ВПЛ прежнюю крестьян-

кую жизнь, почему бы было не приобрести для них дома в различных селах Грузии? Это было бы экономически выгоднее для государства и удобнее для самих беженцев. В сельской местности множество домов на продажу (часто заброшенных), обжитые пространства с какой-никакой инфраструктурой, многолетние насаждения, пригодные для обработки земли и, конечно, куда больше возможностей для интеграции ВПЛ в местные сообщества.

И, наконец, возникают сомнения касательно того, что утеря всех прежних ресурсов, новый жизненный опыт, интерес к наблюдаемым практикам и жизненным стратегиям местного населения (особенно городского) не отразятся на установках беженцев (в первую очередь, молодого поколения!). Наши наблюдения убеждают, что далеко не все они по-прежнему будут стремиться к воспроизводству крестьянской жизни, что многие захотят получить образование, овладеть городской профессией или просто избежать “идиотизма деревенской жизни” (по выражению К. Маркса). И, может быть, куда эффективнее поддерживать и делать инвестиции в эти новые стратегии ВПЛ. Именно на это следует направлять дальнейшие исследования, которые вовсе не должны ограничиваться ничем не дающими для понимания беженцев опросами или даже формальными интервью, которые чаще всего невозможно интерпретировать адекватно смыслам, которые вкладывают в них сами информанты.

БЕСЕДА ТРЕХ ЖЕНЩИН **(некоторые аспекты адаптации мигрантов)**

Введение

Однажды в материалах по миграции мне встретилась следующая иллюстрация: изображение человека в виде дерева, который собирался передвинуться на новое место. Спина у него был ствол дерева, который он пригнул к земле для того, чтобы вытащить корни, для чего ему нужно было приложить большие усилия, так как часть их глубоко ушла в землю.

Во время бесед с мигрантами становилось понятно, что у каждого из них в какой-то момент эмиграции возникало ощущение, что корни “дерева” тянут его обратно. И у каждого появлялось чувство необходимости пересадить “свое дерево” на новое место. Кому-то это удалось, кому-то – нет...

Сегодня эмиграция считается одной из самых главных социальных проблем Республики Армения. Начиная с 1990-х годов здесь наблюдается большой поток эмигрантов. По сей день немало граждан Армении, некоторые вместе со своими семьями, продолжает уезжать за границу на постоянное жительство или с целью найти там работу.¹ Исследования подтверждают, что для армянских эмигрантов Россия остается самой привлекательной в этом отношении страной. Там достаточно большое количество прибывших с разной целью из Армении мигрантов.² Поэтому проблемы армянских эмигрантов в России остаются актуальными для армянских ученых и разработчиков социальной политики.

Мне, как работнику общественной организации (исследовательская общественная организация) и как антропологу, с 2005 года довелось

¹ Общее число людей, участвовавших в миграционных процессах в течение 2002-2007 гг., составило 9,7%±0,6% от постоянного населения Армении в возрасте 16-ти лет и старше. Minasyan A., Poghosyan A., Gevorgyan L., Chobanyan H. Study on Return Migration to Armenia in 2002-2008. Yerevan: Asoghik, 2008, с. 9. http://www.osce.org/yerevan/item_11_35901.html (04.07.2009).

² 96,2% трудовых мигрантов и 71% перманентных мигрантов в качестве страны эмиграции предпочитают РФ. Там же, с.12. http://www.osce.org/yerevan/item_11_35901.html (04.07.2009).

работать над различными исследованиями миграционных проблем. В рамках исследовательского проекта с начала 2009 года я приступила к изучению миграционной истории двух семей. Обе семьи многие годы проживали в России, но несколько лет назад они вернулись в Армению. Временные границы кейсов включают промежуток с момента отбытия первого члена семьи и до момента исследования.

Я довольно долго думала над форматом статьи – пыталась найти форму, которая дала бы возможность наглядно представить методический подход к научному исследованию и его основные результаты, и при этом сделать статью интересной для читателя. Найти формат помогла полевая работа, точнее собеседники, которые периодически ссылались на некоего абстрактного мигранта, говоря в своей речи: “об этом Вам все скажут”, “а другие мигранты разве не говорили?”, “а что другие рассказывают?” и т.д. Вот я и решила устроить “встречу” двум моим собеседницам, женщинам-мигранткам с разными историями, но с похожими проблемами, объединив тексты их интервью в одну виртуальную беседу.

Итак, данная статья – это беседа трех женщин, две из которых представляют собой изучаемые кейсы, а третий собеседник – это сам исследователь, автор настоящей статьи. С одной стороны, женщины делятся своим миграционным опытом, рассказывают свою миграционную историю, с другой – исследователь пытается найти некоторые разъяснения в научной литературе, сопоставить услышанное со своими знаниями о миграции.

Немало научной литературы посвящено исследованиям миграции и адаптации мигрантов, и иногда кажется, что будет трудно предложить что-то новое. Но, с другой стороны, как замечает З.И. Левин, когда читаешь эту литературу, то находишь обобщенную горестную повесть о китайце, поляке, еврее, индусе, русском или греке.³ Часто это история об абстрактных людях, чья индивидуальность затерялась в статистике или закономерностях общих тенденций. Я же попыталась дать возможность читателю увидеть людей, конкретные их лица, истории. В условиях наличия обширной научно-исследовательской литературы на тему адаптации, удастся ли мне предложить что-то новое – сказать трудно. Для меня это скорее способ приблизить науку к простому обывателю, к его обыденной жизни, за научными абстрактными закономерностями показать человеческую судьбу и историю.

Мне хотелось бы представить разные истории и события, где инди-

³ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) М.: ИБ РАН “КРАФТ+”, 2001, с. 14.

виды не теряются в “группах”, “обществах” и “нациях”, а предстают как созидатели, осмысляющие и интерпретирующие происходящее. Предложенный формат, надеюсь, позволит найти в рассказах наших собеседников-мигрантов о своем опыте и переживаниях наглядные иллюстрации к известным закономерностям и стратегиям адаптации мигрантов, и, возможно, подсказать темы и сюжеты для будущих исследований.

Статья состоит из двух частей: в первой части представлена беседа об отчужденности и ее воздействии на адаптацию мигрантов, а во второй – речь идет о воздействии на адаптацию самооценки мигрантов.

Выбор этих двух тем не основан на теоретическом разделении. Читатель может даже обвинить автора в том, что при разделении не соблюдено правило единой основы. Однако для этого есть свои причины.

Во-первых, эти два обстоятельства отражаются в дискуссии и касаются всех факторов адаптации. Все аспекты адаптационного процесса (в том числе в культурном, социальном, экономическом и т.д. плане) связаны как с отчужденностью мигранта, так и с его самооценкой. Ищет ли мигрант работу в новом для него обществе, пытается ли создать новые контакты, вступает ли во взаимоотношения с местными, пытается ли освоиться в новой культурной среде: чтобы он ни делал, его успехи и неудачи в приспособлении к новой жизни связаны с его самооценкой и отчужденностью. Уровень самооценки и степень отчужденности являются как причинами успехов или неудач, так и их следствиями. Поэтому эти две темы красной нитью проходят в повествованиях моих собеседниц, и по этой причине я решила обратиться в статье именно к ним, несмотря на то, что такой выбор тематического разделения статьи не основан на теоретических предпосылках. Руководствуясь принципом индукции, я решила прислушаться к тому, что подсказывает полевой материал, выбрать те аспекты, которые были важны для моих собеседниц и которые могут быть интересны для читателя, и представить их в новом ракурсе, условно отделенными от остальных факторов адаптации.

Безусловно, чувство отчужденности и самооценка представляют собой взаимосвязанные явления. В некоторых случаях отчуждение приводит к понижению самооценки, и наоборот, низкая самооценка способствует отчуждению. Однако я решила отделить эти два явления друг от друга для того, чтобы иметь возможность глубже показать их проявления и изменения, проследить, как воспринимается “отчужденность” самими мигрантами, как они справляются с ней.

В данном случае адаптация рассматривается как некий цикл – с момента отбытия и до возвращения. При этом я исследую адаптацию после отбытия (приспособление к жизни за границей) и после возвращения (приспособление к жизни на родине).

Во введении к статье я хотела бы представить участниц “беседы”:

Арменуи Налбандян⁴ – в 1997 году с двумя дочками и сыном уехала в Москву (Россия), где их ждал муж. Около семи лет они жили в Москве, муж сначала работал на стройке, а потом в сфере торговли. Она дома выпекала мучные изделия и сдавала их в разные пункты сбыта. Дети ходили в школу. В 2004 году всей семьей они вернулись в Армению, но не в Эчмиадзин, откуда уехали, а в Ереван. Сейчас она и муж работают, дочери учатся в вузах, а сын в школе. Рады, что вернулись и не собираются больше уезжать.

Нвард Симонян – в 2001 году с двумя сыновьями уехала в Сочи (Россия), где их уже ждал муж. В Сочи они прожили около шести лет, муж работал на стройке, а она в больнице медсестрой. Дети ходили в детский сад. В 2007 году вернулись в Армению, но не в деревню Арпи, откуда уехали, а в райцентр – Ехегнадзор. Теперь она и муж работают, а дети ходят в школу. По их мнению, они пока не полностью адаптировались к жизни в Армении, но уезжать не собираются.

Алина Погосян (автор) – с 2005 года вовлечена в исследования различных проблем миграции, в том числе и трудовой миграции, возвратной миграции, а также адаптации и интеграции мигрантов. Сама никогда не была мигрантом, но слышала так много миграционных историй, что порой кажется, что все это она перенесла на себе.

Хотя данная беседа представляет собой отрывки из индивидуальных бесед с мигрантами, тем не менее я постаралась придать ей форму живого разговора. Поэтому в приведенных кусках сохранены все повторы и другие свойства устной речи, что помимо прочего позволит выделить наиболее важные для рассказчика явления и события. Иногда собеседники не продолжают мысль друг друга, а меняют тему разговора, что тоже может подсказать, что особенно важно для них. Для лучшего понимания представленного текста мне иногда приходилось делать некоторые пояснения и дополнения к речи моих собеседников, они выделены курсивом.

⁴ Имена женщин-мигрантов вымышленные.

Отчужденность

Арменуи: ...не могу сказать, что было плохо, но во всяком случае не наше. Я считаю, что наше нам роднее. Потому что куда ни езжай, ты везде чужой. Какая бы у тебя ни была работа, какая бы должность, все равно ты человек не первой, а второй или третьей категории, второй или третьей.

Нвард: Я себя здесь чужой чувствую. Как-будто оттуда приехала, а не уехала отсюда.

Алина: Вы, как только уехали, с первого дня чувствовали себя “своей”?

Нвард: Нет. Сначала нет. Сначала было очень сложно, не знали что и где находится. С людьми не были знакомы⁵. Когда проходили по улице, на нас как-то иначе смотрели. То ли мы сами себя смущались, не могу сказать. Понимаете, как-будто ты человек другого сорта, всегда себя ниже оцениваешь. Ты сам себя меньше ценишь.

Арменуи: Что ни делай, у тебя на лбу написано, что ты не местный. Ты сам, когда смотришь, чувствуешь, что вот этот “не русский”. Как они могут не чувствовать? Что ни делай, сосед-то знает, что ты не русский, а этого уже достаточно. Армянскую музыку слушали, нам говорили – “надоела нам эта ваша дурацкая музыка”. Что говорить таким людям? Ничего не можешь сказать.

Алина: Понимаю. Часто у людей можно встретить такой подход: “Он себя иначе ведет и это плохо”. Это отношение у местных обострится особенно в том случае, если приезжие начинают хорошо жить,⁶ если в принимающей стране уровень безработицы высокий, если культурная дистанция между местными и приезжими большая.⁷ Когда сталкиваешься с неравенством и дискриминацией со стороны местных, эти чувства как бы сближают тебя с людьми такой-же судьбы,

⁵ О трудностях первого этапа адаптации см.: Левин З. И. Указ. соч. В книге автор разделяет процесс адаптации на три этапа: выживание на чужбине, образование общины, упадок. Первый этап самый тяжелый для мигранта. Он в основном зависит от его личных качеств. Основная сложность этого этапа в том, что мигрант оставил свои старые социальные связи, а новые еще не приобрел. На этом этапе он в основном отчужден от местных. Основную помощь ожидает от соотечественников и формальных структур.

⁶ По данным российского социолога Рубана в Краснодарском крае (Россия) местных раздражает предпринимательство кавказцев, в частности армян, их неприспособленность к местной социокультурной среде, сравнительно высокий уровень жизни (см. Левин З. И. Указ. соч., с. 23-33). О влиянии высокого уровня жизни иммигрантов на негативное к ним отношение местных см. также в работе Элиас Н., Скотсон Дж. Истеблишмент и аутсайдеры (цит. по: Освальд И. Социология миграции Глава 1, с. 5, рукопись).

⁷ Исследования показывают, что у многих отношение к мигрантам построено не на личном опыте, а определяется сложившимися в данном обществе стереотипами и мифами, сформированными политикой властей и выступлениями в СМИ. Например, по данным опроса 1997-1998 гг., те, кто был лично знаком с мигрантами или имел среди них друзей, в 2,6 раза чаще отзывались о них позитивно по сравнению с теми, кто с мигрантами лично не общался. Витковская Г. Миграция народов Южного Кавказа в Россию: масштабы, тенденции, реакция принимающего общества / Миграция на Кавказе. Материалы конференции. Ер.: КИСМИ, 2003, с. 37.

с твоими соотечественниками. Это способствует формированию среди иммигрантов коллективного самосознания в принимающей стране на основе этнической принадлежности. Этническая идентичность становится механизмом самозащиты, и ее особая значимость ощущается до тех пор, пока не исчезают чувства отчуждения и дискриминации. Однако групповая сплоченность на основе этнических характеристик способствует тому, чтобы принимающее общество отрицательно относилось к иммигрантам и отторгало их.⁸ Возможно менее интенсивное общение с исключительно армянами, и более частые попытки коммуникации с местными ослабили бы это чувство.⁹

Арменуи: А разве местные хотели с нами общаться?

Нвард: Я работала в больнице, где все были русскими. Наши отношения были очень хорошими. Я и сейчас по ним очень скучаю.

Арменуи: Во всяком случае для меня было очень сложно, почти ужасно. Мы в нашей стране хоть какую-то цену имеем, а там ты – никто, каждый может пальцем показать и сказать: “армяне”, “приезжие”.

Нвард: Да. Или же в маршрутке услышишь кто-то озверелый начинает – “черные”... Начинали говорить лишние вещи – “понаехали”. Встречались и такие тронутые бывало, слышали такие слова!

Алина: Мне кажется, я вас хорошо понимаю. Первый этап миграции очень тяжелый. Как говорит один из исследователей, на этом этапе действует закон естественного отбора – сильнейшие выживают, а слабые – вымирают.¹⁰

Нвард: ... Или милиция останавливает. Не имеешь права с мужем пойти в кафе или в ресторан и от души порадоваться. Ну, порадуешься, но в один прекрасный момент подойдет милиционер и спросит – где ваши документы? Кто вы такие? Сперва тебе духу не хватит, но потом.... Потом начинаешь раскрываться, находишь свое место и уже чувствуешь себя хорошо.

⁸ Исследования показывают, что чем больше сплочена община мигрантов, тем больше их отчужденность и стена между “Нами” и “Ими” толще. Об этом см. Левин З.И. Указ. соч., с. 28, Константинов В. В. Адаптация мигрантов в новых условиях жизнедеятельности как научная проблема / Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008, с. 93-103.

⁹ Исследования миграции, проведенные в рамках разных дисциплин, показывают, что как у местных, так и у иммигрантов желание общаться друг с другом низкое. Это длится, пока иммигрант не аккультурировался. Об этом подробнее см. Arutunian Ju. V. On the Potential of Interethnic Integration in the Megalopolis of Moscow // Sociological Research, vol. 45, no. 6, November-December 2006, pp. 26-50, где на основе социологических опросов показано, что друзьями, знакомыми новопривезших являются соотечественники, тогда как среди армянских москвичей – это в основном русские. С другой стороны, исследования, проведенные в трех Приволжских федеральных округах, показывают, что местные не склонны общаться с иммигрантами (см. Бадыштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социс, 2003, № 6, с. 38-46). <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/201648.html> (10.12.2009).

¹⁰ Левин З. И. Указ. соч., с. 83.

Алина: Требуется время, чтобы ты создал новые отношения. Если бы вы остались подольше, возможно, вы бы нашли друзей среди местных.

Арменуи: Отношения с кавказцами были другими. Например, здесь, если кто-то азербайджанец, то это плохо, а там не так. Там, наверное, мы теплее даже с грузинами. Наверное, когда и мы, и они осознаем, что среди русских мы чужие, кавказцам приходится стремиться друг к другу. Наверное, это так от природы: когда человек на чужбине, то он начинает понимать, кто ему ближе. Например, на рынке были продавцы-азербайджанцы, которые нас называли землячками. Мы удивлялись, говорили: “стыдно же, какие землячки?” Говорили: “Мы ведь не виноваты, что наши деды там что-то сделали, мы ведь с ними не согласны”. И действительно, на рынке с моим мужем работал азербайджанец, который, если его попросить, мог бы и жизнь отдать за армянина. И хорошие есть, и плохие.¹¹

Алина: Обычно разные этнические группы мигрантов, которые общались друг с другом чаще, становятся терпимее к культуре друг друга. Границы, которые разделяли их на родине, в эмиграции проявляются слабее.¹² Но, с другой стороны, как вы говорите, возможно это связано не с короткой культурной дистанцией, а с “общностью судьбы”. Из-за того, что местные жители вас не принимают, не хотят с вами общаться, другие мигранты кажутся вам роднее. Эта общность, о которой вы говорите, возможно общность не кавказцев, а российских иммигрантов.¹³

Арменуи: Не знаю. Мой бедный ребенок там сломался, да, мальчик сломался. Если наши дети спускались во двор поиграть, то мы должны были стоять рядом “с оружием в руках”, чтобы их не притесняли: это не ваши качели, это не ваши карусели, это не для приезжих. Понимаете, каждую секунду, каждый раз чувствовать, что ты чужой. Одной фразы “зачем приехали, кто вас здесь ждал” было достаточно, чтобы ты себя чувствовал самым последним человеком. Не знаю, человеком себя не чувствуешь, во всяком случае какую бы хорошую работу, хорошую машину ты не имел (как наш народ определяет хорошую жизнь), все

¹¹ О терпимости между армянами и азербайджанцами в России см. также Arutiunian Iu.V. Op. cit.

¹² Об этнической идентичности, этнических границах и закономерностях их перемещения см.: Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.

¹³ Исследования показывают, что этнизация миграции присуща не только иммигрантам и местному населению, но и административным служащим, экспертам, исследователям. Об этом подробнее см.: Миграция и национальное государство <http://www.cisr.ru/migration.html> (10.12.2009).

равно для меня жить там было очень тяжело.¹⁴ Мой младший там пошел в школу, его педагог с сорокалетним стажем, заслуженный педагог в масштабах Москвы, совсем не понимала детской психологии. Первое, что она говорила, входя в класс, было “приезжие встаньте”. Она так обращалась “приезжие”.

Алина: Согласна, когда тебя стигматизируют, это, конечно же, способствует развитию чувства отчужденности. Но дело не только в том, что тебе наклеивают “ярлык”, и ты от этого себя плохо чувствуешь, этому еще помогает и то, что ты веришь этому “ярлыку” и в глубине души согласен с таким определением.¹⁵

Арменуи: Да, здесь тоже в школе мой сын был непослушным, ну, он же мальчик. Учительница опять говорила: “эти приезжие непослушные, избалованные”. Но те же самые слова здесь ты воспринимаешь иначе.

Алина: Как “иначе”?

Арменуи: Здесь ты не обижаешься.

Алина: А как Вы объясняете то, что здесь Вас это не обижает, а там то же самое обижает?

Арменуи: Ну потому, что здесь мы часть целого. Я здесь себя никогда не почувствую чужой, но там ты чужой, и поэтому все иначе воспринимаешь. Это очень просто, как, например, свекровь-невестка, мать-дочь. Мать что-то скажет дочери, дочь может и внимания не обратить, а если то же самое скажет свекровь, она совсем иначе воспримет. То есть это разница чужой - родной.

Алина: Арменуи, у меня сложилось впечатление, что Вы чувства людей относительно того, где они ощущают себя “своими”, а где “чужими”, объясняете их происхождением. Если я Вас правильно понимаю, по-вашему человек себя может чувствовать своим только там, где он родился? Если Вы подходите к вопросу таким образом, то отчужденность, естественно, становится непреодолимой. Такой подход может стать основой для самоотчуждения. На самоотчуждение влияют и другие факторы (им можно дать разные названия, например: правовые, социокультурные, психологические). Когда правовой статус мигранта в принимающей стране не легитимизирован, он сам начи-

¹⁴ Исследования, проведенные в трех Приволжских федеральных округах показывают, что местные ассоциируют мигрантов с Кавказа с кавказцами и среднеазиатами, торговцами, криминальными элементами, с деньгами, антисанитарией и болезнями, с нищетой и попрошайничеством, неграмотностью, и с теми, кто развивает деятельность в подземках и на базарах. См. Бадыштова И.М., Указ. соч.

¹⁵ О социально-психологических особенностях мигрантов говорит Н.Р. Маликова, которая разделяет две стратегии адаптации, противопоставляя их друг другу: сегрегация/самосегрегация или адаптация. Подробнее см. Маликова Н.Р. “Глобальность” иммигрантских сообществ: потенциал социокультурной адаптации // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008, с. 137-147.

нает ограничивать свое общение с местными, чтобы избежать правовой ответственности.¹⁶

Как действует социокультурный фактор? Обычно мигранты первого поколения, особенно те, кто всегда думает о возвращении, пытаются организовать свою жизнь за границей как на родине, не интегрируются в принимающей стране, а “создают там свою родину”.¹⁷ И когда это им не удастся, и они постоянно мечтают о возвращении (это относится, прежде всего, к мигрантам первого поколения), они начинают воспринимать среду принимающей страны как враждебную. Они сами считают ее чужой и становятся более чувствительными к различиям. Любое различие становится для них неким злом.

Я помню, как моя подруга, которая поехала учиться в Германию, рассказывала о первом этапе своей жизни за границей и признавалась, что там ее все раздражало. Она ненавидела даже дверь в университет, которая не была похожа на дверь ереванского университета и, чтобы ее открыть, надо было приложить больше усилий. Такая установка действует на все мелочи, и ты перестаешь воспринимать самые обычные вещи и начинаешь ненавидеть все новое. Психологически самоотчуждению способствует и то, что ты “веришь”, что ты чужой, потому что ты сам считаешь эту среду чужой, и в какой-то степени сам хочешь подчеркнуть, что ты “другой”, пытаешься сохранить свою “инакость”.

Арменуи: Да. Когда на чужбине говорят “эти приезжие”, ты себя плохо чувствуешь, потому что знаешь, что среди них ты действительно чужой. Поэтому ты воспринимаешь это более болезненно, чем если здесь тебе скажут “приезжий”. Даже если я приезжая, я все равно здесь местная. Я может и “глаз выколю” тому, кто назовет меня “приезжей” здесь, и скажу, что я такая же местная, как и ты. Но за границей ты не можешь то же самое сказать. Даже когда мы говорили, что мы тут работаем, а вы живете, мало или много, но нам приходится платить за квартиру, а вам – нет, все равно ты там на чужбине, ты там чужой.

Алина: Получается, что Ваше (мигранта первого поколения) ощущение “чужости” обоюдостороннее. С одной стороны, принимающая

¹⁶ Это особенно распространено среди временных эмигрантов и трудовых эмигрантов. Об этом подробно см.: Minasyan A., Hanchiliva B., Poghosyan A., Hakobyan T. Labor Migration from Armenia in 2005-2007. A survey, Yerevan, 2007; Варданян Л.М., Галстян М.В., Проблемы социально-психологической адаптации армянских мигрантов в Российской Федерации // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008, с. 20-25.

¹⁷ Об инновативной и консервативной миграциях см.: Peterson W. A General Typology of migration // American Sociological Review, 1958, 23:256-266; о консервативности мигрантов см. Фирсов Е., Кривушина В. К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской области) // Диаспоры: Независимый научный журнал, 2004, № 1, с. 6-45.

страна вас считает чужими, а с другой – вы тоже считаете принимающую страну чужой. Но, думаю, в случае ваших детей (мигрантов второго поколения) это чувство было бы другим. Уже в более зрелом возрасте, когда культурная среда принимающей страны стала бы для них привычной, они перестали бы считать ее чужой. Таким образом, они не считали бы себя чужими до тех пор, пока принимающая страна не назвала бы их чужими, не напомнила, что они приезжие.¹⁸ Получается, что в случае первого поколения чувство того, что ты чужой, обусловлено отношением и самих мигрантов, и принимающей их страны к ним, тогда как в случае второго поколения на чувство отчужденности больше влияет отношение местного общества.

Нвард: После возвращения тоже нелегко. Я здесь никак не могу привыкнуть, смириться со многим.

Арменуи: В первое время я тоже себя здесь чувствовала чужой. Иногда себе говорила “как-же так – и там чужая, и здесь чужая?” Нет, не чужая, а как будто отделенная от этого общества. Там, в России, это переживали тяжелее. А здесь что? Здесь все наше. Просто, когда долго здесь не бываешь, становишься чужой. Как если к кому-то долго не приходишь, то эта семья становится чужой, это тоже самое.

Алина: Конечно, ты приходишь туда, где в твое отсутствие что-то произошло, между людьми сложились какие-то новые отношения, что-то создалось или же что-то изменилось – жизнь, культура. Один из ученых считает, что невозможно, чтобы мигрант, возвратившись на родину, в первое время не имел социокультурного конфликта с обществом.¹⁹ Ты приезжаешь, и сначала должен понять то новое, что видишь, потом принять это, чтобы вовлечься в эту жизнь, в уже созданные до тебя отношения. Здесь большое значение имеет то, как долго ты отсутствовал.

Арменуи: Согласна. Мой муж очень тяжело привыкал и смирялся, потому что очень долго был за границей.

Алина: Думаете, причина только в том, что он дольше жил в России? Время (проведенное за границей и на родине после возвращения),

¹⁸ К особенностям адаптации разных поколений мигрантов обращается З.И. Левин. Он также разделяет три группы мигрантов второго поколения на основе особенностей их аккультурации “домашние дети”, “амбивалентные”, “бунтари”. См. Левин З. И. Указ. соч., с. 124-126.

История Джона Акопяна – яркий пример мигранта-бунтаря второго поколения – хорошо иллюстрирует конфликт между этнической самоидентификацией мальчика и его родителей. (Что значит быть армянином? Из нью-йоркского журнала “Арагат” // Диаспоры: Независимый научный журнал, 2000, №1-2, с. 216-225).

¹⁹ См. статью Георга Стаута “Ремиграция и социальные изменения”, где автор обсуждает неизбежность социокультурного конфликта между реиммигрантом и местными (цит. по: Курылев А.Ю. Опыт трудовой деятельности российских ре-иммигрантов в сельском хозяйстве в 1920-е годы (на примере Первой Ирской коммуны ре-иммигрантов из Америки) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999, Вып. 1, с. 407).

конечно, является фактором, влияющим на процесс реадaptации, но есть и другие факторы тоже.

Арменуи: Причина, знаете, в первую очередь в работе. Он долго не мог найти работы. Ну я и не намеревалась работать, а муж искал работу. Но для мужчины не иметь работы, понимаете что это такое? Куда не обращаешься, везде – “нет”. По объявлениям смотришь – вроде соответствует их требованиям, имеет высшее образование, но говорят “нет, уже занято”. Но ты на сто процентов уверен, что не занято, просто ждут своих знакомых. Вот в этом случае чувствуешь, что ты чужой. Но потом уже нет. Как можно быть чужим здесь. Нет.

Алина: Фактически, отсутствие знакомых тоже вызывает чувство отчужденности. У тебя нет знакомых, информации (социального капитала). Из-за этого ты становишься аутсайдером, чужим. Нужно время, чтобы ты приобрел этот социальный капитал, который, с одной стороны, поможет тебе освоить существующий порядок, местные нормы, ценности, а с другой, вовлечется во взаимоотношения, в процесс обмена.

Арменуи: Знаете, как будто каждый в своей группе, каждый со своими. А ты как будто не часть этого, потом только потихоньку *становишься одним из них*.

Алина: Опять возвращаемся к идее, что когда ты приходишь туда, где что-то уже до тебя создано, ты должен “вторгнуться” в существующий распорядок. С одной стороны, это для тебя “болезненно”, а с другой, изменениям начинает противиться сама система, уже созданная до твоего прихода. Тебе приходится занимать тот участок жизненного пространства, который еще не занят. В то же время интересно, что преодолению отчужденности (может только психологической) помогает осознание того, что и после тебя тоже будут уезжать и приезжать.

Арменуи: Ну да, естественно. Например, если в Москве живешь в районе, где есть старые армяне, а ты только приехал... Ну, он себя уже чувствует местным. Хочет показать, что, мол, я здесь уже долгие годы живу. Наверное, это естественно, у всех так бывает. Он (кто раньше приехал – А. П.) как-бы в доминантной позиции. В этот момент он себя чувствует местным – “я со всем знаком, а ты еще новичок”. Все мы такие. Для всех приезжих, которые прибыли после нас, уже мы считались “старожилами”. Даже если ты всего на несколько месяцев раньше приехал, раньше кого-то, все равно, ты уже себя чувствуешь хозяином ситуации, выступаешь на правах хозяина дома, ты уже со всем знаком.

Алина: Я вспомнила одну историю про отношения, которые создаются в купе вагона. В купе заходит первый пассажир. Он ждет, когда придет второй, чтобы с ним познакомиться, одному в дороге скучно. Заходит второй пассажир, знакомятся, начинают беседовать, время течет быстрее. Во время беседы заходит третий. Поскольку первые два пассажира уже уложили свои вещи, то вещи третьего их уже стесняют. Первые два недовольно смотрят на него, потом продолжают свою беседу. Третий садится как можно дальше от них. Заходит четвертый пассажир. Становится еще теснее. Третий подходит к первым двум. Они втроем жалуются на тесноту и косо смотрят на четвертого, который пытается уложить свои вещи. Потом втроем говорят о том, как тесно вчетвером ехать в одном купе. Действительно, человек может столкнуться с недоброжелательностью только из-за того, что пришел позднее. Он пришел тогда, когда уже были созданы какие-то взаимоотношения. Появление же “нового, чужого” может заставить принять как “своего” того, кто до этого момента считался “чужим”.

Арменуи: Мы только переехали сюда, наша машина стояла прямо перед подъездом. Всем мешала, ну все же они “хозяева”, в общем, до тех пор пока не смогли убедить, что мы такие же хозяева, как и они. Если они получили свою квартиру от государства, то мы дали много денег, чтоб ее купить. Так что мы тоже хозяева.

Нвард: Я пока себя так не чувствую. После Сочи я пока не приспособилась. Как будто я не отсюда туда поехала, а оттуда сюда приехала. Как будто я там родилась и выросла. Тамошний порядок, законы, они ближе человеку, человеческой душе, они более располагали по сравнению с теми, что здесь.

Алина: Нвард, Вы, наверное, только приехали, поэтому часто вспоминаете жизнь в Сочи. Или может причина в том, что вы нехотя приехали, а Арменуи с нетерпением ждала возвращения? Исследования показывают, что на реадaptацию возвратившихся мигрантов влияет причина и цель эмиграции и возвращения. Некоторые ученые на этих основаниях выделили группы мигрантов.²⁰ По-моему мигранты, которые поехали за границу на временное проживание и с целью возвращения, при достижении цели миграции склонны к более безболезненной адаптации. Этому способствует то, что живя за границей они держат связь с родиной и даже, как говорилось ранее, пытаются в принимающей стране жить, как на родине. Однако если мигрант намерен обосноваться за границей, но возвращается по неожиданным

²⁰ Подробнее см. в следующей части.

или вынужденным причинам, его реадаптация проходит более болезненно. На это влияет то, что для обоснования и приспособления в принимающей стране мигрант был вынужден принять новый образ жизни и тем самым отказаться от “навыков”, необходимых для жизни на родине. Если к этому добавляется и нежелание вернуться, и вынужденное возвращение, то процесс адаптации усложняется.²¹

Самооценка

Алина: Многое зависит от самооценки. Ведь часто люди, нас окружающие, становятся нашим “зеркалом”: с их помощью, на основе оценок, которые они нам дают, и их отношения к нам, мы составляем мнение о себе. Но то, как мы интерпретируем себя, отражаясь в их “зеркале”, зависит от нашей самооценки. Мы можем доверять или не доверять мнению других, интерпретировать так или иначе, это, действительно, зависит от того, как мы сами себя оцениваем.

Нвард: Действительно. Когда я только приехала, мой муж снял для нас квартиру в районе богатых. Там случайных людей не было. Там жили люди, которые в настоящем или в прошлом занимали высокие посты. Это были собственные дома, очень спокойный район. Там мы ощущали себя бомжами.

Алина: Вы сами себя так называли, почему?

Нвард: Да, мы себя так называли. Во-первых стеснялись, что у нас нет машины, стеснялись нашей одежды, нашего состояния, того, что живем по найму. Это был такой район, где у каждого была своя машина, в одном дворе стояло шесть машин. Репетиторы приходили заниматься с детьми к ним на дом. На каких фирменных машинах разъезжали! В общем, все было по-другому. Даже в выходные дни на праздниках они очень спокойно веселились. Суеты города не было. Они отдыхали очень спокойно и на [высоком] уровне. Потом, соседи сперва косо на нас смотрели.

Алина: Почему?

Нвард: Не знаю, проходя по улице, как-то иначе смотрели, может оттого, что вначале мы сами комплексовали, не знаю. Но для нас были очень интересны их бассейны, их образ жизни, их собаки, дворы, они очень роскошно жили.

Алина: Любопытно, с одной стороны, когда ты, как приезжий жи-

²¹ Семья Нвард возвратилась по настоянию родителей мужа.

вещь лучше, чем местные, неприязнь с их стороны бывает сравнительно сильнее. С другой стороны, если ты живешь в районе, где уровень жизни выше твоего, это действует на твою самооценку. Интересно, какая ситуация больше способствует адаптации приезжих в принимающей стране?

Нвард: *Выбирая место для жилья, я больше думала о своих детях. Думала о том, чтобы мои дети не пострадали из-за моих шагов. Почему мои дети должны сидеть дома взаперти. Выводила детей с собой погулять, но это им ничего не давало. Водила их в садик, на карусели. Там я ничего не жалела. Да, я их хорошо кормила, но это ничего не давало для повышения их уровня. Единственной моей целью было то, чтобы обязательно детей определить в детский сад, обязательно. Я бы ни перед чем не остановилась. Я думала, что обращусь, скажу, что могу для них работать бесплатно, я медсестра, вот мои документы, но мои дети должны приходить в детский сад. Я готова была дать за это деньги, платить за детей. Хотела, чтобы дети адаптировались, чтобы почувствовали, кто рядом с ними живет. Там другой мир. Выучили бы язык, культуру. Там люди очень культурные, намного культурнее, чем наш здешний народ.*

Алина: Получилось, смогли определить детей в садик?

Нвард: *Было сложно. Стучала в двери детских садов, где мне говорили: “Нет. У вас нет прописки, вы не местные”. То есть как? Если я не местная, мой ребенок не имеет права ходить в детский сад? Но... Даешь деньги, и нет проблем, сразу становишься светом их очей. В детском саду все на уровне, какое меню, какое воспитание! Утром в восемь отводили, вечером в шесть приводили – сытые, одетые, воспитанные, обученные. Это было большим событием в нашей семье, очень обрадовались, так сказать, устроились.*

Алина: А Вы как себя чувствовали?

Нвард: Сперва, действительно, было очень сложно, очень. Был момент когда и денег не было, нужно было лекарство, а адрес аптеки не знали. Вначале стеснялись говорить по-русски, поскольку говорили с акцентом, а рядом все говорили очень ясно, и ты стеснялся того, как говоришь. Не знали, что после чего надо делать, особенно я. Муж хотя бы на работу ходил, возвращался, день как-то проходил, а я весь день с двумя детьми дома.

Алина: Вы стеснялись, и поэтому не выходили?

Нвард: Нет, выходили, ходили на пляж. Там были армяне из Ехег-

надзора²², мы познакомились и сблизились. Мы общались, но все равно было другое, как будто ты человек другого сорта. Всегда себя ниже ценишь. Понимаешь, ты сам себя ниже ставил, и поэтому тебе казалось, что другие на тебя не так смотрят.

Алина: А на работе?

Нвард: Когда врач мне предложила остаться работать в больнице, я сказала: “Не знаю”. Заведующая отделом спросила “Чего боишься?”. Я ответила: “Своего акцента”. “Да ну тебя, я тоже говорю с акцентом, знаешь, акцент какая колоритная штука, не думай об этом”. Сперва я все равно стеснялась, потом, когда начала работать в лаборатории, то эту лабораторию полностью оборудовали, обставили и т.д.²³

Алина: Расскажите, как поступили на работу?

Нвард: Мы только приехали тогда, и мои дети сильно заболели. Я уже ничего делать не могла. Сестра моя, врач в Москве, все время звонила, говорила: делай вот так и сяк. Ничего не помогало. Так случилось, что и я заболела, и у нас у троих температура была 40 градусов, муж мой не успевал. В общем, сказали: позвоните в скорую, пусть приедут, увезут.

Алина: Наверное, Вы не были уверены, что скорая помощь поможет, или, возможно, боялись, что опять скажут, что у вас нет прописки.

Нвард: Да. Сестра из Москвы сказала: “Нвард, не думай, ты точно не пропадешь”. Мы, конечно, не думали, что пропадем, просто было страшно оттого, что незнакомое место, а как дальше? Куда скорая увезет? Она сказала: “Смело звони, не твое дело, пусть приедут, неважно куда увезут. Они ответственность берут на себя”. Так я поступила на работу, как мать больного. На скорой привезли ребенка в больницу. Да, моего младшего, около трех лет, привезли и хотели иглой вставить систему. Я сказала: “Вы что, с ума сошли, у вас что, катетера нет? Надо катетер вставить. Разве можно ребенку в таком возрасте систему вставлять иглой?” Ответили, что у них катетера нет, только в реанимации. Я сказала, что у меня есть, и я сама поставлю. Спросили, кто я. Я сказала, так и так, я – медсестра. Сказали: “Ну, поставь, посмотрим, как ставишь”. Все медсестры собрались, заведующая отделом пришла

²² Город и район в Армении, родина Нвард и место ее нынешнего проживания. Этот эпизод еще раз показывает, как мигранты на первом этапе жизни в принимающем обществе склонны устанавливать связи с соотечественниками и даже формировать группы по принципу землячества. Об этом см. Фирсов Е., Кривушина В. Указ. соч., с. 10-20, где авторы описывают общину мигрантов - выходцев из Нагорного Карабаха.

²³ О роли работы и языка в интеграции см.: Хоффман-Новотны Х.-Й. и Эссер Х. (цит. по: Освальд И. Указ. соч. Глава 4, с. 15). Эти авторы придают разную значимость работе и языку. Интересно, что наш пример, с одной стороны, поддерживает положение Хоффмана-Новотны, который считает, что работа больше способствует интеграции, чем знание местного языка, но, с другой стороны, то, что Нвард не решалась устраиваться на работу из-за плохого знания языка, заставляет задуматься над предложенным Эссером первенством языка.

посмотреть, что и как я делаю. Я сказала, мол, я поставлю, а вы делайте все остальное. Поставила, все растерялись. Так заводделом предложила мне остаться у них работать. Я сказала, мой младший в садик не ходит, я только старшего устроила. Она мне посоветовала тем же способом младшего устроить и выходить на работу: “Я тебе дам должность процедурной медсестры на каждый день, все системы будут твоими, ты будешь ставить катетеры и научишь наших медсестер, а то мы для этого зовем [специалистов] из других больниц”. Так все дежурные медсестры бегали за мной, говорили, чтобы когда я буду ставить катетер, звала их. Приходили, пробовали сами.

Алина: Да, это так, когда на работе ты успешно с чем-то справляешься, это тебе помогает поднять самооценку.

Арменуи: Например, мои дети, все трое, очень хорошо учились, можно сказать, их в школе в пример ставили, и, вообще, наш народ среди них просто блистал. Но над моей старшей столько издевались, столько издевались! А среднюю ничего не интересовало, ей было наплевать на то, что издеваются.

Были люди *более понимающие*... Если, например, были знакомы с историей Армении, знали наших великих деятелей. Но если ничего не знали, не знали, например, кто такой Арам Хачатурян, о чем может идти тогда речь? Для них все на одно лицо – кавказцы. И все! Что еще объяснять? Не будешь же объяснять, какая мы нация. Или же то, что вы восторгаетесь Тиграном Петросяном, а он тоже выходец из нашей нации. На их кладбище на первом месте памятник Тиграну Петросяну, но не говорят, что этот человек сын нашей нации. Что им объяснять? Восторгаются Енгибаровым, памятник ему поставили, но... Ну что тут объяснять? Ничего не скажешь, среди армян и такие есть, что... Иногда видишь как себя ведут на улице, плохо себя чувствуешь. Ты сам армянин и плохо себя чувствуешь, уж и не говорю тогда о чужих, как они на это смотрят, конечно плохо. Наш народ как только две копейки увидит, неважно каким образом их раздобыть, тут же себя теряет. Очень быстро нагледут. И здесь это так, но когда это видишь там, это больше бросается в глаза. А то и здесь, и там есть и хорошее, и плохое.

Алина: Да, за границей часто оценивают людей как представителей какой-то группы, нации, несмотря на то, что эти качества вымышленные, обобщенные и не соответствуют истине по отношению к отдельно взятому человеку. Тебе как отдельной личности трудно добиться отношения, которое бы определялось именно твоими личными достоинствами и недостатками, твоим “я”. Тебя всегда отожд-

дествляют с какой-то группой, а когда ты в другой стране, то тебя часто отождествляют с бытующим там общим представлением о твоей нации. Твоя национальная принадлежность и то, как твоя нация славится в данной стране, всегда преследуют тебя, как тень.

Арменуи: Действительно, я разве виновата, что какой-то армянин некультурно себя ведет.

Алина: Но, с другой стороны, вы тоже так делаете. Вы требуете, чтобы к армянам в России хорошо относились, потому что когда-то Арам Хачатурян написал хорошую музыку.

Арменуи: В том месте, где мы жили, есть кинотеатр “Ереван”, его армяне построили. Многие здания там были построены армянами. Ну вот, говорили, все здесь армяне построили, все здесь армянское, армянский кинотеатр, магазин. Они сами говорят, что это армяне построили. Мы приехали и их кормим, чем же они недовольны? Все равно они недовольны. Они – неработающая нация, это всем известно. И те, кто едут туда, делают самую черную работу, чтобы выжить. Эту черную работу они не сделают, но внимательно следят за тем, со сколькими сумками этот приезжий возвращается домой, что купил. Ну ты весь день сидишь, кто тебе принесет, кто даст? Они любят просто сидеть, у них несколько домов, которые сдают по найму и на эти деньги живут и отмечают, что, вот, приехали, у них есть работа, а мы остались без работы. Москва была очень грязным городом, а теперь за каждым пачкающим тут есть убирающий. Эти самые узбеки, таджики выполняют эту черную работу. Они же вокруг них убирают, но все равно они недовольны. Говорят: “Вы зачем приехали, вы приехали, и мы остались без работы”. Но эту работу они бы в жизни не стали делать. Ту работу, которую делают приезжие, они никогда не сделают, хотя именно они достойны и...²⁴

Алина: Вам удалось в двух словах обрисовать ситуацию, о которой написано множество исследований. Очень трудно однозначно оценивать роль иммигранта в принимающем обществе. На эту оценку воздействует множество различных факторов. Исследователи приводят многочисленные аргументы о ценности иммиграции для принимающей страны. Но все эти аргументы имеют свои контраргументы. С одной стороны, местные выражают недовольство тем, что из-за иммигрантов они не могут найти работу.²⁵ С другой стороны, исследователи трудового

²⁴ См. концепции split labor market (разделенный трудовой рынок) и dual labor market (двойственный трудовой рынок), где представлено воздействие этнического фактора на сегментацию рынка труда в принимающей стране (см. Освальд И., Указ. соч. Глава 4, с. 17).

²⁵ Бадыштова И.М. Указ. соч., с. 41.

рынка разделяют мнение, что в основном иммигранты занимают те ниши трудового рынка, которые не заняты местными.²⁶ Некоторые утверждают, что рост процента иммиграции влечет за собой усиление мигрантофобии в принимающем обществе, с другой стороны, приводятся многочисленные примеры, где в обществах с большим числом иммигрантов мигрантофобия незначительна.²⁷ Этот ряд можно продолжить, отмечая как положительные аспекты иммиграции, так и негативные. Однако эти вопросы, мы думаем, должны быть не только, даже не столько вопросами научной дискуссии, сколько предметом политического регулирования.

Нвард: *Регулирование – важная вещь.* Там ты не всегда можешь иметь прописку или регистрацию. Из-за этого у тебя нет места, ты там – непрошенный гость, нежданный, нежеланный, так сказать. Когда идешь по улице, уже видно, что ты не местный, по твоей скованности видно. Но потом привыкаешь. Милиция останавливала, мы говорили: вот все деньги, что мы имеем, ты должен нам дать сдачи.²⁸ Когда тебе духу хватает сказать такое, они тоже соглашаются с твоим предложением.

Арменуи: Были моменты, когда я ругалась. Я могла ответить, но все равно, сколько ни отвечай, все равно все это на тебя сильно действует, остается неприятный осадок. Кто они такие, что даже в транспорте косо на тебя смотрят. Почему? Весь вопрос именно в этом – почему?

Алина: Мне кажется, то, что Нвард через какое-то время свыклась, а Вы нет, обусловлено и тем, что вы, уезжая, намеревались вернуться,²⁹ тогда как Нвард ехала, чтобы остаться там. Поэтому она настроила себя на то, что должна преодолеть все трудности, связанные с адаптацией к жизни в Сочи, и после их преодоления ее самооценка повысилась, это помогло ей решить остальные проблемы. Тогда как вы, так сказать, отказываясь адаптироваться к той жизни, самооправдание находили в лелеянии идеи возвращения, и каждый день, прожитый там, вы вместе с вашей семьей строили вокруг этой идеи³⁰. Может в этом и заключается причина того, что основу повышения самооценки Вы стали искать не в личных или семейных успехах, а в этнических.

²⁶ Там же. С.40.; Левин З.И. Указ. соч., с. 35.

²⁷ Владимир М. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство, с. 3. http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Malahov.pdf (20.12.2009).

²⁸ Речь идет о возможности договориться о сумме взятки.

²⁹ Об особенностях такого типа миграции и возвращения, известного под названием Return of conservatism см. подробнее Cerase E.F. (см. King R., Return Migration: Journey of Hope or Despair? Ed. by Bimal Ghosh, IOM and UN, 2000, p. 12). О воздействии на адаптацию мигранта фактора установки на возвращение см. также Юнгер К. (цит. по: Курылев А.Ю. Указ. соч., с. 405-406), Левин З. И. Указ. соч., с. 89.

³⁰ King R., Op. cit., p.12.

Арменуи: Но, знаете, часто люди неправильно представляют свою жизнь за границей. Люди пытаются показать свою жизнь намного лучше, чем было на самом деле. Была одна женщина, на которую милиция даже оружие подняла. Она попала в историю, но об этом не рассказывала. Меня спросила: “Когда поедешь в Армению, будешь рассказывать, что здесь плохие вещи происходили?” Я ответила: “Конечно, да. Разве можно не говорить об этом, а ты?” Она сказала, что не расскажет, лучше скажет, что все было очень хорошо. Я столько людей встречала, которым стыдно было признаваться, что они жили как бомжи – жили, работали в подвалах, лишь бы сказать, что вроде работаем за границей. Если этих людей спросить, как там им было, они ответят, что очень-очень хорошо. То есть как это “очень-очень хорошо”, в статусе бомжа хорошо? Эта женщина тоже говорила: “Зачем говорить о том, что было плохо, я лучше скажу, что было очень и очень хорошо”.³¹

Алина: Но зачем? Хотела создать образ успешной женщины, стеснялась своих неудач?

Арменуи: Возможно. Я своими глазами видела как работают! Но даже чернорабочий, видишь, говорит: “Было очень хорошо, я весь день лежал, а деньги сверху сыпались на меня”. Хотят представить, что там было очень хорошо, роскошно. Не знаю, зачем это, наверное, характер...

Нвард: В случае моей семьи, там действительно было хорошо. Там, в чужих стенах, в чужой стране мои дети себя чувствовали увереннее и лучше, это был больше их мир, чем в собственных стенах.

Алина: Почему? Как объяснить?

Нвард: Дело в быте. Там все суббота-воскресенье – праздники. Каждое воскресенье муж был дома. Каждое воскресенье всей семьей ехали на море. Каждый поход на море был для них праздником. В будние дни я тоже их брала на море. А в воскресенье обязательно, если не с другими, то всей семьей ехали веселиться. А здесь это невозможно, до этого руки не доходят.

Алина: Действительно, интересен тот факт, что очень часто ответы на многие вопросы мы ищем в общественных, экономических или же политических “обширных” полях. Например, проблемы адаптации

³¹ Ситуация, когда возвратившиеся мигранты перед соотечественниками хотят представить себя успешными, «повидавшими мир», хотят своей одеждой и обликом акцентировать статус «успешного» человека, описана и другими исследователями. В литературе обсуждается и другое интересное явление, когда от возвратившихся мигрантов ожидают определенного поведения, например, чтобы они отметили свое возвращение, пригласив музыкантов, устроив пир и т.п. Об этом подробнее см. King R., Op. cit., p. 33-40.

обычно связывают со спросом и предложением на рынке труда, с легальностью или нелегальностью проживания, с социальным напряжением и т.д. Это, конечно же, очень важные факторы. Но, с другой стороны, сколько новых факторов выявляется, когда начинаем рассматривать быт, каждодневную жизнь людей.

Заключение

На адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающей стране, а также на реадаптацию и реинтеграцию на родине после возвращения влияет много факторов. Среди них можно отметить время пребывания за границей, намерение остаться или вернуться (снова уехать), состав отбывающих (один человек, семья), дистанция между основной (mainstream) культурой принимающего общества и культурой мигранта и т.д. Этот ряд можно продолжить отметив многие политические, экономические, культурные и психологические факторы. Я решила остановиться на двух факторах, которые красной нитью проходят в историях двух моих собеседниц: отчужденность и самооценка.

Беседуя с Арменуи, нельзя не заметить, как часто она в своей речи обращалась к чувству отчужденности, что являлось для нее преградой на пути адаптации к московской жизни и заставляло лелеять идею возвращения, осложняя ее интеграцию в новое общество. С другой стороны, возвратившись в Армению, она быстро адаптировалась к здешней жизни и относительно легко нашла свое место, хотя вернулась не в свое прежнее поселение, а значит и не в очень знакомый для нее мир, а в Ереван.

В беседах с Нвард примечательно то, как она, в отличие от других мигрантов, не только говорила о том, что принимающее общество не принимает мигранта и он в нем – человек второго сорта, но и задумывалась о том, что это может быть прежде всего ее собственные чувства и ощущения. Осознание проблемы отчасти помогло Нвард преодолеть эти чувства и найти свое место в принимающем обществе. В то же время, вернувшись в Армению, после определенных достижений в Сочи, она часто с сожалением вспоминала оставленную там жизнь.

В настоящей статье я попыталась представить читателю все то, что в историях наших собеседниц связано с факторами отчужденности и самооценки. К чувству отчужденности в научной литературе обращались не раз, но самооценке мигрантов уделялось значительно меньше внимания. Что же нам об этом рассказывают Арменуи и Нвард?

Чувство отчужденности – это одно из тех чувств, которые сопровождают мигрантов на первом этапе проживания за границей, чему, наряду со многими другими факторами, способствует культурная дистанция между мигрантом и принимающим обществом. По этой причине у местных возникает неприязнь к иммигрантам, но, с другой стороны, сами иммигранты избегают общения с местными и переживают некое обострение этнической идентичности, что еще больше углубляет отчужденность. Это приводит к этнизации многих аспектов жизни мигрантов в принимающем обществе как местными, так и самими мигрантами.

Таким образом, имеет место не только явление отчуждения, но и само отчуждение. Эссенциалистический подход мигранта, в нашем случае Арменуи, способствует тому, что мигрант сам себя отчуждает от местных, ограничивая контакты с ними. Считая отчужденность неотъемлемой частью сущности мигранта, он как бы делает ее непреодолимой. Эссенциалистический подход проявляется также в реадаптации Арменуи в Армении. Уверенность в том, что человек не может быть чужим на родине, в этом случае помогло адаптации, поскольку отчужденность в Армении считалась ею неестественным состоянием, преодолимым со временем. С другой стороны, если даже мигранты по возвращению в Армению находили “новое общество”, оно, в отличие от российского, как им казалось, не было враждебным к ним, там жило много друзей и родственников. А в случаях Арменуи и Нвард пребывание за границей не было столь долгим, чтобы в образе жизни в Армении успели произойти радикальные изменения.

Тем не менее, есть факторы, которые помогают преодолеть чувство отчужденности. Из них мои собеседницы отмечают время, работу, знакомства и т.д.

Самооценка тоже очень важна в плане адаптации. Часто, уезжая в развитые страны, являясь социально незащищенными и незнакомыми с культурой принимающего общества, иммигранты имеют низкую самооценку, что мешает их отношениям с местными. В случае Арменуи ее низкая самооценка привела к замкнутости в своей этнической группе, к поиску основания для повышения самооценки в истории и культуре своей страны. Это выражается в частом упоминании значимости армянской культуры, вклада выдающихся лиц армянского происхождения в русскую культуру и т.д.

А в случае Нвард низкая самооценка подтолкнула женщину к ее преодолению, к повышению своего статуса с целью интеграции в принимающее общество.

Хотелось бы выделить еще одно интересное явление, о котором упоминалось в беседе – это склонность некоторых мигрантов создавать впечатление успешной и счастливой жизни за границей. В рассказах Арменуи и Нвард можно проследить сюжеты, где их знакомые мигранты по возвращению на родину приукрашивают свою жизнь за границей, а себя презентуют как “повидавших мир”.

Я рассчитываю, что истории Арменуи и Нвард помогут понять некоторые проблемы адаптации мигрантов и поднимут вопросы, требующие новых исследований. Возможно, читатель в этих историях увидит явления, которые не были достаточно освещены в статье. И, надеюсь, что он попробует дать другую, свою, интерпретацию “услышанной” беседе. Я также надеюсь, что этой статьей мне удалось хотя бы немного приблизить “возвышенную” и абстрактную науку к простому читателю, человеку, чья судьба собственно и исследуется. Я не исключаю возможности, что в дальнейшем мне (или кому-либо еще) удастся написать статью совместно с теми людьми, чьи истории жизни мы сегодня рассматриваем. И, возможно, в следующей статье виртуальные собеседницы станут уже реальными соавторами.

Tamta Melashvili

WHAT MAKES ME MIGRATE?

Socially and Culturally Constructed Motivations of Georgian Women's Migration

Introduction

The contemporary era is widely recognized as the “age of migration.” Over recent decades migration trends have grown increasingly complex and the number of female migrants has risen. Now women constitute about half of all global migration flows.¹ Though female migration still occurs due to family reunification, forced migration and trafficking, today more women than ever migrate independently in order to support their families or meet their own economic needs.² In the developed world, the combination of women's increased participation in the workforce and society's failure to develop family friendly labor policies and child-care options as well as the growing elderly population has led to a strong demand for the domestic labor of migrant women.³ Domestic work is socially constructed as a female domain. Hence, migrant women typically find themselves in the domestic employment sector, in which increasing international demand plays an important role in determining the growing trends of the feminizing of migration.

After the collapse of socialism many more countries joined the ranks of domestic work “suppliers” on the international market. After gaining independence in 1991, Georgia became an inseparable part of the global processes of migratory flows. Growing inequality and political insecurity, increasing flexibility of the international market and massive decline in employment encouraged large-scale and mostly undocumented migration from the state. Unofficial estimates put the number of Georgians who left

¹ UNFPA-IOM Expert Group (2006), *Female Migrants: Bridging the Gaps throughout the Life Cycle*. Selected Papers of the UNFPA-IOM Expert Group Meeting, New York.

² *ibid.*

³ Oishi, N. *Women in Motion: Globalization, State Policies, and Labor Migration in Asia*. Stanford, California: Stanford University Press, 2005, p. 3.

the country since 1990s at approximately 1.5 million people.⁴ Migration flows from Georgia have been directed towards the Russian Federation, the USA, Greece, Germany and other EU states.⁵ According to national census results, 62.2% of the total number of labor migrants are women.⁶ Demand for domestic labor force on the international level and massive feminization of responsibilities and work at the local level have conditioned the increasing feminization of migration from Georgia.

Thus, under the global trends of feminizing migration, exploring the international patterns of female migration is of special importance, especially for a country like Georgia, which has been experiencing large-scale emigration flows since gaining its independence.

This research tries to fill the gap which has formed due to the ignorance of gender-specific dimensions in the scarce literature about Georgian migration and focuses on one of the most important aspects of international female migration flows within the context of the sending country: the determinants of women's migration decisions. Specifically, it analyses the constructed motivations of Georgian women's migration decisions, as influenced by the cultural and social environment they live in. The main explorative questions of the study are as follows: *What are the factors that encourage Georgian women to migrate? How do they perceive their own migration decisions? How they construct their motivations?*

The research is based on an integrative approach to female migration which makes in-depth analysis of international female migration flows and tries to identify its encouraging and discouraging factors. Within the framework of an integrative approach I apply the concept of social legitimacy to Georgian women's migration motivations. The research is based on qualitative research methodology. The data is acquired from semi-structured interviews with Georgian migrant women of various ages, social statuses and backgrounds. The target group of the research is divided into three main categories: migrant mothers, migrant young single women and migrant middle-aged unmarried women. This kind of division derives from the different experiences, social statuses and life patterns of Georgian women, taking into account the gender-related prescriptions predominant in Georgian culture.

First I discuss the notion of social legitimacy and apply it to the Georgian case, then, in briefly examining Georgian society through the lens

⁴ The official number according to the 2002 census is approximately one million whereas the population of Georgia is 4.5 million people.

⁵ Migration in Georgia, A country Profile. 2008. Available at: http://itlab.ge/iom/pdf/M_Georgia.pdf.

⁶ Jashi, C. Tokmazishvili M. (2009), Gender Dimensions of the Financial Policy of Georgia. SIDA Publications, p. 106.

of gender relations, I aim to produce a short overview of the overall social and cultural environment Georgian women live in. After introducing the methodological part of my work, I shift to the main body of my study and, based on the acquired data, explore socially and culturally constructed factors which, along with economic incentives, play a crucial role in the migration decisions of Georgian women.

1. Gendering Georgian Migration

1.1. Social legitimacy for Georgian women's migration

The concept of social legitimacy was introduced by Nana Oishi within the framework of an integrative approach to international female migration. While she is investigating migration trends from Asian countries, I find Oishi's approach relevant to Georgia due to factors which I discuss later on. Unlike conventional migration theories, Oishi's integrative approach explores women's international migration on different levels of analysis – macro level (the state), micro level (individuals), and meso level (society) – in both migrant-sending and migrant-receiving countries. The goal of this approach is to identify the factors that encourage and discourage international female migration. On the macro level I emphasize the importance of the state and the major role it plays in determining the patterns of women's international migration flows. On the meso (society) level Oishi proposes the concept of social legitimacy, which is crucial to my research. For international female migration, social legitimacy means a set of norms that are conducive to women's migration. At the individual level she discusses the autonomy of women in the process of deciding to migrate.

Oishi supposes that social legitimacy for women's migration is rooted in a number of socio-economic factors such as: historical legacy of women's employment, the sending country's integration into the global economy, gender equality, particularly in education, and women's rural-urban mobility. Applying social legitimacy to the Georgian case reveals that the Soviet past has played a considerably positive role in its formation. The historical legacy of women's employment, according to Oishi, refers to the tradition in which women were engaged in economic activities outside their homes, whether in formal or informal sectors.

This kind of legacy has served to prepare society to accept women's economic activities outside the home and has helped lend social legitimacy

to female labor migration.⁷ From this perspective, the Soviet legacy of women's employment has had its own positive effects. The mass entry of women into the workforce as propagated by the Soviet state laid the groundwork for women to be actively engaged in the economic and public spheres. Though women rarely held leading positions, they were widely represented in the middle levels of management. Thus, Georgian women, like Soviet women on the whole, have had a considerable tradition of employment. It is notable that nine out of my 11 respondents have had employment experience.

Gender equality, and particularly equality in education, also affects - albeit indirectly - the levels of international female migration, Oishi says. Under Soviet rule, education was one of those rare realms where gender equality was attained.⁸ It is assumed that educated women are more autonomous and free in their decision making, including decisions about migration. Education also increases women's expectations for a better life. They have a more developed sense of agency. Ten out of 11 respondents had higher education and one was in the process of obtaining one.

Oishi argues that women's rural-urban mobility has established a more acceptable environment for women to migrate to foreign countries. Along with the massive industrialization and urbanization of the Soviet republics, women's rural-urban mobility also increased. Women moved internally as primary earners as well as accompanying family members. The rates were maintained and further expanded in post-Soviet Georgia, during the transitional period when many rural women lost their jobs and migrated to urban places for survival. Movements of internally displaced women due to local conflicts also contributed to this process.

According to Oishi, a country's integration into the global economy also serves as a factor encouraging social acceptance of female migration. Georgia entered the global economy as an independent country in 1991. Additionally, under the new Georgian national government, crossing the boundaries and moving about internationally became much more attainable and migration became widespread practice.

Thus, the social and economic factors mentioned above laid the groundwork for Georgian women's migration works to enjoy a high level of social legitimacy. Besides, the degree to which a society accepts and legitimizes international female migration significantly influences the

⁷ Oishi, N. *Women in Motion: Globalization, State Policies and Labor Migration in Asia*. Stanford, California: Stanford University Press, 2005, p. 48.

⁸ Donadze N. Kiknadze T. (2006). *The Problems of Gender Equality in Georgia*. Gender – Political and Social Studies. Tbilisi: Center for Social Sciences, p. 84.

decisions women make.⁹ Additionally, the Georgian government does not practice a so-called value-driven emigration policy as is the case in some Asian countries. It does not restrict or ban women's migration. If migrant women were stigmatized or their actions were limited by the government, this kind of large-scale female migration from the country would not occur. Factors such as the expectations of improvement of economic conditions further strengthen social legitimacy and stimulate women's incentives to migrate.

1.2. Gender aspects of Georgian society

Georgian society is a traditional one with well-defined roles for men as breadwinners and women as child-bearers. Traditional perceptions about gender roles and gender relations, actively propagated by the influential church, permanently strengthen the conditions under which a women's role is reduced to production and reproduction functions. A "good woman" is still defined by her role as a wife and mother – the primary caregiver. The exaggerated cult of motherhood makes Georgian culture very specific. Being a small Christian country surrounded by Muslim neighbours and having an important geopolitical position targeted by enemies for centuries, Georgia has developed various "defensive", compensative or adaptive survival mechanisms throughout history. Due to all these factors some values were strongly activated in Georgia's culture and mentality to "save" the nation. The emergence and fortification of the cult of motherhood was one of these factors. The existence of this cult helped the Georgian people survive as an autonomous ethnic entity. This historical trend was one determinant of the tendency to equalize the concepts of mother and woman in Georgian culture. Thus, motherhood grants special value to Georgian women and those who due to different reasons lack the opportunity to become mothers are stigmatized.¹⁰ Further propagated during the Soviet period, motherhood is a strong social phenomenon accepted as a primary obligation for women. Other forms of self-realization for them are not much appreciated.¹¹

Under socialism Georgian women shared the fate of other Soviet women. The Soviet state policy on women's emancipation turned out to be superficial and led to women suffering under the double burden of

⁹ Oishi, N. *Women in Motion: Globalization, State Policies and Labor Migration in Asia*. Stanford, California: Stanford University Press, 2005, p. 145.

¹⁰ Surmanidze, L. (2002), *Some Orientations of Georgian Culture. Gender in Georgia*. Tbilisi: International Center for Women's Education and Information, p. 9.

¹¹ *ibid.*

household affairs and career options. Despite some achievements during the Soviet era, like equal opportunities in education, gender equality was not achieved in many fields. Following the collapse of the Soviet Union, Georgia encountered severe economic and political problems which negatively impacted participation in economic life by Georgian citizens in general. Under conditions of mass unemployment and structural change of the labor market, women wound up mainly in low positions.

Following the economic and political transition, the system of values prevalent in Georgian society also underwent great changes. The process of re-evaluation of traditions and values turned out to be quite painful. Radical social and political changes deeply affected the lives of citizens who did not have appropriate experience and easily became vulnerable under the new conditions. Adaptation to the new environment became crucial for both men and women. Many Georgian men found themselves unable to adjust to the new realities and demands of the market economy. Women turned out to be more “prepared” to overcome the crisis. They set up their action plans for survival.

More and more women became the main providers for their families, though their options were quite limited. Migration became one of those limited alternatives and in some cases the only choice available for survival. It was mostly women - mothers, daughters and sisters - who took decisions to migrate and enter the legal or illegal workforce abroad. The increased number of unemployed men at home and the opportunities available to women to find jobs in the traditionally female gendered sphere abroad led to a shift of responsibilities of providing for families from men to women. I argue that this new role of women in participating in the world economy, as well as the feminization of responsibilities to support families, are the leitmotifs of the migration motivations of Georgian women.

2. Methodology

I placed my research in the framework of qualitative research methodology in order to maximally show the “participants’ perspective”. My aim was to explore how the participants of my study made sense of the events and behaviors linked to their migration experience and how their views were influenced by their behaviors. Thus, exploring the context within which participants act and understand the effects of this context on migrant women’s actions is of special importance in this case.

The data I acquired for my research is based on my fieldwork in Tbilisi and Tianeti in July and August 2009. The reason for choosing these places of origin for my interviewees was to ascertain if the perceptions of migration motivations and decisions of women differ in a particular way in the capital compared to the periphery. I conducted 11 in-depth semi-structured interviews with former and current migrants. (I chose the summer period for the interviews due to the fact that current migrants are mostly available during their summer returns to the homeland, when they usually have their vacations.)

The respondents were women of various ages, social statuses and backgrounds. Interviewees were divided into three sub-categories: migrant mothers, single young migrant women and middle-aged migrant women (unmarried.¹²) The sampling of the target group of my interviewees was determined by different social status, life experience and migration patterns they have in general. Five respondents from the sample group of migrant mothers, three respondents from the group of middle-aged unmarried women and three respondents from the group of young single women were interviewed. All of the interviewees from the group of migrant mothers were returned migrants.

Two members of the group of unmarried middle-aged migrant women had temporarily returned for summer holiday and one had returned permanently. Regarding the sample group of young migrant women, partly I used the data from my previous research about young Georgian women's migration experience in Germany. Though the topic of the previous study was a bit different and dealt with empowering aspects of migration, it absolutely covered the main questions of my current study. Among the three from this sample group interviewed in Tbilisi in 2009 two had returned permanently and one temporarily.

The oldest of the interviewees was 58 years old and the youngest was 24. Destination countries for migrant mothers and middle aged unmarried women were the USA, Greece, Italy and Israel, whereas for young single women it was primarily Germany. Apart from women of this group, all other respondents were undocumented migrants. Interviews were conducted in Georgian and were later transcribed and translated by me. Interviews lasted an average forty minutes and took place at a location of the respondents' choice, usually their private residences. With the assurance of confidentiality all of the women allowed interviews to be recorded, although all of their names used in the text are pseudonyms as most of them asked me to uphold their anonymity.

¹² I describe this sample group more precisely in the subchapter primarily concerning them.

Through analyzing the data obtained, I tried to reveal the main concepts, themes and issues mentioned by the interviewees. I also concentrated on the contexts, phrases and words they used most frequently. Additionally, I tried to examine how the respondents constructed the details of their past life linked to the motivations behind their migration decisions and how they presented the events related to them. From the beginning I identified some of my interviewees through my personal networks. I used the snowball method to find other respondents.

3. Constructing Migration Motivations

3.1. *Gendered causes of migration*

As Boyd and Grieco argue, there are three distinct stages where gender relations, roles and hierarchies influence the migration process and produce different outcomes for women: the pre-migration stage, the transition across the boundaries and the experience of migrants in receiving countries¹³. Taking into account the scope of my research, I discuss only the first stage. The authors further suggest that the pre-migration stage is affected by the following factors: gender relations and hierarchies, status and role of women and characteristics of the country of origin.

Gender relations and hierarchies within the family context affect women's migration because family is the first place where certain roles and obligations are assigned to women and this in turn determines their relative motivation and incentive to migrate. The interaction of women's roles, status and age within a particular socio-cultural context result in "migratory probability" which affects the ability of women to migrate¹⁴.

Women's participation in international migration reflects their social roles, their capacity and autonomy in making decisions as well as their access to resources. Accordingly, the existing gender stratification in origin and destination countries plays an important role. The degree of women's participation in social life and their access to resources and opportunities significantly affect their potential to migrate.

Hereafter, I discuss the migration motivations for each of the sample group of my study, naming the appropriate subchapters according to

¹³ Boyd M. Grieco E. (2003), *Women and Migration: Incorporating Gender into International Migration Theory*. Available at: <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?id=106>

¹⁴ *ibid.*

migration “projects” and migration incentives of women based on the data I acquired from my fieldwork.

3.2. Solo migration projects of young Georgian women

During the transitional period, many Georgian women, having lost their main source of income, began to seek second and third jobs by turning to the informal economy. In this age of “female creativity”,¹⁵ women began to invent all sorts of income-generating projects. The young women learned the lesson from their mothers, quickly adapted to the situation and decided to earn their own money in a better position¹⁶. Their high school or university diplomas were no longer sufficient, as they recognized that knowledge of the West and Western language skills were the key to getting ahead in the Westernizing economy. As their family-based social and financial capital was not enough to acquire the necessary education at home or find a proper job, many of them opted for international migration.

One of the most desired destinations for thousands of young Georgian migrant women was Germany. Many were recruited through Georgian and German au pair agencies and through social networks of au pairs themselves. The opportunity to leave for Germany as an au pair¹⁷ opened up for women (generally 18-24 years old) in the mid-1990s. Germany was a preferable destination for many young migrant women from former Soviet states and eastern European countries due to its “market demand” for au pairs, flexible educational system, highly regulated migration policies and developed welfare system.

My respondents said their au pair jobs gave them the opportunity to reside, work and study in a foreign country legally under safe conditions. In addition, au pair jobs were used as a stepping stone to social advancement as they became university students and remained in Germany to further their education. The goal to acquire a Western-type higher education was stated as the primary reason of migration by my respondents and au pair work was cited as the best opportunity to enter the destination country legally. I called this specific migration form the “German pattern” of young Georgian women’s migration and named it the “solo migration project” insofar as it is a form of independent migration and is implemented for self-fulfillment purposes.

¹⁵ The term introduced by Sabine Hess in Hess, S. (2005), *Feminized Transnational Spaces – Or the Interplay of Gender and Nation* Anthropology Yearbook on European Cultures (AYAC).

¹⁶ Here I mainly refer to those young women who migrated between the mid-1990s until the mid-2000s.

¹⁷ Au pair is a foreign domestic assistant working for and living with a host family. Typically, au pairs take on a share of the family’s responsibility for childcare as well as some housework and receive a small monetary allowance.

During data analysis, different social, cultural and psychological factors were revealed that condition the migration decisions of young Georgian women. One of the reasons stimulating my respondents' migration incentives was economic dependence on parents, as determined by massive unemployment and the lack of job opportunities. Specifically, from an economic perspective, migration is associated with earning money independently and, if need be, assisting family members financially. If one household member, in this case the daughter, migrates, it automatically means that parents have to provide for only those who are left in the country.

Thus, the migration of the young provides a kind of economic "relief" for the household. In addition, it seems that daughters have much greater motivation to migrate than do sons. This kind of gender-based division is rooted partly in the patriarchal values of Georgian society and partly in the demographic problems of the state.

For centuries, sons within the Georgian household have been perceived as the continuers of the family name and the keepers of the familial and ancestral values, whereas daughters have been automatically recognized as future wives and mothers of the "other", someone outside the original family. In a country like Georgia, where motherhood is a revered institution and woman's primary obligation is considered marriage and maternity, daughters are generally expected to leave the family for another one. Thus, the household unconsciously is already ready for the departure of the daughter. Hence, daughters' leaving is not felt as painfully as that of sons. It was interesting to find out that most respondents from this sample group claimed that their brothers lived in Georgia with their own families and had no intentions to migrate.

Due to the patriarchal nature of Georgian society, traditionally daughters have fewer privileges within their parents' families than their brothers. In private (familial) or public discourse their departure is a "minor" loss. However, my previous research revealed that this kind of "social disadvantage" for young women based on the gender stratification in Georgian society can be transformed into a "social advantage" leading to their empowerment. The study showed that young Georgian migrant women living in Germany perceive their migration experience as empowering due to the wide range of opportunities such as: access to Western-type higher education, the opportunity to lead independent lives, to work and have stable income, to finance their studies, organize their lives and plan their future.¹⁸

¹⁸ Melashvili T. (2009), *Georgian Women in Germany: Empowerment through Migration?* VDM Verlag, Saarbrücken, Germany.

3.3. “Survival projects” of Georgian migrant mothers

Nino says she led the life of an ordinary Georgian woman. After completing her higher education she got married. Though it was the beginning of the 1990s and the people encountered severe economic crisis and hardships of political conflicts, Nino said she was happy. She loved her husband and soon gave birth to her first child. Nino usually spent most of her time at home caring for her son while her husband worked and provided the family. After six years of marriage, her husband suddenly left her for another woman who was already seven months pregnant.

I felt so insulted and deceived. It seemed that my husband never really loved me and was cheating on me all that time. But the real shock came not from here. The real shock came from the catastrophic fear: how could I support my child, how could I survive? I had not even worked before. I did not even know where to start.

Her shock was so strong that she could not even get out of bed for some time. She did not sleep at all, obsessing day and night about how to manage the difficult situation.

He promised to take care of my son, to support us, but he was going to have a new baby with his new wife. He had another family to support and to take care of, so I realized that I was the only person left, besides my child. And suddenly I was struck by the idea of migration. My close friend had already lived in Greece for two years. I talked to her and she suggested that I go there. She promised to help me find there a job as a domestic worker.

Nino borrowed money for travel and visa and left the country. She said that all her family members, parents and siblings supported her in her decision. She said that most dramatic and painful moment in her life was the separation from her son. The adaptation period to a new country, society and circumstances was very difficult despite the fact that Nino found a job easily and was quite confident with her new work. She said that every single day spent abroad was devoted to her son. The thought that all the work she was doing was for the sake of her son's well-being kept her going. Nino accumulated enough savings to support her child and herself and after six years of living abroad she returned. Her son was already in his early teens. “He needed somebody to stand by him, especially at his age,” Nino said.

I described Nino's case in detail with the aim to show the influence of the discourse of prevalent cultural and social norms of Georgian society on her narrative. It is easy to see how traditional gender roles were distributed between Nino and her husband within their small family. Nino's perception of being happy was related to the feeling of possessing the main components of the life of a "successful woman" – she was a mother and had her own family. Her shock after her husband's departure was significantly determined by her failure to live up to her traditional role as a woman.

Then, left alone, she had to fight for another goal in her life – she had to become the providing parent and entirely devoted mother for her son. We can assume that Nino's migration decision was made in response to a combination of different incentives and pressures. The strongly developed sense of survival, protection and responsibility which are perceived as deeply coded segments of motherhood became an important motivator for Nino's migration.

Nino, who had no work experience before, whose everyday life was limited to household chores and the duties of caring for the child, who, presumably was an "inseparable part" of her extended family and had very little sense of independence, decided to leave the country for a completely different, new and unfamiliar environment. This particular case serves as a vivid example of how women's migration decisions are shaped under the process where women's "traditional" responsibilities are transformed and supplemented by relatively new obligations related to their acquired role of a breadwinner and provider.

Another respondent, Tamar, in her early fifties, followed her son, who left for the USA legally as a student and asked his mother to join him as he had problems with adaptation. Tamar did not have financial problems that would necessitate migration but decided to go to the USA as she was, first and foremost, the "patron" of her son, she said. Through informal networks and taking out loans she left for the USA and worked there for five years as an illegal domestic worker in the same city where her son lived, seeing him every weekend. Tamar expressed satisfaction with her migration experience.

Though the job was hard, she thinks she acquired "manifold skills" through migration. Her nature undoubtedly played a significant role in her migration decision, though specific gender norms also played their role. She knew that despite having no special economic reasons for leaving, her departure would be "justified" due to the widespread and common understanding of the obligations of motherhood. This kind of strong

bonding between mother and child which sometimes continues in adulthood is a characteristic of Georgian culture that was partly determined by the “historical” and “traditional” absence of the father who used to fight wars or, later on, work to support the family.

Another respondent, Iamze, worked as a teacher and had never been abroad alone. Severe economic hardships in her family led her to see migration as the only way to survive. She lived and worked in Israel for four years and managed to finance her children’s education, and buy a car and a flat in the capital. Though she intended to stay abroad much longer, she encountered serious health problems.

Asked why she and nobody else in her family took the decision to migrate, she replied that her husband was ill and had problems with his heart and added: “female workforce is more needed abroad.” In saying this she sought to justify her spouse’s inability to support the family in its difficult circumstances. Though she did not mention it explicitly, it seemed she herself already had health problems before migration. Still, the strong sense of responsibility and the obligation of motherhood made her ready to sacrifice even her own physical wellbeing for the sake of her children. In spite of the fact that she knew her health was deteriorating (and she could not allow herself to get an urgent operation), she still planned to stay and continue to work there but soon she was deported as an illegal worker. In Georgia she was able to get the operation.

I was so weakened that the doctor could not hide his surprise as to how I could stand on my legs and work; then he said: Iamze, say thank God that you have been deported; otherwise you would be in heaven right now. What can I say, it is the fate of a Georgian woman to devote her life to her children, when your children stay behind, your own life becomes worthless.

Iamze portrayed herself as a heroic mother sacrificing her health for her the well-being and economic stability of her family and the safe future of her children. The theme of the sacrificing mother and therefore heroic mother was a leitmotif of her narrative. Thus, by emphasizing it, she tried to legitimize not only her migration decision but her whole life. The self-sacrifice motif in Iamze’s story serves as the core factor for her self-perception as a good mother.

Lili lived in Israel for five years as a migrant. Like other respondents she also claimed economic hardship as the main reason for her decision

to migrate. Her children were university students and in need of financial support. Lili took this obligation upon herself. Her husband first opposed her decision to migrate but after he lost his job, he gave his permission. He did not allow her to take the “burden” of supporting the family for as long as he considered himself to be the bearer of this burden, but when he lost his job and automatically lost his function of a breadwinner, he had no other option but to adapt to the new gender role rearrangement within the family.

Another respondent, Manana, mother of three children, worked as a teacher with a salary that did not allow her even to buy bread. She decided to migrate to support her family as they had no other income to survive. In addition, there was a need to finance her children’s education as two of them were students and one was entering school. Manana said that she thought about migration for a long time but could not decide to leave. She recalled one moment which finally led her to take the decision. After visiting her children who lived and studied in the capital she set off to return to her town. She left all the money to them, and was left without money at all after she bought her travel ticket. She got so hungry along the way that she lost consciousness.

After that I thought it could not continue like this any longer. I did my best, took out a debt, filed documents and set off. I wanted to do more for my children and realized that I could do this only in another country.

In Manana’s narrative we also can find lines of the discourse of a sacrificing mother. Manana managed to finance her children’s education and made some savings as well. Among my respondents she seemed to miss her homeland the most while living abroad. “It was horrible to live in another’s land. I began writing poetry there in order not to think about my family, my children, my homeland. Nothing is as precious for me as Georgia and as my hometown.” It is interesting to note that, like many traditional societies, Georgian society also prescribes women the duty of the bearer and transmitter of cultural values and traditions to the future generations. It seemed that Manana was influenced by this kind of discourse as well as by a strongly developed sense of patriotic duty as an inseparable part of being a good mother.

Manana seemed to be satisfied with the results of her migration. She said she did her “utmost” for her children and that all of them successfully finished their education, found good jobs and now are able to support themselves and their own families. This was a source of pride and satisfaction for her, as she considered herself the main agent in arranging successful lives for her

children. Asking her why she and no-one else in her family took the decision to migrate in order to support the family, she answered me passionately:

Because I am strong. I am stronger than the others in my family, I am the strongest, and the barriers in my life make me much stronger. They make me fight, and you know what? When you are on the right path, God is with you.

Manana thinks that her decision was “right” because it is “right” for a mother to do all she can for her children. Therefore, she considers her migration experience successful and says she had God’s support. She unconsciously tries to emphasize her devotion as that of a “true Georgian mother” and considers herself an accomplished person. In addition, she depicts herself as a very strong person who takes on life’s challenges and adapts to new circumstances.

As we see, Georgian migrant mothers construct themselves as devoted / self-sacrificing mothers who feel pride and success in identifying themselves as such. These kinds of good motherhood constructs are equally accepted as the right performance for women by themselves, by their family members and by society as well. These images in turn involve the self-perceptions of women as heroic mothers which equal the perceptions of good motherhood and accordingly, that of being a successful woman. Thus, motherhood in Georgia involves a much broader spectrum of actions, calculations and expectations which are well expressed in the narratives of Georgian migrant mothers.

3.4. Gaining status through migration – projects of Georgian middle-aged unmarried women

Georgian middle-aged women were not excluded from the vast process of creating income-generating projects. The reason I included this specific group in my study derives from the underestimated status of these women in Georgian society. The strongly prevailing cult of motherhood devalues those women who for different reasons do not reproduce. In this case being beyond fertility age and being single works as a defining factor for these women to be undervalued as they remain without “the main function of the woman” - rearing and bearing children.¹⁹

Experts, on the basis of various studies, claim that the inferiority complex

¹⁹ Informally these women are labeled as “old maids” in Georgia, the name being closely intertwined with prevailing sexual dogmas and to a certain extent social and gender-based discrimination.

is mostly widespread amongst those Georgian women who due to different reasons have not reproduced²⁰. This attitude in society - considering unmarried adult women with no children to be failed persons - is determined by the patriarchal and male-centric nature of Georgian society.

Under such circumstances, a woman's aspiration for marriage and children is equalized to the aspiration to feel like a fully-fledged member of society. When doing so is not a possibility, women have to find other ways of maintaining their status in order not to be stigmatized. In their case, financial strength becomes a "salvation", and allows them to be considered more or less "realized" persons. In conditions of mass unemployment and poverty, migration in most cases is the only way for such women to acquire economic strength and, accordingly, maintain the position of a "fully-fledged member" of society.

Of three respondents I interviewed from this sample group, Asmati was a returned migrant; the others - Irina and Nana - were interviewed during their temporary return to Georgia in summer. Asmati is 56 years old, and Irina and Nana are 49 and 45, respectively. All of them were employed before migration, though Asmati mentioned that one of the reasons she decided to migrate was her retirement due to the labor cuts in the office where she used to work as an accountant. Nana worked as a kindergarten teacher and Irina as a nurse in a hospital. They mentioned that the salaries they earned were insufficient to support themselves. Only Asmati lived in her own private place, Irina and Nana lived in extended families with their brothers.

It was so difficult. I could do nothing. I could buy only bread for the family. Actually I was dependent on my brother and he had to take care of his own family, his kids. Winter came and my boots were so old, all torn apart, impossible to wear. He (my brother) gave me money to buy new ones. I said no, but he insisted. I bought new shoes but then I cried like a child all night long. Then I thought I had to do something. My brother really loved me but I could not be a burden for him. He had his own kids to take care of. (Nana)

Economic hardship was also the reason Asmati and Irina decided to migrate. Asmati did not have either savings or a job any more. There was no chance for her to find new employment because she was considered

²⁰ Surmanidze, L. (2002), Some Orientations of Georgian Culture. Gender in Georgia. Tbilisi: International Center for Women's Education and Information, p. 19.

to be too old “as it is a trend in Georgia, everywhere here young people are employed”. She used networks of her friends who already worked in Greece as domestic workers, took out a debt to finance her travel, filed the documents and left the country. Irina also mentioned “unbearable” economic conditions in her family and added that she had problems with her sister-in-law which further complicated her life. Thus, she also found migration as the only way to overcome the difficulties and left for Italy.

Though all the respondents mentioned economic reasons as their motivation to migrate and described in detail their hard lives before leaving, the socially and culturally constructed background for their decisions was easy to reveal. Their low status within their families played an important role in their decisions, which due to the common perceptions of Georgian society was even lower because of the fact that they could not support themselves and contribute to their extended families. The only way to compensate and improve their status was to earn their own money by working abroad.

It was interesting to follow the track of the narratives of my respondents and explore how they recounted their lives before and after migration. Before migration their lives were represented as miserable in comparison to the ones they led during migration and after. It seemed migration made it possible for them to “write” their own success stories.

Though all of them mentioned difficulties they encountered while living abroad, they were satisfied and proud of the results. Asmati, after working for five years abroad, returned and managed to start her own business. Now she has her own shop and runs it successfully. She says she now has enough income to support not only herself but also her relatives and friends. “Now I am confident in my peaceful years of life and do not fear the future,” she said.

Irina cheerfully shared with me her “achievements” as she talked about her current situation and future plans. She bought her own flat where she “will live quietly when she returns.” Now she is busy repairing it. She also talked about her personal feelings with family members, relatives and friends.

You won't believe it, but my sister in-law meets me in the station when I come back. Now we are friends (laughs). It's like I've been reborn. I am different. I feel much more strength inside me and much more respect from others. I help my brother's family whenever they need it. I always come back loaded with presents for my family members, friends and relatives.

Nana also mentioned the sense of empowerment she felt as a result of her migration. Apart from gaining economic independence and supporting her elderly parents and the family of her brother, she is also “successful “and happy in her private life.

“At this old age I found a person I love and I have my own private life,” she said, smiling.

It is interesting to see how economic independence and strength make these women feel that they are fully-fledged members of the society. After being seen as “failed women”, they managed to reclaim their status through migration, economic independence and the ability to support others.

Though the price of working abroad is high and involves a lot of work and stress, having their own income gives women a large degree of economic independence which gives them the chance to overcome the strict limits of the “traditional” status prescribed to them.

Conclusion

In this study I tried to explore the determinants and specific characteristics of the motivations behind Georgian women’s decisions to migrate, find out to what extent these motivations are based on women’s general societal status and how social legitimacy works in their case. The study shows that status of women, along with traditionally prescribed obligations and relatively new responsibilities laid upon them under transitional conditions, as well as challenges to improve and sustain the well-being of themselves and their families all define Georgian women’s incentives to migrate. My research once again shows that in the case of female migration many different factors play important roles, hence it cannot be explained as a simple phenomenon determined only by economic factors.

ARMENIA-GEORGIA RELATIONS (1918-1921), AS REFLECTED IN SCHOOL TEXTBOOKS: “WARS” OR “DIALOGUES” OF MEMORIES

Introduction

School, as an important agent of socialization, has a crucial role in forming students' worldviews. The state, in its turn, “through school, indoctrinates ideological schemes, inculcates civic values, and prepares the student to play life roles in future adult life”.¹ From the other side, “Our images of other people, or of ourselves for that matter, reflect the history we are taught as children. This history marks us for life. Its representation, which is for each one of us a discovery of the world, of our pasts as societies, embraces all our passing or permanent opinions, so that the traces of our first questioning, our first emotions, remain indelible”.²

Within the structure of any school the textbook is one of the most influential tools: it serves as a basis for the teacher to organize the education and discipline of the students. Moreover, the textbook is seen as perhaps a more “regularized and controlled” tool by the state than the others: teachers and teaching practices in classrooms. Analyses of textbooks show the “official view”³ the state tries to impose upon its citizens starting from childhood, and it seems natural that the acknowledgement of the “others” on the level of states is mainly left up to the state and the school, though there are other socialization agents such as the family, peer groups, and media that participate in the formation of the world view of children.

This is an even more topical issue in states whose recent histories have been full of conflict and disputes with other states. From this point of view, the studies in Luboš Veselý's (2008) edited volume, which explore the images of “self” and “others” in the national history textbooks of the

¹ Расизм в языке образования, под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008, с. 6.

² M. Ferro. The Use and Abuse of History or How the Past is Taught to Children, London and New York, 2003, p. ix.

³ V. Shnirelman also speaks about this generally arguing that “the modern state, especially nation-state, greatly signifies the role of the ‘official version’ of national history, and does its best to impose it upon the citizens through mass media, education system, museums, advertisements, and political speeches”. (See also Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003, с. 14).

three South Caucasus republics⁴ are quite useful. Thus, the need for cross-country analyses and comparison of historical “myths” and memory politics to reveal differences in presentations of the past is urgent.

“It is high time to confront these differing presentations of the past, for with the widening of the world’s horizons, with its economic unification but continuing political disunity, our differing views of the past have, more than ever, become one of the factors in conflict between states, nations, cultures and ethnic groups”⁵. Then the author names society’s dominant institutions (e.g. states, churches, political parties, private interests) as owners or sponsors of the media or the means of production – including the schools and the textbooks.

This general statement by M. Ferro fits in the context of the three South Caucasus countries’ presentations of the past. This article will focus on the case of Armenia and Georgia. Currently the two states do not have any political disputes or open conflict. According to the main official documents defining the priorities and strategies of foreign policy and national security, they are on each other’s lists of friendly countries, despite their different geo-political orientations and economic interests. The National security concept of Georgia⁶ declares it to be in “close partnership” with Armenia, and the strategic concept of national security of Armenia sees Georgia as a “state in the region with high-level relations with Armenia”.⁷

Ferro wrote: “Independently from its scientific vocation, history effectively exercises a double function, both therapeutic and militant”.⁸ In the Armenia-Georgia case, thus, the “dominant powers” of both countries do not have incentives and agendas to make use of the militant function of history – unlike in the cases of Azerbaijan for Armenia and Abkhazia and South Ossetia for Georgia⁹. That is to say, they do not need to use the past

⁴ The goal as specified by the editor was “to promote the principles of tolerance and respect for other nations, as well as to give room to different points of view and assessments of events and history itself rather than promote efforts to find a compromise and unified history, which will inevitably be nothing more than a mere compendium of facts”. (Vesely, Luboš (ed.). *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*. Prague 2008, p. 9).

⁵ M. Ferro, *Op. cit.*, pp. ix-x.

⁶ The full passage in the concept paper reads as the following “Georgia enjoys a close partnership with Armenia in all spheres of bilateral interest. Georgia believes that strengthening good neighborly relations and mutually beneficial cooperation with Armenia is in the national interest of both countries, and it contributes to strengthening traditional friendship, economic prosperity and political stability between the two states.” See details in National Security Paper of Republic of Georgia at http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=12&info_id=9052.

⁷ The National Security Strategy text in regard with Georgia starts with the following passage: “The relations between Armenia and Georgia have been traditionally friendly and facilitate significantly the maintenance of stability in the region”. See details in National Security Strategy of Republic of Armenia at <http://www.mil.am/arm/?page=49>.

⁸ M. Ferro, *Op. cit.*, p. xi.

⁹ The actual conflict situations involving Armenia and Azerbaijan, as well as Georgia and its Abkhazia and South Ossetia conflicts, have been a special focus both for “the dominant powers” when presenting the past (as M. Ferro points out), as well as for scholarly communities when defining research preferences since the collapse of the Soviet Union. Other dimensions such as common historical issues between Armenians and Georgians and between Georgians and Azerbaijanis are left without special attention.

as “one of the stakes in the clashes of the states, nations, cultures and ethnic groups”.¹⁰

Special research is needed to look into the issue of how a specific common past is interpreted and presented to the younger generation through schoolbooks. What will the analyses of the narratives and concepts reflected on the schoolbooks show? What was the choice of the “dominant powers”, which in this case are mostly the state and historians? Was it towards the concept of “wars of memories” as defined by Shnirelman¹¹ or “relationships of dialogue” defined by Bakhtin.¹²

In other words, in these wars of concepts, what function of history – militant or therapeutic – won out? If the decision is in favour of “dialogue”, the use of the past can be seen as “medicine” in preventing the possible transformation of the opposition of the “self” and “other” to the level of conflict and clashes.¹³ This is becoming an even more a topical issue for the post-Soviet republics in general and for Armenia and Georgia in particular.

As there are several natural obstacles in the way of the common cultural-historical space.¹⁴ Among them, as seen by several authors, are the issue of the declining cultural-historical distance between the societies – more so among the younger generation as a result of the conflict situation in the region – and differences between the geo-political orientations and economic interests of the countries.

Alteration of historical images and memories within a certain society as knowledge and ideologies develop and the function of history changes is another aspect of presentation – of the past.¹⁵ In the East, as M. Ferro states, from Prague to Ulan Bator, every variety of ethnic and national groupings found its history explained based on the same model, one supposedly conceived by Marx, but revised by Moscow.¹⁶ And currently, historians and textbook writers face the task of “correcting” the extremely skewed Soviet historiography, which was even more distorted during the first years of the newly independent states”.¹⁷ Hence, the issue of post-Soviet transformations in historiography and reformations in history teaching

¹⁰ М. Ферро. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992, с. 8.

¹¹ The concept and illustration for it on the case of Armenia, Azerbaijan, Nagorny Karabakh and Georgia, Abkhazia national histories and myths is the central concern of the book authored by Shnirelman. For details, please refer to the Шнирельман В. *Op. cit.*

¹² Национальные истории в советском и постсоветских государствах, под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, Москва, «АИРО-XX», 1999, с. 13.

¹³ К. Аймермахер, Г. Бордюгов, *Op. cit.*, p. 14.

¹⁴ Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003, с. 100.

¹⁵ М. Ферро, *Op. cit.*, p. ix. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, *Op. cit.*, p. 12.

¹⁶ М. Ферро, *Op. cit.*, p. x.

¹⁷ Шнирельман В. *Ibid.*

in each country becomes quite an important factor defining the above-mentioned possibilities for practicing the therapeutic function of history and dialogue of memories.

The article will try to demonstrate how the “clashes” between the First Republics of Armenia and Georgia, episodes which encompass the wider period of 1918-1921, have been presented in the history textbooks of both countries. We do not have any intention to express historical truth, nor do we want to consider the events from the point of view of historical science in Armenia¹⁸ and in Georgia.¹⁹ However a brief overview of the assessments and characteristics of post-Soviet historiography and shifts throughout the Soviet era, mainly “perestroika” has been provided to present a wider context for a better understanding of the developments related to the textbooks. Reformation in history teaching as a part of wider educational reforms will be discussed in the article in order to facilitate the understanding of actual possibilities and current realities of practicing textbook development and teaching in schools.

The article is based mainly on the analyses of the passages related to the nation-states’ emergence and their developments in the 20th century as described in textbooks (a total of 7 books have been reviewed) of national history textbooks in Armenia and Georgia. Specifically, it concentrates on the period of the democratic republic formation since 1918, Sovietization and Soviet republic formation, and finally the Soviet Union collapse and emergence of the independent state.

Analyses of the textbooks have been conducted in two directions: Soviet Period books – post-Soviet books: the last editions of the Soviet period (1986 and 1987) and post-Soviet editions – three in Armenia (1996, 2005, 2008) and two in Georgia (pre-reform period – 2003, and post-reform – 2008). This makes it possible to do a multi-dimensional comparison of Armenia-Georgia, Soviet vs. post-Soviet, and throughout the different editions of the post-Soviet era. Two additional methods have been used to draw the conclusions: desk research of materials regarding the whole topic and separate aspects of history teaching and historiography in both countries, as well as expert interviews with educational policy makers and implementers, and other related specialists.

¹⁸ The Armenian historiographical literature about the period of First Republic includes the following: V. Ghazakhet-syan. Republic of Armenia 1918-1920, Yerevan, 1993 (Armenian); G. Galoyan, Armenia and the Great Powers 1917-1923, Yerevan, 1991 (Armenian); E. Zohrabyan. Inter-ethnic Fights in Yerevan Province 1918, Yerevan 2000 (Armenia), A. Hakobyan, Republic of Armenia, Yerevan, 1993. Republic of Armenia 1918-1920 (political history), Collection of documents and materials. Yerevan 2000.

¹⁹ For account of the Georgian view of the Georgian-Armenian war see General G. I. Kvinitadze, Memories 1917-1921, Paris, 1985 (Russian).

History teaching reforms and textbooks in brief

In the end of the 1930s, histories of individual Soviet republics became part of the curriculum in schools.²⁰ After the collapse of the Soviet Union, significant reforms were initiated and have been implemented in independent Armenia and Georgia in order to put the education system in line with the market economy and democratic government systems, one dimension of which has been introducing new methods in the teaching of history, promoting critical and independent thinking, introducing a multi-perspective approach, and bringing awareness that history is interpretation.

However, reforms in history teaching in these two countries have proceeded with differing intensity, focus, and real intention to change history teaching: in Georgia this meant a total change of the existing system, one that intensified after the Rose Revolution,²¹ while Armenian reforms have been relatively mild and many other changes are still waiting to be initiated. According to the normative documentation accompanying reforms in Georgia, the new approach towards history teaching (world and national) includes the following principles and changes:

A) in terms of structure: integrated teaching (history with geography, world history and Georgian history), shift from pure chronological teaching to a mixed, thematic approach, and inclusion of civics in the curriculum.

B) In terms of content: to become more liberal (for example, in the curriculum, only certain concepts, content and details are left to the teacher's discretion), to provide alternative perspectives instead of a one-line narrative, to include more concepts about social life and religious and ethnic diversity.²²

Oliver Reisner, in one of his recent publications, states that “in contrast with the previous subjects ‘History of Georgia’ and ‘World History’ that were taught in an authoritarian manner, now pupils should be empowered to draw their own conclusions from a past presented from different angles in an integrated manner. This approach is in line with European methods of history teaching, as defined by the latest resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe”.²³

²⁰ Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003, с. 73.

²¹ History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks, CIMERA, Jeneva 2007, с. 41.

²² Национальный учебный план для общеобразовательной школы 2008-2009, Тбилиси 2008. National Aims of Public Education, Ministry of education and sciences of Georgia.

²³ O. Reisner. Interpreting the Past – From Political Manipulation to Critical Analysis?//Writing National Histories: Coming to Terms with the Past//Caucasus Analytical Digest No. 8, 17 July 2009 at <http://georgien.boell-net.de/downloads/CaucasusAnalyticalDigest08-1.pdf> (05.11.2009).

Since the 2004 reforms, the government has been decentralizing and liberalizing textbook development, publication and dissemination. Though there are no precise statistical data on the practical usage of textbooks in Georgian schools, experts say there are three or four main versions of history textbooks used widely by the schools in practice.

In Armenia, Armenian history is taught in schools with one textbook version throughout the country; however, the law provides other alternatives as well.²⁴ Test trials using the multi-perspective approach are being implemented in current Georgian textbooks, a development which constitutes a “huge step towards a more reflective, multi-perspective approach towards national history”.²⁵

The authors of the Armenian textbooks have taken the approach of rejecting previous ideological bias and emphases, while adhering to the main one-line history narrative. The normative documentation and guidebooks call on teachers to switch from the knowledge-based learning approach to the “teaching to learn” approach, as well as to shift to student-oriented teaching practices²⁶. These changes, however, are mostly in line with the recent shift of Armenian schooling to a twelve-year secondary education instead of ten or eleven years under the previous system.

The new principles of education have been reflected particularly in recent editions of history textbooks in Georgia, both in terms of structure and content. Thus, passages including the period of 1918-1921 follow a specific structure: the material is divided into chapters, subchapters and specific passages with titles. The presentation of the material is organized in the form of some brief narratives, several pieces of “interesting to know” texts, as well as short passages from corresponding sources, among which one can often see sources presenting multiple views (e.g. passages from speeches of politicians, official documents, testimonies of witnesses, etc.). Every chapter contains tasks relating to the topics for class discussion as well as questions aimed at revealing the viewpoints of the students. The pages of the book are in colour and feature numerous photos.

The above discussion describes the principles of teaching and textbook

²⁴ The issue of practicing centralized textbook publication for the national general schools is on the agenda of many societies in transition, one counterexample, though is the educational system of Israel, which according to Marutyan is also undergoing transformation but tends not to level and unify content, preferring a more diverse approach instead. He also suggests comparing it to one episode from the Armenian reality when the president of a diaspora Armenian organization writes an open-letter to the President of Armenia, one of the recommendations was create a pan-Armenian textbook for Higher Education Institutions in English, Russian and Turkish and make it available online on the website of the Institute of History, National Academy of Sciences. Details see at <http://www.noravank.am/am/?page=analitics&nid=1854> (19.01.09), and “Azg” Daily #15, 31-01-2009.

²⁵ Ibid.

²⁶ Materials for 5-day training ‘History and Social Sciences’ for teachers’ qualifications. Yerevan 2007 (Armenian).

development as provided in official documentation and policy-makers' declarations, but one should not infer that they precisely reflect the realities of teaching and the current situation. They are the "instructions" or "wishes" about how the process should be organized. However, the reality seems to be more complicated and reveals series of problems, weak points, hardships and obstacles to successful implementation.²⁷ For various reasons, "a large gap remains between the intended objectives outlined in the ministerial regulations and their skilful implementation".²⁸ Without going deeper into the reasons for such weaknesses and possible recommendations for improvement, one should keep in mind the mentioned current teaching practices and the opportunity to implement "reformed" methods and principles.

Dynamics of historiography and history teaching through the Soviet and post-Soviet period

In general, historiography and, correspondingly, history teaching during the Soviet era established the Marxist tradition of positive historiography.²⁹ As L. Giginishvili asserts, "the grand Marxist discourse was prevailing – as an inevitable dialectical process leading from the feudal society to the socialist, which itself was to be superseded by the communist".³⁰

On the other hand, within the framework of the dominant Soviet paradigm, it was possible to retain and form parallel national narratives, provided that they did not contradict the basic layout of the official narrative.³¹ Moreover, teaching national history was allowed, although it had to be seasoned with Marxist theories.³² As a result of this blend, the Georgian textbooks, for example, presented a vision of history that was largely the creation of Ilia Chavchavadze and his followers, that is, Georgia as a uniform phenomenon throughout the centuries, with its heroic and battered past.

²⁷ See also, O. Reisner, *Op. cit.*, N. Chikovani, K. Kakitashvili, Representation of "others" in the South Caucasus secondary school history textbooks, pp. 58-83// *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*, ed. Luboš Veselý, Prague 2008, I. Gundare, The Teaching of History in Georgia. With special focus on the Armenian and Azeri minorities and their representation in Georgian history textbooks, pp. 23-64// *History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks*, CIMERA, Geneva 2007.

²⁸ O. Reisner. *Op. cit.*, p. 3.

²⁹ See also N. Chikovani. *Op. cit.*, L. Giginishvili, Post-reform history textbooks in Georgia: changing patterns and the issue of minorities in Georgian history, pp 7-24// *History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks*, CIMERA, Geneva 2007, O. Reisner. *Op. cit.*, В. Шнирельман. Указ. соч., Ю. Анчабадзе, Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука, С. 161-178// *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*, под ред. К. Аймермахера, Г. Бордогова, Москва, «АИРО-XX», 1999.

³⁰ History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks, CIMERA, Geneva 2007, p. 10
³¹ M. Zolyan, T. Zakaryan, Armenia: the Images of "Self" and "Other" in Textbooks on History of Armenia, pp. 11-33 // *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*, ed. Luboš Veselý, Prague 2008, p. 18.

³² L. Giginishvili, *Op. cit.*, p. 10.

However, the Soviet Georgian history curriculum differed from the Chavchavadze model in that Georgia was no longer supposed to harbour romantic aspirations towards anything better (save Communism), its historical hardships having ended in the blessed era of Soviet Georgia.³³ This might be one of the reasons why thorough and objective research on the first Democratic Republics of Armenia and Georgia was absent. Discussions of the period and the First Republic were either taboo or were replaced with several unconvincing and negative clichés³⁴. Georgian historians, as stated by Anchabadze, were mostly engaged in the study of the ancient and medieval periods, clearly ignoring the new and modern periods.³⁵

A vivid example of the above-mentioned tendency in history textbooks during the Soviet period is the way Armenia's declaration of independence was assessed as "just a formal thing" and the "only the way they established bourgeois-nationalistic dictatorship of Dashnaks, which in fact was ruled by foreign imperialists"³⁶ in the 1986 Armenian history textbook. The same is seen in the Georgian textbook, which states that "in fact, the declaration of the 'independent democratic republic'³⁷ by Mensheviks turned out to be an evident deception. In practice, it was an occupation".³⁸

In general, clashing historical narratives were among the core components of the process of the Soviet collapse and the formation of new independent states.

Consequently, historiography was one of the first disciplines to react and to undergo, and in some cases, initiate changes. Though the main avenues for shifting focus in the two republics were different – the Armenian case presented a "Karabakhization" of history,³⁹ and the Georgian case a focus on Abkhaz and Ossetia issues – one thing was common: revision of the idea and the period of the First Democratic Republics (1918-1921). This shift can be described as idealization versus previous demonization.⁴⁰

This idealization tendency in historiography led to diametrically contradictory information about those periods of history,⁴¹ and this was also

³³ L. Gigineishvili, *Op. cit.*, p. 10-11.

³⁴ А. Искандарян, Б. Арутюнян, *Армения: «карабахизация» национальной истории*, стр. 147-160// *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*, под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, Москва, «АИРО-XX», 1999, с. 149.

³⁵ Ю. Анчабадзе. *Указ. соч.*, с. 171.

³⁶ Ts. Aghayan, Sh. Harutyunyan, *History of Armenian People 9-10th*, Yerevan 1986, p. 70 (Armenian).

³⁷ This expression is frequently encountered in "parenthesis" throughout the whole narration in the textbook of the period both in Armenia and Georgia.

³⁸ В. Гучуа, Ш. Мескиа. *История Грузии. Учебник VII-X классов*, Тб. 1987, с. 204.

³⁹ See in А. Искандарян, Б. Арутюнян. *Указ. соч.*

⁴⁰ Там же, с. 155.

⁴¹ Б. Арутюнян. *Историческая Наука в Армении в 1988-1998 гг. Краткий очерк. Вестник Общественных Наук* 2 (611), Ереван 2004, с. 55-67, с. 63.

reflected in the textbooks. In his article, "Time Turned Back: On the Use of History in Georgia," Maisuradze discusses the so-called "contra-representative myth" of Georgian history, "retelling Georgian history in a way that contradicted Soviet and pre-Soviet versions..., which is anchored in an idealization of the past which serves to compensate on a psychological level for the difficulties of the past".⁴²

Reisner also says the aim of textbooks from the 1990s was "to strengthen patriotic feelings to counterbalance the serious and traumatic defeats in Georgian state-building of the early 1990s"⁴³. The tendency for the theme to obtain special attention is clear in the analyses of history textbooks in both the Armenian and Georgian cases. In particular, the first cycle of revised history textbooks after the collapse of the Soviet Union included wider space (bigger texts and more photos). Similarly, idealization of actors from the period can be seen in the overly positive assessment of the government in the 2003 Georgian textbook. Here, it is worth mentioning that the "third generation", or post-reform textbooks (2008) in Georgia abstain from any kind of assessment. Another interesting point that comes out of the comparative discussion of Armenian and Georgian revisions is that whereas the recent Georgian revision has somehow neutralized its direct evaluation, the Armenian recent edition, on the contrary, increased attention to the theme in comparison with the 2005 edition.

"Friendship (brotherhood) of nations" is another "revised" concept within the wider shifts of historiography and its reflection in the textbooks of newly independent republics, which is closely tied to ethno-political conflicts in the region. We discussed above the tendency for revisionist texts to focus on Armenia-Azerbaijan historical relations in Armenia, and the history of the Abkhazia and South Ossetia issues in Georgia. However, several other chapters of history were considered taboo in Soviet times: "black spots concerned relations between Armenia and neighbours"⁴⁴, among them was also the discussion of Armenia-Georgia relations. Analysis of the history textbook texts, both Armenian and Georgian, clearly shows the shift from the previous concepts of "friendship of nations" and "joint struggle for communism".

The 1987 edition of history textbooks presents a slight allusion to the

⁴² G. Maisuradze, *Time Turned Back: On the Use of History in Georgia*// *Writing National Histories: Coming to Terms with the Past*//Caucasus Analytical Digest No. 8, 17 July 2009, p. 13.
<http://georgien.boell-net.de/downloads/CaucasusAnalyticalDigest08-1.pdf> (05.11.09).

⁴³ O. Reisner. *Op. cit.*, p. 3.

⁴⁴ S. Minasyan, *Armenia's Attitude Towards its Past: History and Politics*//*Writing National Histories: Coming to Terms with the Past*//Caucasus Analytical Digest No. 8, 17 July 2009, p. 11.
<http://georgien.boell-net.de/downloads/CaucasusAnalyticalDigest08-1.pdf> (05.11.09).

issue of the “territorial, borderline dispute of 1918” between the Armenian and Georgian Republics, compared to a more significant presentation in all the post-Soviet editions. It is not presented as a separate issue, though there are two mentions of it. The first one is a rather indirect statement about “the fratricidal clashes organized by Dashnaks [in Armenia], Mussavats [in Azerbaijan] and Mensheviks [in Georgia],”⁴⁵ which in turn is included in a broader sub-chapter titled, “Internal and Foreign Policy of the Government”⁴⁶. In this sense, the 1987 Georgian textbook maintains total silence, without presenting any information, statement or hint regarding the issue.

Armenia-Georgia relations in 1918-1921: Reflections on secondary school textbooks across time and countries

The previous section briefly discussed common shifts of concepts from Soviet to post-Soviet textbook revisions. The following section provides a more detailed account of Armenia-Georgia relations of 1918-1921 in general, and in particular the “territorial dispute” or “short war” between the Armenian and Georgian Democratic Republics as presented in Armenian and Georgian textbooks. We seek to present the topic with structural components inherent to the term “conflict”, which will include the following topics: introduction, text explaining the issue; general concept, reasons, and roots; description of the starting point and the escalation of the conflict; conflict settlement activities, and presentation of the “final” resolution.

Neither Armenian nor Georgian textbooks present the conflict in a scheme of “conflict analysis”, however. The difference between the two is that passages in the Armenian textbooks have an organized structure (general concept, reasons, specific events, etc.) while Georgian textbooks are poorly structured and freely narrated and present a less coherent picture.

General approach to the issue

The general trend for organizing the post-Soviet Armenian textbooks is that the issue is presented under the title “Armenian-Georgian relations” as a subchapter to the chapter devoted to Armenia’s foreign relations during

⁴⁵ Ts. Aghayan, Sh. Harutyunyan, *Op. cit.*, p. 72.

⁴⁶ The whole passage reads as follows: “Dashnaks, Mussavats and Mensheviks stirred up national hatred, mutual hostility in multinational Transcaucasia. They kept on organizing fratricidal clashes with the aim to distort the cooperation of the workers, to shift their attention from the class struggle and in so doing strengthen their authority.” (see *Ibid*).

the period. The choice of titles and distribution of themes put the issue in the context of “relations” rather than “hostility or conflict”. The 2008 Georgian edition textbook has a similar organization of titles and wording of themes: Armenia-Georgia relations are presented in the subchapter relating to foreign policy of the Republic of Georgia in the context of a wider geopolitical situation. While the 2003 edition presented the issue in a bigger chapter titled, “Struggle for the Territorial Integrity of Georgia”, with the following opening words: “encroachment upon the historical territory of Georgia”. Interestingly, the 1987 Georgian textbook did not contain any information, statement or hint regarding the issue. The 1986 Armenian textbook briefly refers to the issue of the “territorial, borderline dispute between Armenian and Georgian Republics of 1918”.

Introduction to the dispute

The Armenian text, before touching on the Armenia-Georgia conflict of the time, offers students an introductory text including statements with a friendly attitude towards Georgia and the Georgian people, unlike the Georgian textbooks, which do not contain any Armenia-friendly text. Particularly, “the establishment of good-neighbourly relations with direct neighbours-Turkey, Georgia, Azerbaijan, and Persia” is presented as one of the directions of foreign policy of the republic.

Georgia is termed as a “friendly” country, second only after Iran among Armenia’s neighbouring countries. Georgia is presented as a country through which Armenia was linked to the world and through which trade passed. In later passages, the relationship between the Armenian and Georgian peoples before the given period is assessed as “friendly” and “good”, and their “joint struggle against alien conquerors”⁴⁷ is stressed.

General concept, reason, and roots

Within the broader discussion of the “territorial-border disputes” that the first Independent Armenian Republic had with its direct neighbours, the Armenia-Georgia case is presented with the following wording: “the newly declared Republic of Georgia intended to enclose Lori and Akhalkalak[i]

⁴⁷ V. Barkhudaryan, *Armenian History* 9, Yerevan 2008, p. 24 (Armenian). V. Barkhudaryan, *Armenian History* 8, Yerevan 2005, p. 17 (Armenian).

into its borderlines”⁴⁸. The unfair administrative-territorial division made during the Tsarist period (“Lori and Akhalkalak[i], two Armenian regions, had been included in Tiflis province”⁴⁹) is presented as the reason for the Armenia-Georgia territorial border dispute.

The 2008 Georgian textbook also refers to “disputes over the borders” as the reason for the “war between Armenia and Georgia”. While the 2003 edition presents the concept of “encroachment upon the integrity of the Democratic Republic of Georgia by the Armenian Republic”, providing the reason as “the rejection of the Armenian claims by the Georgian government” to hand over historically Georgian territories in southern Georgia (Javakheti); Kartli (Tbilisi, Gori), and Adjara (Batumi)”.⁵⁰

Starting point and escalation of conflict

Various editions of the post-Soviet Armenian textbooks mainly present the narrative of “the dispute which transformed into an armed conflict (or war)”. The 2008 textbook describes the starting point as “Armenian units entering Lori, shortly after Georgian authorities started violating the rights of the local Armenian population”.⁵¹ The 2005 edition, however, names Georgia’s entry into the region as the starting point for the conflict. The escalation is described in the following way “...the struggle for the region of Lori in 1918 grew into a short-term Armenian-Georgian war, which ended with the occupation of the region by Armenian forces”.⁵²

The 2008 Georgian textbook, quoting a passage from Georgian Democratic Republic leader Noe Zhordania’s speech,⁵³ presents Armenia as the attacking party. The 2003 Georgian textbook offers a picture where Armenia was the first to attack and “to start war against Georgia” with its “demand that Georgian government relinquish territories up to Gori (including Tbilisi)”. According to this narrative, in response to the Armenian attacks, the “Georgian regular Army and National Guard went on the offensive. The aggressor pulled back with big losses”.⁵⁴ Nearly the same content is in the

⁴⁸ V. Barkhudaryan, *Op. cit.*, p. 25, V. Barkhudaryan, *Ibid.*

⁴⁹ V. Barkhudaryan, *Ibid.*

⁵⁰ М. Вачнадзе, В. Гурули, *История Грузии XI*, Тбилиси, 2003, с. 103.

⁵¹ V. Barkhudaryan, *Armenian History* 8, Yerevan 2005, p. 17 (Armenian).

⁵² V. Barkhudaryan. *Ibid.* V. Barkhudaryan *Armenian History* 8th grade, Yerevan 1998, p. 41.

⁵³ “Citizens, what has happened is something that was not supposed to happen. At the time when the blaze of the world war has been extinguished, when the great powers have put their swords into the hearts and start a peaceful life, the Government of Armenia surreptitiously attacks the Republic of Georgia”. Noe Zhordania (see in N. Kvitaishvili, D. Malazonia, T. Malazonia, *History of Georgia* 9th grade, Tbilisi, 2008, p. 301 (Georgian)).

⁵⁴ М. Вачнадзе, В. Гурули. *Указ. соч.*, с. 106.

2008 edition (“The Georgian troops succeeded in repelling the attack of the Armenian troops and launched a counter-attack soon after”).⁵⁵

This description of events contains the most controversial information, because here we see completely different interpretations and facts about the same issue and period in Armenian and Georgian visions. Another matter is that the Armenian editions seem to keep nearly the same narration along with the various editions, while the two Georgian books have different emphases.

Conflict resolution/settlement activities

In post-Soviet editions of Armenian textbooks, the mediating role of the ally countries (military representatives of the Entente cordiale, England and France) in the conflict settlement is stressed while presenting the 1919 January agreement that designated Lori as a neutral zone: a general-governorship (Russian: “general-gubernatorstvo”) under the supervision of England. The 2008 Georgian textbooks refer to the Lori region as having been declared a neutral zone “over which Georgia did not have jurisdiction any more” as “the result of long negotiations.” Moreover, the textbook stresses that “the conflicting parties were compelled to peace”.⁵⁶

The 2003 Georgian textbook presents the resolution with the focus on England not as a just mediator, but as a “protector” of the Armenians (“England was helping Armenia to avoid a large military and political catastrophe”⁵⁷) and refers to Lori as a Georgian territory that was declared a neutral zone.

Armenian textbooks (1996, 2005, 2008) present the “Armenian-Georgian disputed territorial issue as finally resolved in 1921 when the Akhalkalaki region was attached to Georgia and Lori to Armenia”. The 2005 edition offers the following process of resolution “...Georgia also became Soviet (25 February 1921), with this the Sovietization of the whole South Caucasus occurred, thus spreading Russia’s influence in the whole territory of the region. Soviet Georgia recognized the Lori region’s attachment to Armenia. These two countries signed a separate treaty on the issue. And with the consent of Soviet Armenia, Akhalkalaki was attached to Georgia”.⁵⁸

This topic is covered in future chapters of the textbook regarding the

⁵⁵ N. Kvitaishvili, D. Malazonia, T. Malazonia. Ibid.

⁵⁶ N. Kvitaishvili, D. Malazonia, T. Malazonia. Ibid.

⁵⁷ М. Вачнадзе, В. Гурули. Там же.

⁵⁸ V. Barkhudaryan, *Armenian History* 8, Yerevan 2005, p. 49 (Armenian).

Sovietization process of Armenia and the first years of Soviet Armenia. Interestingly, Georgian textbooks remain silent on further developments around the issue and its final resolution. Similarly, the Georgian textbooks of the Soviet period (1987) do not contain any information regarding the issue. While the Armenian edition of the same period (1986) has some references to the theme, the dispute is not presented separately. Rather, it is mentioned twice, the first time in an indirect statement about “the fratricidal clashes organized by Dashnaks, Mussavats and Mensheviks”.⁵⁹

The second passage related to the issue is in the subchapter titled, “First Initiatives of the Soviet Authorities,” presenting the issues of formation and strengthening of the Armenian Soviet Socialist Republic. The textbook presents it as the “achievement” of Soviet rule in “expanding the territory” with Lori which previously had been declared a neutral zone at the initiative of the Entente states”. The issue is presented in the framework of an “armed revolt of the working class of Lori region against the Menshevik government of Georgia”. The final resolution is described as “the victory of the revolt with the help of 11th army, and Lori being joined to Soviet Armenia”.⁶⁰

Conclusions

School history textbooks are one of the means for children’s socialization that are most controllable by the state or other ‘dominant powers’. While discussing interstate relations in conflicting episodes from the past, the ideas expressed in the textbook can cause problems for the future, especially if the ‘wars of memory’ stance is preferred to that of ‘relationships of dialogue.’

This precaution also refers to the case of the Armenian and Georgian textbooks, for they contain latent conflict (in the sense that it is not much discussed and analysed against the background of more current and heated conflicts in Karabakh, Abkhazia and South Ossetia), particularly with regard to the presentation of the territorial dispute in 1918. One of the general trends for the post-Soviet shifts in the historiographies of both countries was the revision of issues referring to the period of the first democratic republics (1918-1921); the Soviet idealization was replaced by the post-

⁵⁹ The whole passage reads as follows: “Dashnaks, Mussavats and Mensheviks stirred up national hatred, mutual hostility in multinational Transcaucasia. They kept on organizing fratricidal clashes with the aim to distort the cooperation of the workers, to shift their attention from the class struggle and with these to strengthen their authority.” (see in Ts. Aghayan, Sh. Harutyunyan, *History of Armenian People 9-10th*, Yerevan 1986, p. 72).

⁶⁰ *Op. cit.*, p. 96.

Soviet one. Similarly, the Armenian-Georgian dispute at issue as well as the ensuing short war was left out by the Soviet textbooks, and came to the fore with the idealization elements in the post-Soviet textbooks in both countries (one exception is the Georgian textbook of 2008, which does not contain any explicit evaluations and interpretations in the narrative).

As to the description and interpretation of the dispute, the Armenian and Georgian post-Soviet textbooks present radically opposing viewpoints (with the difference that Armenian textbooks, while putting blame on the Georgian Menshevik government, still maintain a friendly tone towards Georgia, something that is absent in the Georgian textbooks).

Modern Armenian textbooks remain more traditional in the sense of maintaining a more uniform approach in narrating history with less space for pluralistic visions and assessments. In the case of the Georgian textbooks, after 2003 they adopted a more critical approach, giving room for various interpretations and with a bigger space for generating students' independent visions and estimations.

Though more multi-perspective than the Armenian textbooks, the latest Georgian approach to presenting history could be of considerable benefit and become a tool for the resolution of the wars of memory between Armenia and Georgia if it also incorporated the Armenian perspective. This, of course, could become a model for the Armenian counterparts too. Thus, there is a need for the textbooks in Armenia and Georgia to be brought to a certain unitary position in terms of being multi-perspective. This position will contribute to the processes of socialization of the Armenian and Georgian students in the Bakhtinian sense of "relationships of dialogue" or implement the "therapeutic function" of history as defined by Ferro.

In order to achieve such a solution, there is an obvious need for further joint discussions. One example of such efforts was the "Tbilisi initiative" of the Council of Europe, launched in May 2000 which resulted in the "Declaration adopted at the regional Conference of Ministers of Education".⁶¹ However, some time after the conference, the following statement was posted on the official website of the CoE: "The 'Tbilisi Initiative' project has produced significant results and achieved the major part of the goals planned. The only result which has not been achieved within the project was the publication of supplementary pedagogical material on the history of the Caucasus prepared by the teams of authors appointed by the Ministries of Education of the countries concerned. This material was

⁶¹ See details at http://www.coe.int/t/dg4/education/historyteaching/Source/Cooperation/TbilisiInitiative/TbilisiDeclaration2000_en.pdf

intended to supplement and not to replace textbooks used in the countries involved in the project”.⁶²

Our study showed that the participants had to stop the publication process due to various disagreements among the parties (Armenia, Azerbaijan, and Georgia). As one of the members of the project argued, the participation of high-ranking officials such as ministers prevented the book from getting the needed approval for publication. Recently, the NGO Analytical Centre of Globalization and Regional Cooperation, with the support of Caritas France Foundation, published a book (edited by S. Grigoryan) titled “Historical sketches of the countries of the South Caucasus: A multicultural view on history” (2009).⁶³

Far from presenting a common history, the book includes three separate texts representing the history as viewed by each of the three countries.⁶⁴ Perhaps this is another way of solving the problem. One thing is clear: further research is needed to shed light on many other episodes of shared history not only within the history textbooks but also in finding parallels and contradictions in historiographies as a basis for possible discussion and joint efforts. Future research may answer the question as to why the territorial issue is so important for Armenians and Georgians (in this case); whether the content of the textbooks has deep roots in the historiographies and, if yes, whether those roots can be modified so that “two trees – Armenia and Georgia – may prosper under less risky terms under the same sun”.⁶⁵

⁶² See details at the official website of CoE at http://www.coe.int/t/dg4/education/historyteaching/cooperation/South-Caucasus/SouthCaucasusIntro_en.asp

⁶³ Очерки истории стран Южного Кавказа. Мультикультуральный взгляд на историю.

⁶⁴ See details at <http://www.acgrc.am/statement091221.htm>

⁶⁵ I am grateful to my colleague Levan Gigineishvili for his meaningful remarks on the article and for this last artistic expression.

Шорена Габуня – критик искусств и социальный антрополог. Основное направление ее научного исследования – это отражение социально-политических явлений в искусстве. В частности ее интересуют проблемы наложения личного взгляда на социально-культурную окружающую среду в современном обществе. Ш. Габуня анализирует различные виды искусства в нетрадиционных городских сообществах с точки зрения исследования взаимоотношения искусства и гендерных проблем, останавливая свое внимание на роли искусства – служить средством для социальной коммуникации в изолированных сообществах.

Последние публикации: 1) *“Я никогда не забуду, что всем лучшим, что у меня есть, я обязана интернету”*: роль виртуальной коммуникации в жизни женщин-лесбиянок в Тбилиси. Тбилиси, Женский фонд в Грузии, 2010 г.; 2) *Гомосексуализм в культуре Тбилиси: неочерченная субкультура*. Тбилиси, HBS, 2009 г.

Тамта Мелашвили получила степень магистра в области гендерных исследований в Центральноевропейском университете. Несколько лет она жила в Германии как мигрант. С тех пор она стала интересоваться гендерными и миграционными вопросами. В настоящее время она проживает в Грузии и работает в неправительственном секторе.

Екатерина Церетели родилась в г. Сухуми. Она вынуждена была оставить свой родной город и искать убежище. Е. Церетели закончила Тбилисский государственный университет и получила степень бакалавра социологии. Она работала в различных общественных и частных компаниях. Свой опыт работы в Фонде им. Генриха Бёлля она считает уникальным и незабываемым, поскольку исследование проблемы, важной для нее самой, дало ей шанс лучше разобраться как в самой проблеме, так и в себе.

Алина Погосян в 1999 году поступила в Ереванский государственный университет на факультет социологии. В 2004 году она продолжила обучение на факультете этнографии (ЕГУ). В настоящее время она работает научным сотрудником в Институте археологии и этнографии при Национальной академии наук Армении. В качестве руководящего исследователя А. Погосян принимала участие в ряде исследований миграционных вопросов, в частности: “Трудовая миг-

рация из Армении 2005-2008 гг.”, “Миграция возвращения в 2008 году”, “Армения: миграция и развитие”, “Оценка программы помощи реинтеграции возвращающимся” и т. д. Она является автором более 10-ти публикаций, среди которых книги (исследования) и статьи по миграционным вопросам, таким как адаптация и интеграция, повседневная жизнь мигрантов, транснационализм, регулирование миграции и т. д.

Гамлет Мелкумян окончил аспирантуру кафедры культурологии Ереванского государственного университета (ЕГУ) в 2011 году и получил степень кандидата исторических наук. Он работает младшим научным сотрудником в отделе антропологии современности Института археологии и этнографии Национальной академии наук Армении. Сфера его научных интересов – урбанистика, межкультурные отношения, дискурс национальной идентичности. Г. Мелкумян принимал участие в различных международных конференциях, опубликовал научные статьи: 1) Ереванский Вернисаж как культурное пространство // Проблемы армянской этнологии и археологии, вып. № 3, Ереван, 2007, с. 238-244 (на арм. яз); 2) Ереванский Вернисаж как представитель и создатель символов «армянскости», Бюллетень, вып. № 3 (7), Степанакерт, 2009, с. 92-98 (на англ. яз.); 3) Ереванский Вернисаж: блошинный рынок и ярмарка сувениров // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержаний докладов, Тбилиси, 2010, с. 492-493.

Сатеник Мкртчян с 2009 года является докторантом по специальности антропология на факультете Гуманитарных наук Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили (ТГУ). Она исследует конструирование национальной идентичности в процессе получения образования в средней школе на примере средних школ г. Еревана (Армения) и г. Тбилиси (Грузия). С. Мкртчян получила степень бакалавра социологии и магистра истории (кафедра Этнографии) в Ереванском государственном университете (ЕГУ). С 2003 года С. Мкртчян работает младшим научным сотрудником в Институте археологии и этнологии Национальной академии наук Армении. Она также работала в качестве эксперта в различных местных и международных организациях, предоставляла консультации по оценке программ, качественным и количественным исследованиям, обработке и анализу данных.

Шушаник Епископосян в 2002 году получила степень бакалавра социологии в Ереванском государственном университете (ЕГУ), а в 2004 году – степень магистра социологии и конфликтологии там же. После окончания университета она работала журналистом-репортером в армянском филиале Радио Свободы, затем работала арт-менеджером в культурно-креативной организации www.utopian.am. С 2007 по 2011 год Ш. Епископосян работала менеджером контроля качества в Институте социологических и политических консультаций. С 2005 года Ш. Епископосян преподает в Ереванском государственном университете предмет “Социология искусства”. Она принимала участие в многочисленных международных конференциях, семинарах, летних школах. Сфера ее научных интересов – социология тела, социология повседневности и социология города.

DEBATING THE ACADEMIC PAPERS IN THE FRAMEWORK OF THE INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL

“Conflict and Transformation in the South Caucasus”

**Organised by the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Böll
Foundation and the Institute for Development and Peace (INEF)
of the University of Duisburg-Essen
Bakuriani, Georgia
6-10 October 2009**

The one-week summer school brought together twenty young researchers and NGO staffers from the South Caucasus and ten experts in the field of post-communist transformation, national identity, conflict management, state building and Europeanization. The organisers were Iris Kempe and Nino Lejava on behalf of Heinrich Böll Foundation and Tobias Debiel and Corinne Heaven on behalf of the Institute for Development and Peace.

The twenty participants had been selected out of fifty respondents to the call on the basis of the quality and relevance of their research projects to the main themes of the summer school. The participants came from Georgia, Azerbaijan and Armenia, and included a number of researchers currently holding Heinrich Böll scholarships. They represented a wide variety of disciplines, ranging from political science and cultural studies to European studies and anthropology. The experts came from the region as well as from Germany, Russia and the Netherlands. The key objective of the summer school was to bring together empirical findings and fieldwork in the societies and politics of the South Caucasus with broader theoretical frameworks and comparable research from other regions.

The programme of the summer school included roundtables and plenary sessions with lectures on methodology or major research issues as well as smaller working groups with presentations by the participants and feedback on their research projects. In addition, a pan-European dinner, a campfire activity, a film showing and an excursion to Borjomi-Kharagauli National Park all provided much-needed leisure after days of intensive debate and listening.

The experts used the roundtables and plenary sessions to raise methodological issues that included not only reflections on, for instance, the politicisation of research in the political/social sciences and humanities, but also overviews of the state of the art in international theory-building on topics such as democratisation, conflict management and Europeanisation. As an important, more practical contribution, they presented the set-up and implementation of their own research projects, e.g. on the analysis of national identities in school textbooks or the analysis of factors determining intra-state conflicts. Overall, the plenary sessions offered in-depth discussions on both the South Caucasus region and comparable situations elsewhere, e.g. the post-communist transition in Eastern Europe, secessionist conflicts in Cyprus and Moldova, national identification in the Baltic states as well as democratisation in Poland and Central Asia.

The working groups gave each of the twenty participants one and a half hours for a thorough discussion of empirical, methodological and theoretical aspects of his or her research endeavour. Nevertheless, more often than not there was not enough time for all the questions, methodological critiques, theoretical queries and suggestions for additional reading or new angles to the topic. Generally speaking, the on-going research projects were solid in terms of methodology and implementation of the empirical studies and fieldwork and offered interesting insights into pertinent developments and dispositions in the respective societies, especially for the experts from outside of the region.

Accordingly, the experts were able to give valuable advice to the young researchers in respect to the relevant international literature on their topic, the availability of comparable studies for other regions as well as suggestions for further theoretical underpinning of the projects. The projects discussed covered a wide variety of topics, ranging from the analysis of history textbooks in Georgia and Armenia to a study of the foreign policy of non-recognised entities; from an interview-based study of migrant women and their motives to the Europeanisation of the states of the South Caucasus; from homosexuality in Tbilisi to artisans markets in Yerevan. Overall, the majority of the projects were focussed on either consequences of regional conflicts (e.g. migration, IDPs), conflict-resolution strategies (e.g. youth dialogue, national identity), socio-economic problems (e.g. labour markets, education) or Europeanisation (e.g. European Neighbourhood Policy, democratisation). Many of the projects touched upon more than one of these four aspects, such as Europe's role in conflict resolution. Consequently, many links between individual projects became apparent

in the discussions, in terms of source material, methodology or theoretical framework.

After five days, thirty individuals set out to travel back to their hometowns - as far apart as Duisburg and Baku - knowing that a new research network had been created and that the new contacts and ideas would propel their personal projects and hopefully also long-term visions of peaceful development and Europeanisation in the region of the South Caucasus.

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ РАБОТ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Конфликты и преобразование на Южном Кавказе

**Летняя школа была организована Региональным офисом Фонда
им. Генриха Бёлля на Южном Кавказе и Институтом Развития и Мира
(INEF) Дуйсбург-Эссенского Университета
6-10 октября 2009 года
Грузия, Бакуриани**

Однонедельная летняя школа собрала вместе двадцать молодых исследователей и сотрудников неправительственных организаций Южного Кавказа, а также десять экспертов в областях посткоммунистических преобразований, национальной идентичности, управления конфликтами, построения государства и европеизации. Организаторами Летней школы были Ирис Кемпе и Нино Лежава – Фонд им. Генриха Бёлля, и Тобиас Дебиель и Коринн Хевен – Институт Развития и Мира.

Двадцать участников были отобраны из числа пятидесяти, откликнувшихся на призыв Фонда, на основании качества и соответствия их научно-исследовательских проектов-аппликаций основным темам Летней школы. Участники прибыли из Грузии, Азербайджана и Армении, включая исследователей, в настоящее время получающих стипендии от Фонда им. Генриха Бёлля. Они представляли разнообразные дисциплины – от политологии и культурных исследований до европейских исследований и антропологии. Эксперты приехали как из Южно-Кавказского региона, так и из Германии, России, Нидерландов. Основная цель Летней школы заключалась в том, чтобы свести вместе эмпирические результаты и полевые исследования общества и политики Южного Кавказа с более обширными теоретическими структурами и сопоставимыми исследованиями, проведенными в других регионах.

Программа Летней школы включала круглые столы и пленарные заседания с лекциями по методологии и основным проблемам иссле-

дований, а так же небольшие рабочие группы, в которых участники имели возможность выступить с презентациями и выслушать отзывы на свои научно-исследовательские проекты. Кроме того, в день открытия Летней школы был организован обед, меню которого состояло из блюд общеевропейской кухни, а по окончании дня интенсивных дебатов и слушаний участники отдыхали, проводя свое свободное время в беседах у походного костра, в просмотре кинофильмов и в экскурсиях по Национальному парку Боржоми-Харагаули.

Эксперты использовали круглые столы и пленарные заседания для того, чтобы поднять методологические проблемы, включающие не только, например, размышления о политизации исследований в политических/общественных и гуманитарных науках, но также и краткие обзоры современного состояния международного построения теорий по таким темам как демократизация, управление конфликтами или европеизация. В качестве наиболее важного и практического вклада они представили на всеобщее обсуждение создание и приложение на практике своих собственных научно-исследовательских работ, таких как, например, анализ национальной специфики школьных учебников или анализ факторов, определяющих внутригосударственные конфликты. В целом пленарные заседания содержали как исчерпывающие обсуждения всевозможных вопросов по Южно-Кавказскому региону, так и стимулирующее сопоставление с результатами соответствующих исследований, проведенных в других регионах, например с результатами работ по следующим темам: посткоммунистические преобразования в Восточной Европе, сепаратистские конфликты на Кипре и в Молдове, национальная идентификация в Балтийских государствах, а также демократизация в Польше и странах Средней Азии.

В рабочих группах каждый из двадцати участников получил по полтора часа для всестороннего обсуждения эмпирических, методологических и теоретических аспектов своего исследования. Однако довольно часто времени было недостаточно для рассмотрения всех вопросов, методологического критического анализа, теоретических консультаций, а также для предложений дополнительной литературы или для взгляда на тему под другим углом. В целом, научные исследования, работа над которыми ведется на данный момент, были достаточно серьезны с точки зрения использованной методологии и приложения результатов эмпирических и полевых исследований, в них было представлено интересное понимание сути фактических

перемен и характера соответствующих обществ, в частности, это было особенно интересно для экспертов из других регионов. Приглашенные эксперты смогли дать ценный совет молодым исследователям относительно интернациональной литературы по их темам, наличия сопоставимых исследований по другим регионам, а также предложить свое видение дальнейшей теоретической разработки научно-исследовательских проектов. Обсужденные работы, действительно охватывали большое разнообразие тем: от анализа учебников истории Грузии и Армении до исследований внешней политики непризнанных субъектов; от исследований, основанных на интервью женщин-мигрантов и их мотивов, до европеизации государств Южного Кавказа; от гомосексуализма в Тбилиси до рынков ремесленников в Ереване. Большинство проектов было сосредоточено на последствиях региональных конфликтов (таких как, например, миграция, вынужденно перемещенные лица), стратегиях решения конфликтов (молодежный диалог, национальная специфика), социально-экономических проблемах (рынки труда, образование) или европеизации (европейская политика соседства, демократизация). Очевидно, что многие из проектов касались не только одного из этих четырех аспектов, а также затронули такие темы как, например, роль Европы в решении конфликтов. Следовательно, множество связей между отдельными проектами с точки зрения источника материала, методологии или теоретической структуры стало очевидным в процессе их обсуждения.

По истечению пяти дней тридцать человек были готовы вернуться обратно в свои родные города, такие далекие друг от друга как, например, Дуйсбург и Баку. Они покидали Бакуриани зная, что новая научно-исследовательская сеть была сформирована, и что новые контакты и идеи будут стимулировать не только их новые проекты, но и дальнейшее мирное развитие и европеизацию Южно-Кавказского региона.

 HEINRICH BÖLL STIFTUNG
SOUTH CAUCASUS

The Heinrich Böll Foundation, affiliated with the Green Party of Germany, is a legally independent political foundation. The regional office for the South Caucasus was opened in 2003. Its main objective is to contribute to the forming of free, fair and tolerant societies in the region. The Foundation supports and facilitates cooperation of individuals and organizations throughout the region who, based on the principle values of human rights, search for the change of undemocratic and intolerant attitudes in societies and politics, for the transformation of ethno-political and territorial conflicts into the direction of fair and non-violent solutions and for the sustainable development of people and communities. The Foundation encourages critical public debate to make processes of decision-making democratic and transparent.

www.boell.ge